

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ИЮЛЬ
2011**

**ТАМУЗ
5771**

N 7(231)



ЛЕХАИМ 7/231

*Ежемесячный литературно-публицистический журнал
выходит с 1991 года*

*Главный редактор
Борух Горин*

*Административный директор
Яков Ратнер*

*Ответственный секретарь
Елена Калло*

*Художественный редактор
Евгения Черненко*

*Выпускающие редакторы
Лариса Беспалова
Ишайя Гиссер
Елена Дворецкая
Галина Зеленина
Александр Иличевский
Афанасий Мамедов
Йеуда Рабейко
Михаил Эдельштейн*

*Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский*

*Корректор
Виктория Рябцева*

*Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев*

*Художники
Павел Шевелев (с. 36, 39)
Александр Горнов (с. 71, 73, 74, 77)
Дмитрий Шинбин (с. 79, 81, 83, 85)
Дмитрий Шевионков-Кисмелов (приложение)*

*Фотографы
Вадим Бродский (с. 1, 31, 48, 49)
Материалы из архива Е. П. Зальцман, М. Зусманович (с. 19, 20, 22–24)
Институт Сервантеса (с. 33)
Из архива ВГБИЛ (с. 33–35)
Из архива Аарона Гуревича (с. 42)
Bali Szabo (с. 45)
Василина Орлова (с. 47)
Василий Попов (с. 50)*

*Из личного архива Романа
Тименчика (с. 51–54)*

*Ольга Виноградова (с. 91)
Из архива Музея истории евреев в России (с. 98–101)*

Из архива театра «Современник» (с. 105)

**Фото предоставлены агентствами
Fotobank (с. 4–6), РИА «Новости» (с. 109), Фото ИТАР-ТАСС (с. 110)**

**На обложке
Спектакль «Враги. История любви». Из архива театра «Современник»**

**Подписано в печать 16.06.11.
Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.
Объем 16 печ. л. Цена договорная
ISSN 0869-5792**

**Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати,
регистрационный номер 01126 от 22.05.92**

© «Лехаим», 2011

Адрес редакции: 127018, Москва, 2-й Вышеславцев пер., 5а.

Тел. (495) 710-88-03

E-mail: lechaim (@) lechaim.ru

Internet: <http://www.lechaim.ru/>

**За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых продуктов
редакция ответственности не несет.**

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Сайт: <http://www.оаомпк.ру>, <http://www.оаомпк.рф>

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

КОЛОНКА РЕДАКТОРА



В Москву с мини-семинаром приезжал профессор Джеймс Кугел. Несколько десятков счастливицков слушали его лекции, а мне и Юрию Табаку повезло еще и поговорить с ним лично (с. 31). Вы имеете возможность не только ознакомиться со стенограммой этого разговора, но и прочесть его монументальный труд «В доме Потифара», недавно изданный в России.

Кугел занимается потрясающими, почти фантастическими вещами. Он реконструирует прошлое. Вооруженный строго академическим подходом, он заглядывает в мозг иерусалимца, жившего 2000 лет назад.

Профессор Кугел — библеист. Он изучает не только текст великой Книги, но и — пожалуй, даже в большей степени — традиции его прочтения.

В нашей беседе я задал ему вопрос, давно меня интригующий. Вот смотрите, у нас есть Книга книг. Книга, не созданная нами, а создавшая нас. Сформировавшая ход мыслей, мораль, черты характера целого ряда цивилизаций. Заметьте, разных, очень разных цивилизаций. То есть традиция прочтения этой книги — не совсем вопрос ученых штудий. Это — лицо народа. Ну вот сидит передо мной еврей (то есть представитель народа, сформированного традицией прочтения Книги) в кипе (то есть последователь талмудической традиции прочтения этой книги), да еще и в черной, не вязанной (вспоминается афоризм профессора Шинана из Иерусалимского университета: «Скажи мне, в какой ты кипе, и я скажу, кто ты»). Значит, этот человек, помимо всего прочего, — результат осознанного отказа раввинов, героев Мишны и Талмуда, от «внешних» традиций, — они так их и именовали: «внешние книги». Рабби Акива, например, говорил, что у читающего книгу Бен-Сиры нет удела в Будущем мире. То есть они отдавали себе отчет в том, чем занимаются. Они создавали евреев. Вот таких евреев — без Бен-Сиры и книги Юбилеев, отвергнутых мудрецами в качестве канонических текстов. Евреев, празднующих в Хануку чудо огней, а не день победы.

Ответ на мой вопрос я получил не столько в интервью, сколько в трудах Кугела. Он занимается не этим — не выяснением, кто прав, победившие или забытые. Он занимается анализом мышления древних, выяснением источников его формирования. Например, в «Доме Потифара» он разжевывает общий мотив, иногда еле слышимый в очень далеких друг от друга прочтениях истории Йосефа Прекрасного. Он отсеивает конъюнктуру — политическую, религиозную, родовую — и вычленяет некое представление, общее для всех, и при этом не вытекающее из простого понимания текста. И это ядро есть предмет его поиска. Следовательно, так люди понимали это место в этом тексте 2000 лет назад. А почему они понимали его именно так? Значит, у них был не вызывающий сомнения инструмент этого понимания. Он-то и есть предмет интереса профессора Кугела. Его-то и воссоздает он по крупицам.

Наверняка, в моем пересказе потерян весь «цимес». Тогда поверьте мне на слово: все это намного интереснее любого лихо закрученного детектива. Впрочем, не верьте мне на слово: прочтите книги Кугела и приходите на потрясающие лекции, которые организывает проект «Эшколот» в России.



ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

לְיָהוָה אֱלֹהֵינוּ יִשְׁתַּחֲוֶה

26 Í ÈÑÀÍÀ, 5724

<...> Отвечаю на Ваш вопрос, не изменилось ли мое мнение в вопросе о молитве в государственных школах, который в последнее время вновь оказался на повестке дня в связи с усилиями Конгресса внести в конституцию новые поправки, допускающие определенные формы отправления культа в государственных школах.

Могу Вас заверить, что мое мнение, изложенное в письме от 23 хешвана 5723 года, совершенно не изменилось. Как я и говорил, мое мнение основывается на Торе, называемой Торой жизни. Соответственно, оно не может меняться со временем. Напротив, если какие-либо изменения и возможны, то лишь в сторону еще большей убежденности в том, что ученики государственных школ должны начинать свой учебный день с внеконфессиональной молитвы, признающей Творца и Владыку мира, нашу зависимость от Него. По моему глубокому убеждению, это жизненно необходимо для того, чтобы внушить подрастающему поколению: мир, в котором они живут, — не дикие джунгли, где безраздельно правят грубая сила, коварство и неконтролируемые страсти. У этого мира есть Хозяин, который является не абстракцией, но личным Б-гом. Эта Высшая Сущность следит за судьбой и поведением каждого человека, поэтому каждый ответствен перед Ним за свои поступки.

Подростковая преступность, трагический симптом разочарования и замешательства подрастающего поколения, его неуверенности в себе, не уменьшается, но, напротив, непрерывно растет. Трудно поверить, что полиция и другие силовые ведомства могут снизить, не говоря уже о том, чтобы

совершенно искоренить, подростковую преступность, даже если приставить полицейского к каждому проблемному ребенку. Кроме того, это в принципе неверный подход: настоящее лечение занимается причинами, а не симптомами болезни.

Достаточно ли сказать малолетнему хулигану, что преступление «не окупается» и рано или поздно он непременно окажется за решеткой? Думается, он также не слишком впечатлится, услышав рассуждение, что нарушение законов является злодеянием по отношению к обществу. Необходимо каждому ребенку внушить идею, что любое правонарушение является преступлением против Б-жественной власти и порядка.

На первый взгляд эту задачу должны взять на себя дома молитвы и духовные лидеры. Однако всякий, кто не хочет обманываться относительно посещаемости домов молитвы (в отношении как числа молящихся, так и частоты посещений), вынужден признать: если переложить эту ответственность на религиозные учреждения, это ни к чему не приведет. Мы также не можем позволить себе ждать, пока они займут подобающее место в обществе и особенно в жизни подрастающего поколения — поскольку молодежь не станет нас дожидаться.

Следует с самого раннего возраста приучать детей к мысли, что за ними следит «...око видящее и ухо слышащее»^[1]. Мы не можем доверить силовым ведомствам роль хранителей морали и нравственности подрастающего поколения. Юношу или девушку, сбившихся с пути истинного, не остановят полицейский, учитель или родитель, поскольку дети считают, что им по силам их перехитрить. Поэтому решение проблемы зависит от того, удастся или нет внушить детям мысль, что за их жизнью наблюдает Верховный Владыка, перед которым следует не только трепетать, но и любить Его. В современных условиях, сложившихся в нашей стране, ежедневная внеконфессиональная молитва в государственной школе — единственная возможность внушить эту мысль подавляющему большинству мальчиков и девочек.



С другой стороны, я также неоднократно подчеркивал, что в государственных школах возможна только строго внеконфессиональная, и никакая другая молитва. Против любой конфессиональной молитвы и/или религиозной практики следует протестовать в силу различных причин, в частности и потому, что это приведет к расколу и враждебности. Также следует протестовать против чтения в школах Библии, поскольку чтение Корана или Нового Завета неизбежно вызовет споры и разногласия.

Кроме того, в данном случае необходима такая религиозная практика, которая будет прививать детям почитание и любовь к Всевышнему. Для этого лучше всего подходит именно молитва, тогда как чтение Библии в данном случае не столь принципиально.

За время, прошедшее с момента написания предыдущего письма, меня познакомили с несколькими возражениями моих оппонентов. Я воспользуюсь возможностью, чтобы объяснить, почему они не переубедили меня в этом жизненно важном вопросе. **[1] Пиркей Авот, 2:1.**

ВСЕ МЫ ОДНА СЕМЬЯ

Ааде Эацад

*В ієсб юе нодіеē а іінеаіеа аіе і адна адаеіт: аоаі еаі і іае нодоае аі: аде — оае
:оі і аіоу :еодоаеē і дінюд і аіу, :оі у іі іаа даі і оеуь іаі даеē: іуі е аіі аеоаі е адаеіе
іааіу. А еііоа еііоіа юі іаі і е: іаі уо адаеіуо е іаі уо даііоіуо іаіоēē о адаа: аае
і: аіоēēаі, діаеоаеē даау, :оі аіа іаі і аеі і а юіе аеіе?*

Сегодня я хотел бы рассмотреть один важный момент, который, к сожалению, в последнее время нередко забывается. В нашей традиции всегда было принято использовать свадьбу, чтобы помочь тем, кому сейчас не так хорошо, как нам. В каких-то общинах родители жениха и невесты незадолго до хупы устраивали праздничный стол для бедных; в других — находили молодую пару, которая не в состоянии устроить хупу, и давали ей деньги на свадьбу и обзаведение. Наконец, во многих местах существовал обычай приглашать бедных к свадебной трапезе, вместе с родственниками и близкими друзьями.

Не так просто понять, откуда эта традиция — совмещать бракосочетание с благотворительностью. Несомненно, благотворительность — одна из основ еврейской жизни, но как она связана со свадьбой? Одно из объяснений дает нам трактат «Пиркей Авот»: «Пусть бедняки будут чувствовать себя в своем доме своими». А в буквальном переводе с иврита это поучение звучит еще более недвусмысленно: «Пусть бедняки будут твоими домочадцами!» Иными словами, верующий еврей должен относиться к бедным не просто как к людям, которым надо помочь, но как к членам своей семьи: что ты даешь близким родственникам, то ты должен дать любому еврею, который оказался в сложной жизненной ситуации!

Это нужно всем — и тем, кто помогает, и тем, кому помогают. С одной стороны, бывают ситуации, когда человек стесняется пригласить бедных, потому что мало чем может с ними поделиться. Но ведь на членов семьи это не распространяется: ты помогаешь им просто потому, что иначе не можешь, даже если сам находишься в стесненных обстоятельствах! Желание помочь — замечательное чувство, оно не может и не должно вызывать смущения или тем более стыда.

В то же время нужно, чтобы и те, кому помогают, не чувствовали себя униженными. Принимать помощь психологически куда труднее, чем ее оказывать. Но когда помогают родственники — ощущение совсем другое, принимать помощь от родных и близких вполне естественно!

Есть еще одно объяснение традиции совмещать свадьбу с благотворительностью — может быть, даже более важное. В трактате «Шульхан арух» мы читаем, что «в праздники и дни нашей радости» человек должен не только пить, есть и веселиться сам, но и дать радость тем, у кого сегодня по разным причинам ее недостает. Иными словами, благотворительность в день свадьбы — это урок прежде всего для новобрачных. Когда создается новая семья, родители дают детям своего рода напутствие: вы сможете обрести настоящую радость, только если сами будете давать радость тем из ваших ближних, кому сейчас трудно.

Пока молодой человек живет с родителями, которые о нем заботились с детства, главное для него в жизни — это он сам. Но когда юноша женится, а девушка выходит замуж, — изменяются жизненные приоритеты: теперь для мужа главное — жена, а для жены — муж. А потом еще и дети пойдут, и они тоже окажутся в центре заботы супружеской пары. Чтобы психологически быть готовыми к такой ответственности, к такой любви, нужно заранее привыкать к тому, что твоя собственная жизнь не будет полноценной без заботы о других людях.

Поэтому даже в день свадьбы у нас принято напоминать молодоженам о том, что рядом всегда есть кто-то, кто нуждается в помощи и поддержке. Отсюда, кстати, берет начало обычай: на свадебном столе должна стоять копилка для цдаки. Такая же копилка станет потом одним из главных предметов в доме молодой семьи.

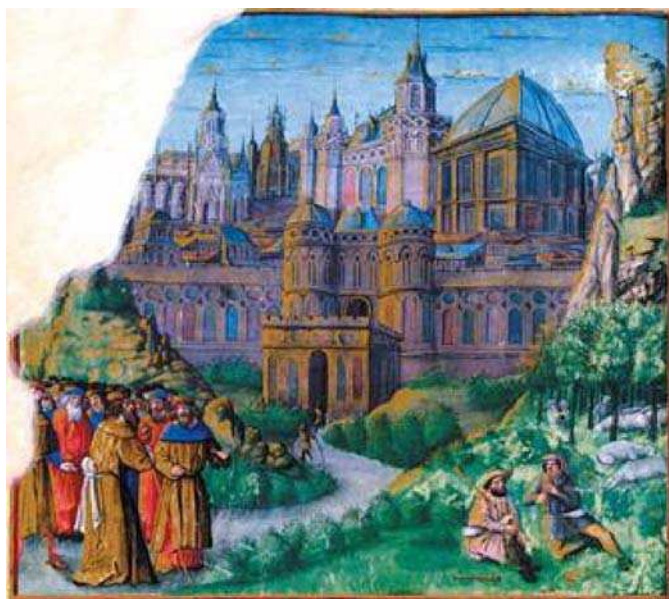
...Вы читаете эти строки, когда свадьба моей дочери уже состоялась, когда новая еврейская семья уже начала самостоятельную жизнь. Мы с женой, как и родители нашего зятя, от всего сердца желаем им радости и счастья — и очень надеемся, что это счастье они обретут на путях праведности, совершая

добрые дела и никогда не забывая давать радость ближним. И дай Б-г, чтобы наши сегодняшние чувства смогла испытать каждая еврейская семья

МЕСЯЦ ТАМУЗ И ПАДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА

Евгений Левин

Говоря о трагических событиях месяца тамуз, в первую очередь мы вспоминаем вавилонскую осаду Иерусалима в конце эпохи Первого храма. Согласно традиции, именно в этом месяце осаждавшие пробили брешь в городских стенах. Иерусалимский Талмуд (Таанит, 84) сообщает: городские стены были пробиты 17 тамуза. Однако библейский рассказ об этой трагедии позволяет предположить, что к этой дате было завершено взятие города, начавшееся раньше, 9 тамуза: «В девятый день месяца усилился голод в городе, и не было хлеба у народа земли. И взят был город, и побежали все военные ночью по дороге к воротам, между двумя стенами, что подле царского сада» (Млахим II, 25:3-4).



Прибытие крестоносцев в Иерусалим. «Себастьян Мамеро: Хроника крестовых походов».

1474 год. Национальная библиотека. Париж

Хотя в статье речь пойдет и об иерусалимских стенах, проломленных в месяце тамуз, событие, о котором мы будем говорить, произошло на полтора тысячелетия позже.

По единодушному свидетельству еврейских и христианских источников, начавшийся в 1096 году Первый крестовый поход сопровождался массовыми насилиями против евреев Германии, Чехии и других стран, оказавшихся на пути крестоносцев.

«И было, что, проходя мимо городов, где жили евреи, сказали эти люди друг другу: “Вот мы отправились в долгий путь на поиски нашего языческого святилища и для мести исмаильтянам, в то время как тут, прямо среди нас, живут евреи — те, чьи отцы умертвили и распяли его ни за что. Давайте же сначала отомстим им и уничтожим их из числа народов, так чтобы имя Израиля никто бы не помнил, или пусть примут нашу веру и признают сына греха и распутства”»[1] (перевод мой. – Е. Л.).

«В том же году в народе началось такое возбуждение, такое религиозное рвение по причине похода в Иерусалим, что в немецких областях, и особенно в Восточной Франции, в городах и деревнях осталось лишь очень немного жителей... Некоторые из них стали проходить через нашу страну; проходившие нападали на евреев и с Божьего соизволения крестили помимо их воли, тех же, которые противились, убивали. Епископ Козьма, считавший насильственное крещение противоречащим предписаниям церковных законов и движимый справедливостью, попытался воспротивиться крещению евреев помимо их воли, но тщетно»[2].

«Они либо совершенно уничтожали безбожнейшие остатки иудеев как истинно внутренних врагов церкви по городам, через которые проходили, либо вынуждали их искать спасения в крещении; однако очень многие из тех впоследствии вновь вернулись к иудаизму»[3].

Трудно сказать, насколько подробно знали евреи Иерусалима о том, что происходит с их братьями в Европе. Однако они не могли не помнить указ о насильственном крещении, изданный императором Ираклием — последним христианским правителем Святой земли. Поэтому в войне между крестом и полумесяцем их симпатии были на стороне мусульман. И когда, пройдя через Малую Азию и овладев Антиохией, армия крестоносцев пересекла границы Святой земли, местное еврейство встретило их с оружием в руках.

7 июня 1099 года крестоносцы подошли к стенам Иерусалима. Воины плакали, увидев стены священного города, ради завоевания которого вышли в поход три года назад. Началась осада. Иерусалим был хорошо укреплен, его гарнизон насчитывал до сорока тысяч бойцов, плюс за оружие взялись многие горожане и беженцы, в том числе и местные евреи. Однако воины креста были полны решимости взять город, невзирая ни на что.

Решающий штурм Иерусалима начался 14 июля (23 тамуза). Первый день боев не принес решительного успеха ни той ни другой стороне. Назавтра сражение возобновилось. Крестоносцам удалось засыпать ров, окружающий укрепления, придвинуть осадные башни прямо к городским стенам и поджечь защищавшие их мешки. Как пишет христианский хронист, «дуновение северного ветра раздуло <огонь> в яркое пламя и погнало в город такой густой дым, надвигавшийся все беспощаднее, что защитники стен не были в состоянии открыть ни рот, ни глаза...»[4]. Это позволило крестоносцам перебросить на стену деревянные мостки и прорваться в город. Первым был некий рыцарь Летольд, за ним последовали вожди крестоносцев Готфрид Бульонский и Танкред Тарентский. Увидев, что город пал, эмир гарнизона башни Давида, где находился основной мусульманский гарнизон, сдался и открыл перед врагом Яффские ворота.

Все авторы, сообщавшие о взятии Иерусалима, единодушно свидетельствуют о чудовищной резне, которую воины креста устроили в святом городе. Яковитский патриарх Михаил Сириец писал, что «многие из арабов погибли в городе, и он был переполнен трупами, [павшие были даже] в Храме Купола, который именуют мечетью Скалы». Еще красноречивее был очевидец штурма Раймунд Ажилский: по его словам, «в храме Соломоновом и в его портике передвигались на конях в крови, доходившей до колен всадника и до уздечки коней»[5]. Убийства сопровождалось массовым грабежом: крестоносцы «рассеялись по всему городу, хватая золото и серебро, коней и мулов, забирая [себе] дома, полные всякого добра <...> наши пилигримы гнали и убивали сарацин до [самого] храма Соломонова, скопившись в котором они дали нам самое жестокое сражение за весь день, так что их кровь текла по всему храму. Наконец, одолев язычников, наши похватили в храме множество мужчин и женщин и убивали сколько хотели <...> и никто еще не слышал и не видел такого истребления язычников»[6].

Большинство авторов, писавших о взятии Иерусалима, говорят о массовом избиении мусульман (которых некоторые из них называют также «язычниками»). Однако, по словам византийской принцессы Анны Комнин, среди жертв рыцарей креста были и иерусалимские евреи: «Окружив его стены и приступив к осаде, они <крестоносцы> после месяца непрерывных штурмов взяли город и убили много жителей — сарацин и евреев»[7]. Подробности о судьбе иерусалимской общины сообщает арабский хронист Ибн аль-Каланиси, живший в Дамаске в XII веке: «На следующий день франки снова подступили к городу, поднялись на осадную башню и оттуда хлынули на стены, и горожане обратились в бегство. А франки вошли в город и овладели им. Некоторые жители города бежали в мечеть, и было убито великое множество. Иудеи собрались в своем храме, но франки сожгли их там»[8].

В литературе можно встретить утверждения, что крестоносцы уничтожили всех евреев Иерусалима. Письма, найденные в каирской генизе историком Ш. Гойтеном, свидетельствуют, что это преувеличение: пока в городе шли бои, у крестоносцев, слава Б-гу, не было ни сил, ни времени на организацию подобных акций. Поэтому многие иерусалимские евреи попали в плен и были впоследствии выкуплены своими соплеменниками[9]. Другие попали в плен к Танкреду Тарентскому и были отправлены им в Апулию. Уцелевшие евреи были изгнаны из Иерусалима вместе с другими нехристианами. Как бы то ни было, еврейская община города перестала существовать.

Впоследствии жизнь евреев основанного крестоносцами Иерусалимского королевства вошла в спокойную колею. Как показал иерусалимский историк Йеошуа Правер, они испытывали даже меньше ограничений, чем их европейские единоверцы. Еврейские путешественники, побывавшие в то время в Земле Израиля, сообщают о еврейских общинах, достаточно мирно живущих в разных городах, контролируемых

крестоносцами. И лишь в Иерусалиме евреев не осталось: законом королевства иудеям и мусульманам было запрещено проживать в Святом городе. Исключение было сделано лишь для одного дома, который ежегодно сдавался королем группе евреев-красильщиков, сумевших получить монопольное право на окраску тканей[10].

Пока Иерусалим находился под властью мусульман, он по-прежнему оставался пусть не самым главным, но все-таки достаточно значительным духовным центром еврейского народа. В частности, там действовала знаменитая Иерусалимская ешива, переведенная в город из Тверии. При крестоносцах все это было уничтожено.

Таким образом, в 1099 году история как бы повторилась. Как и в библейские времена, месяц тамуз вновь принес горе, смерть и разрушение евреям Иерусалима.

[1]. *Soloman bar Samson. The Crusaders in Mainz. May 27, 1096.*

[2]. *Козьма Пражский. Чешская хроника, книга 3.*

[3]. *Эккехард из Ауры. Всеобщая хроника Эккехарда. Часть 13.*

[4]. *Гильом Тирский. История деяний в заморских землях, книга VIII.*

[5]. *Раймунд Ажилский. История франков, которые взяли Иерусалим.*

[6]. *Деяния франков и прочих иерусалимцев. См.:*

http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Gesta_Fr_ler/frametext4.htm.

[7]. *Анна Комнин. Алексиада.*

[8]. *Ибн аль-Каланиси. История Дамаска.*

[9]. *S. Goitein. Contemporary Letters on the Capture of Jerusalem by the Crusaders. P. 264–267.*

[10]. *Вениамин Тудельский. Книга странствий.*

ВЕЛИКАЯ ПРИВИЛЕГИЯ

Àèàèàà àð Òàéàéà

Иудаизм, еврейская традиция во многом базируются на индивидуализме, но, в общем, являются семейной, клановой практикой. Мы живы как народ, пока живы как семья: пока помогаем и заботимся друг о друге, пока для нас нет «чужого» еврея. Попытки дистанцироваться от евреев и еврейства могут только повредить тому, кто принял такое решение. Подобное особенно часто встречается среди преуспевших в делах; те, кто победнее, напротив, более склонны к коллективизму. Это обращаясь к состоятельным и самостоятельным говорит Писание: «Не думай в душе своей, что спасешься в доме царском только ты из всех евреев. Ибо если ты промолчишь в такое время — спасение и избавление придут к евреям иным путем, а ты и дом твоего отца сгинете; и кто знает, не для этой ли поры пришел ты к царству» (Эстер, 4:13-14).

Порой бывает обидно сознавать себя «дойной коровой» общины, видеть в глазах собратьев ясное, хотя и не высказываемое в лоб требование: «Дай! Дай!»[1] И все же отдавать, делиться — не только долг, но и великая привилегия. Не каждый может по праву сказать о себе: «Мой народ нуждается во мне! Всевышний дал мне стать опорой народа Израиля — Его избранника и любимца».

Отдавать, делиться — не только похвально, но и выгодно. Среди 613 заповедей Торы благотворительность стоит особняком, обладая уникальным свойством. Тора запрещает испытывать Всевышнего, говоря: если я исполню эту заповедь, воздаст ли Он мне за праведность? Такого рода эксперименты с Творцом могут плохо кончиться. Благотворительность же — единственное исключение из правила.

«Сказал р. Йоханан: “Что означает „Отделяя, отделий десятину“ (Дварим, 14:22)? Отделяй десятину, чтобы богатеть»[2].

Встретил р. Йоханан малое дитя Реш-Лакиша. Сказал ему: «“Произнеси стих Писания, который ты учил сегодня”. “Отделяя, отделий десятину”, — ответил тот. — “А почему сказано „отделяя, отделий“? — “Отделяй, чтобы богатеть”. — “Откуда ты это взял?! Пойди-ка проверь это!” — “Но разве можно испытывать Всевышнего? — удивился ребенок. — Разве не сказано: „не испытывайте Всевышнего“ (Дварим, 6:16)?!” — “Как говорил р. Ошая, <...> нельзя испытывать Всевышнего ни в чем, кроме отделения десятины, ведь Он Сам сказал: „Несите всю десятину в сокровищницу <...> и проверьте-ка Меня, не раскрою ли Я вам окна небесные и не изолью ли на вас благословение сверх всякой меры?“» (Малахи, 3:10) (Таанит, 9).

Итак, Всевышний говорит, что успех инвестиций в десятину гарантирован. Но разве мы не видели множества людей, отделивающих десятину и не разбогатевших? Однако далеко не всегда мы видим всю картину. Из сотни состоятельных евреев, обращавшихся ко мне за консультацией, ни один не вычислял десятину правильно. Это были не бедные и не жадные люди, они охотно и много давали неимущим, но расчет суммы был настолько далек от правил, что трудно было ожидать иного результата, кроме финансовых проблем.

Даже если вы не видите пока результатов своей щедрости, верьте, что Всевышний — надежный партнер.

«Порой Творец делает первый шаг и дает человеку богатство, чтобы увидеть, сколько тот отдаст на благотворительность. А порой человек делает первый шаг и дает больше, чем можно от него ожидать, и тогда Всевышний не остается в долгу» (письмо Любавичского Ребе от 11 элула 5710 года).

Многие путают понятия «цдака» и «маасер» («пожертвование» и «десятина»). Разберемся с терминологией.

Всевышний велит помогать ближнему: «Если же будет у тебя бедный из братьев твоих <...> то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей пред нищим братом твоим...» (Дварим, 15:7-8). «И если обеднеет брат твой и придет в упадок у тебя, то поддержи его <...> и будет он жить рядом с тобою» (Ваикра, 25:35).

Само слово «цдака» может рассказать о еврейском отношении к этому понятию. По-русски говорят: «милостыня», «подавание», полагая, что дающий оказывает милость нуждающимся. Еврейское «цдака» происходит от корня «цедек» — «справедливость». Бедный получает свое, полагающееся ему по праву.

Рамбам пишет (Мишне Тора, Матанот Аниим, 10:1): «Мы должны быть осторожны и педантичны в исполнении заповеди о цдаке более, чем в отношении любой другой повелевающей заповеди. Цдака служит опознавательным знаком потомства Авраама, праотца нашего, как сказано: “Ибо Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя соблюдать путь Всевышнего, творя пожертвования[3]”» (Берешит, 18:19). Лишь заповедью цдаки утверждается престол Израиля, на этом стоит истинная вера, как сказано: «На цдаке будешь основана» (Йешаяу, 54:14). И лишь цдакой будет освобожден Израиль, как сказано: «Сион будет искуплен правосудием, а его раскаявшиеся — цдакой» (Йешаяу, 1:27).

Рамбам говорит (Мишне Тора, Матанот Аниим, 7:3) и о соотношении потребностей бедного и размера пожертвования: «По мере нужды бедного ты обязан дать ему. Нет у него одежды — одевают его, нет домашней утвари — покупают ему, нет у него жены — женят его[4]. Более того, если был он привычен ездить на коне, а впереди чтобы бежал раб, а потом обеднел он, покупают ему коня <...> и раба, чтобы перед ним бежал. Ведь сказано дать ему «то, чего ему недостает» (Дварим, 15:8).

По способу исполнения заповедь цдаки имеет восемь уровней (см.: Рамбам. Мишне Тора, Матанот Аниим, 10).

Высшая, наилучшая ступень: помогать обедневшему еврею пожертвованием или ссудой, или взять его в компаньоны, или найти ему работу, чтобы поддержать его до тех пор, пока он не будет ни в ком нуждаться.

Дальше — ступени по нисходящей: жертвовать бедным так, что ни жертвователю не знает, кому дает, ни бедный не знает, от кого получает[5]; жертвователю знает, кому дает, а бедный не знает, от кого получает[6]; жертвователю знает, кому дает, и бедный знает, от кого получает[7]; жертвователю помог прежде, чем бедный попросил о помощи; помощь оказана по просьбе бедного; жертвователю дает меньше, чем мог бы, но приветливо; жертвователю подает, но с огорчением, неохотно.

Наилучшим исполнением заповеди считается помощь, которая позволит человеку более не нуждаться в поддержке. Ошибочно приписываемая древним китайцам мысль о рыбе и удочке вполне согласуется с нашим мировоззрением: лучше раз помочь человеку встать на ноги, чем бесконечно тормозить его падение. Следующий уровень требует не только частной инициативы, но и общинной самоорганизации. Установление общественной кассы цдаки является едва ли не древнейшим феноменом еврейской общинной жизни: «Во всяком городе, где есть евреи, следует назначить распорядителей[8] цдаки — людей известных и надежных, которые будут обходить народ от кануна субботы до кануна субботы[9], собирать с каждого столько, сколько он должен дать в установленном ему размере. И они распределяют деньги от кануна субботы до кануна субботы, и раздают бедным на пропитание на все семь дней. Это и называется кассой. Не видано и не слышано, чтобы была еврейская община без кассы цдаки» (Матанот Аниим, 9:1-3). Сказано в Талмуде, что, если был бы такой город, где нет кассы цдаки, мудрецу было бы запрещено там жить (Сангедрин, 126).

Обычно, кроме кассы, покрывающей долговременные нужды благотворительности, община держит отдельную кассу для повседневного питания бедных. Большая касса цдаки раздает нуждающимся семьям деньги на неделю, а эта ежедневно предоставляет бесплатные трапезы. Иными словами, касса цдаки планомерно поддерживает существование семей, и не всегда это касается острых жизненных потребностей, а «малая касса» подстраховывает в экстренных случаях.

Закон требует, чтобы деньги цдаки не были в распоряжении одного человека, даже если никто не сомневается в его честности: «Касса не пополняется[10] менее чем двумя, не распределяется менее чем тремя» (Шульхан арух, Йоре деа, 256:3). Распорядители кассы должны быть не только честны, но и не вызывать подозрений и кривотолков своим поведением, образом жизни.

Может показаться, что самым трудным в обязанностях распределителей является взыскание денег с членов общины. Но недаром сказал р. Йосе: «Лучше мне быть среди взыскивающих, но не среди раздающих цдаку» (Шабат, 118б): распределяя цдаку, распорядитель должен «проверить нужды каждого, порой личные симпатии склоняют его дать одному больше, другому меньше» (Раши. Там же).

Минимальный размер цдаки, от которого не свободен никто, даже нищий, живущий подаянием, — всего треть шекеля^[11] в год! (Рамбам. Мишне Тора, Матанот Аниим, 7:5.) Полагаю, что немногие из читателей, даже повседневно исполняя эту заповедь, подозревали, что достаточно столь малой суммы. Треть шекеля — примерно семь грамм чистого серебра; сегодня это — не более 10 долларов. Вряд ли кто раздает в год меньше. Но таков минимум, а каков оптимальный и максимальный порог цдаки? «До пятой части — наилучшее исполнение заповеди, десятая часть его достояния — средняя мера, менее того — <признак> недоброго глаза <жадности, скарденности>» (Там же).

Итак, цдака — заповедь Торы. А десятая и пятая часть — две меры исполнения этой заповеди. Чтобы исполнить заповедь, достаточно очень малого пожертвования; чтобы исполнить ее на пристойном уровне, следует отделять десятину; чтобы исполнить ее наилучшим образом, следует отделять пятую часть. По другому мнению, цдака и десятая (пятая часть) — две разные заповеди. В книге «Йосеф Омец» рекомендуется отделить десятину (пятую часть), а затем еще сумму в качестве цдаки.

[1]. По-арамейски: «Ав! Ав!» Поэтому потребительское отношение к людям и Творцу мы называем собачьей наглостью, чем несправедливо обижаем собак (Магид Дварав, 3:74).

[2]. В иврите корень **רשע** означает и «отделять десятую часть», и «богатеть»; повторение глагола **רשע רשע** можно перевести: «отделяй десятину — и разбогатеешь».

[3]. В оригинале: цдака. По исполнению этой заповеди, таким образом, можно узнать потомков-преемников Авраама.

[4]. Речь идет о базисных расходах на создание семьи.

[5]. Это осуществляется через анонимную кассу пожертвований.

[6]. Многие кладут пожертвование в почтовый ящик или под дверь бедняка, которому хотят помочь.

[7]. Например, при передаче цдаки из рук в руки.

[8]. Габай (ивр.) — взыскивающий.

[9]. Рамбам имеет в виду «в течение всей недели».

[10]. Взыскание и сбор цдаки.

[11]. Древняя мера веса серебра, служившая денежной единицей.

высшем образовании, театре (а в XX веке и в кино), но также и в бизнесе. Причем в отличие от евреев или армян формально они были мусульманами и могли поэтому занимать любые позиции в правительстве, армии и т.п.



***Γία η ἀ-ἀοιὰ Ναιίεεε. Ἰνὸ δῆμα ἀ 1902 ἀ ἀό ἀέ ἰαυεῖ ἂ ἰ ἂ
Ἐἴμα ἂ ἰ ἂ ἰίεεῖεε Ναιίεεε, ἀ γαίεε δασι ἀνὸεεῖν ἀδβαῖεῖα-ἀίεε ἰ ὄραε***

До Младотурецкой революции 1908 года никто не объявлял дёнме низшей по сравнению с прочими турками группой и не ставил под сомнение искренность их обращения в ислам; «вопрос дёнме», подобный «еврейскому вопросу», не стоял в Турции. В исламе есть много своеобразных и иногда замкнутых сект, и отношение к ним ортодоксального ислама терпимое. В организации младотурок «Иттихад ве-тераки» (Единение и прогресс) было много дёнме (равно как и евреев, и армян). Однако после 1908 года противники революции впервые отметили присутствие в ней членов секты и заклеили революцию «саббатинской» и масонской.

Балканские войны 1912-1913 годов и аннексия Салоник Грецией привели к переселению части дёнме в Турцию. Подъем национализма в Турции, начавшийся в конце XIX века и достигший апогея в 1920-1930-е годы, привел к увеличению числа смешанных браков и утере специфически саббатинских обычаев дёнме. Многим дёнме хотелось стать обычными турками. Однако революция и попытка контрреволюции в 1908-1909 годах, почти непрерывная десятилетняя война, которую вела Турция с 1912 по 1922 год, а также распад и крах империи в 1919-1923 годах ухудшили отношения между мусульманами, христианами и евреями, что отразилось и на отношении к «саббатинцам».

В 1919 году появилась 15-страничная брошюра некоего Саида Моллы (по всей видимости, псевдоним) под названием «Дёнме» (*Dönmeler*). Дёнме, утверждал автор, не евреи и не мусульмане. Это просто замкнутая группа, члены которой вступают в браки только друг с другом, и вследствие этого они приобрели особые биологические черты. Они носители всевозможных генетических болезней, а особенно нервных; браки с ними опасны. Автор сообщал также, что дёнме — главные распространители безнравственности, безбожия и заразных болезней. Они также представляют экономическую и политическую опасность для Турции, так как нелояльны и пекутся только о себе.

Опус Саида Моллы не стал в воюющей Турции массовым чтением. Вопрос дёнме впервые был представлен турецкому обществу в 1924 году, когда, в соответствии с решениями Лозаннской мирной конференции об обмене населением между Грецией и Турцией, более 10 000 дёнме, оставшихся в Салониках, были переселены в Турцию, преимущественно в Стамбул и Измир. В результате переселения община дёнме перестала существовать, что ускорило процесс их ассимиляции. Но в новой Турции дёнме стали самым заметным городским меньшинством — ведь в результате войны, массовых убийств, бегства и отъезда нетурецкого населения численность армян и греков — основных этнических меньшинств османской Турции — резко уменьшилась, число евреев с 1912 по 1924 год сократилось вдвое, а число дёнме, напротив, резко выросло. Важно и другое: дёнме были «иностранцами», живя в 1912-1923 годах под суверенитетом Греции, они не приняли участия в Войне за независимость Турции, а значит, в глазах населения, не имели права на те же привилегии, что и турки.

Первые дебаты о дёнме в 1924 году начал Мехмет Каракашзаде Рюштю, богатый торговец-дёнме. Рюштю направил петицию в Великое национальное собрание (парламент), требовавшее не допускать салоницких дёнме в Турцию, если они не откажутся от своей эндогамии и общинной замкнутости. Их регистрация как мусульман — обман. Дёнме остались евреями, они не имеют духовной связи с исламом, у них особый закон и особая совесть. Рюштю предлагал парламенту обязать дёнме родниться с турецкими семьями. Рюштю также добился встречи с президентом республики Мустафой Кемалем, дал несколько интервью, а главное — напечатал в газете *Vakit* свое «Открытое письмо ко всем салоницким дёнме», где призвал своих собратьев смешиваться с турками-мусульманами.

Мехмету Рюштю взялся ответить другой дёнме — издатель либеральной газеты *Vatan* Ахмед Эмин Ялман. Он заявил, что число дёнме невелико, и они не представляют опасности; новое поколение дёнме отбросило старые предрассудки, и только старики цепляются за саббатинские обычаи; молодежь — искренние мусульмане и турки, и проблема близка к разрешению.

Естественно, и Рюштю, и Ялман хотели только «усоветить» и «исправить» своих собратьев, а заодно продемонстрировать на собственном примере, что в Турции есть «хорошие» дёнме, патриоты и настоящие мусульмане, — но вовсе не желали положить начало кампании дискриминации и травли дёнме в

турецком обществе. Однако в результате их выступлений дёнме оказались в центре внимания; в газетах начали обсуждать, являются ли они турками, а если нет, то имеют ли они право на ведущие позиции в экономике, культуре и политике — ведь они должны быть зарезервированы за «истинными турками» (*Öz Türkler*). Сам Ялман превратился в символического дёнме для турецких дёнмефобов всех мастей. До своей смерти в 1972 году он пережил несколько кампаний травли в правой печати, а также покушение на свою жизнь в 1952 году; в покушении принял участие и «мэтр» турецкого антисемитизма Джеват Атилхан.

1920-1930-е годы принесли с собой рост смешанных браков в среде дёнме. Но в то же время в Турцию активно проникал расизм, особенно расизм нацистского толка. Общественное сознание связывало дёнме с евреями, хотя было прекрасно известно, что еврейская община их не принимает. Правые националисты и антисемиты — как несостоявшийся фюрер турецкого национал-социализма, друг Юлиуса Штрейхера Атилхан, так и «идеалист» Нихаль Атсыз — рассматривали дёнме как расовых евреев и как часть «всемирного еврейского заговора». Атсыз, презиравший ислам как «арабскую религию» и превозносивший верования древних тюрков, не придавал значения мусульманству дёнме. «Сколько ни обжигай глину в печи — она не станет железом, так же и еврей не станет турком, как бы он ни старался», — писал он.

Ультраправая критика дёнме во многом была списана с европейской ультраправой критики евреев: дёнме — особая расовая группа, враждебная турецкой нации; они захватили ведущие позиции в турецкой экономике, особенно в торговле и финансах; они контролируют газеты и радиовещание; они же распространяют в стране коммунизм. В турецком антисемитизме гораздо большую роль, чем на Западе, играла вера во всемирный еврейский заговор. Правые считали, что дёнме — коллективный тайный участник заговора: будучи по виду мусульманами, они служат агентами мирового еврейства в Турции. В 1948 году исламский журнал *Себилоррешат* сообщил, будто бы на один сионистский конгресс 1920-х годов (журнал не указал, на какой именно), был приглашен тогдашний министр финансов, дёнме Мехмет Джавит.

В 1946 году правительство Иненю отменило однопартийную систему, введенную Ататюрком. На первых же выборах заметных успехов добились исламисты-антикемалисты. Исламисты тоже ухватились за дёнме: они объявили их инициаторами реформ Мустафы Кемаля Ататюрка, в результате которых Турция за 1924-1938 годы стала светским государством — единственным мусульманским государством, законы которого не основаны на шариате, исламском праве.

Вера в то, что за спиной у Ататюрка стояли дёнме, была продолжением веры в то, что почти все младотурки-иттихадисты были скрытыми евреями, а сама революция 1908 года — еврейской. В 1920-1930-е годы, когда нарастал еврейско-арабский конфликт по поводу Земли Израиля, исламисты выдвинули теорию о том, что иттихадисты в 1908 году заставили султана Абдулхамида II отречься в отместку за то, что тот отказал Герцлю и не разрешил европейским евреям селиться в Палестине. В этой легенде младотурки-дёнме выступают как агенты сионистов.

В марте 1924 года был упразднен халифат (султаны были лишены в 1923 году светской власти, но оставались халифами всех мусульман), и исламисты обвинили в этом дёнме. В самом деле, разве не собирався сам Шабтай Цви свергнуть султана в 1666 году, разве не было свержение османов многовековой целью саббатанов? В арабском мире упразднение халифата восприняли особенно болезненно, и вера в то, что за этим стоят евреи, была распространена.

К началу 1950-х годов сложилась мифология дёнме как тайного братства, с виду мусульманского, но на деле как-то связанного с мировым еврейством. Этому братству якобы принадлежит «гегемония», т.е. политическая и экономическая власть в Турции. Чуждые истинно турецких интересов, немусульмане в сердце, дёнме придали республике тот вид, который был удобен им, сделав ее прозападным и антирелигиозным государством. Постепенно миф о дёнме стал орудием всех, кто был не доволен Турецкой республикой. Правые националисты обвиняли дёнме в тотальном контроле над страной, в нелояльности, космополитизме и потворстве коммунизму. Исламисты обвиняли их в разрушении традиционных для Турции форм власти — султаната и халифата, в создании безбожной республики, эрозии ислама и общественной морали вообще, насаждении западных обычаев. Левые считали, что дёнме создали в Турции олигархию, которая не только эксплуатирует народ и присваивает себе плоды его труда, но и не дает «простым туркам» пробиться к власти. Все — и правые, и левые, и исламисты — верили в заговор дёнме или в их участие во всемирном сионистском заговоре.

*

В современный турецкий политический дискурс дёнме вошли в 1990-е годы и скоро стали одной из ведущих тем турецких масс-медиа. Дёнмефобия заново стартовала с нескольких опусов, появившихся на книжном рынке в 1990-1991 годах, прежде всего, квазиакадемической «Истории дёнме и их учения» (*Dönmeler ve dönmeleşme tarihi*) профессора Абдурахмана Кючюка и популярной книжки «Таинственные маски нашей истории» Мехмета Эртугрула Дюздага. Оба автора приписывали дёнме все не нравившиеся им события турецкой истории последних 150 лет. Кючюк свалил на дёнме не только революцию 1908 года, но и попытку контрреволюции в 1909 году, а также поражения в Балканских войнах и в Первой мировой войне. Кроме того, он фактически приравнял саббатанство к сионизму. Сегодня дёнме, писал Кючюк, это враждебная Турции группировка, контролирующая экономику и крадущая у турецкого народа. Статья «Дёнме» в турецкой версии *Энциклопедии ислама* издания 1994 года, написанная тем же Кючюком, начинается с определения: «Еврейская община, принявшая османское подданство и по виду перешедшая в ислам, чтобы с большим удобством достичь

своих религиозных и политических целей». Профессорское определение относится не только к саббатианам XVII века, но и к современникам.

Более чем кто-либо другой «проблему дёнме» популяризовал Ылгас Зорлу, утверждавший, что он сам саббатианин со стороны матери. С 1994 года он начал публиковать в популярных журналах статьи по истории дёнме и давать интервью. Целью Зорлу было «напомнить» молодому поколению дёнме об их «подлинной сущности» и призвать их объявить открыто о своем еврействе. Заодно он намеревался призвать израильские религиозные власти признать дёнме евреями и позволить им иммигрировать в Израиль. Он также заявил, что многие представители политической, социально-экономической и военной элиты по происхождению дёнме, и назвал несколько имен. Поиски дёнме в рядах элиты были популярны и до Зорлу, но он придал им новое дыхание. Выступления Зорлу звучали солидно — как никак, он был «инсайдером».

В современной Турции миф о дёнме более всего поддерживается и раздувается исламистами. Именно они сейчас особенно заинтересованы в дискредитации секулярной республики. Лучший способ отменить кемалевскую конституцию и сделать Турцию «исламским государством» — это отождествить республику с иностранцами и иноверцами дёнме. Достаточно доказать, что турецкая республика — не турецкое государство, а еврейское: она создана «скрытыми евреями» и ими же управляется.

Фазыл Дуйгун, пишущий для радикально-исламистского журнала Баран, считает, что Турция — республика дёнме. «Евреи, официально рассматривающие дёнме как “незаконнорожденных” (*veled-i zina*), тем не менее не видят ничего дурного в использовании этих дёнме, с которыми они поддерживают тесные связи, чтобы навязать свою политику миру. Для дёнме Турецкая республика — это “первый Израиль”, который им следовало создать, и они пользуются огромной поддержкой со стороны евреев [Государства] Израиль, среди которых первейшей задачей считается создание и поддержание в Турецкой республике такого режима, который бы в наибольшей степени обеспечил выживание Израиля. Не следует забывать, что именно евреи, иммигрировавшие из Турции (как первый премьер-министр Бен-Гурион) и дёнме развязали войну, в которой они убивали арабов-мусульман, и так создали Израиль.[...] Израильские евреи сами говорят: “Нам лучше потерять Америку, чем потерять Турцию”, потому что они знают, что как только они потеряют Турцию, они могут потерять и Америку. Турция была среди первых трех или четырех стран мира, признавших Израиль! Потеря Турции будет означать восстановление халифата и демонстрацию того, что ислам есть истинная вера, а их вера — ложь и предрассудок. Воистину, Турция имеет жизненную важность для евреев Израиля».

Не отстают и правые, хотя их больше волнует политическая и экономическая гегемония дёнме и их нелояльность нации. Алишан Сатылмыш, бывший вождь крайне правого молодежного движения «Очаги идеализма» (*Ülkü Ocakları*) так характеризует дёнме для своих воспитанников:

«...Вскоре после перехода к республике, эта группа взяла в свои руки контроль за процессом модернизации. Их община присвоила все средства и привилегии, которые государство создало для развития местной промышленности и торговли. Эта община посылала своих детей в лучшие учебные заведения и влияла на решения, кому будут предоставлены стипендии для обучения за границей. В период однопартийной власти они осуществляли безраздельный контроль над всеми значительными партийными кадрами. Все кандидаты на должности были их кандидатами. В многопартийный период мы видели их среди основателей всех партий, борющихся за власть. В последнее время в деятельности этой общины явственно проявились не только расовая солидарность, но и стремление к расширению собственной власти. Они не чувствуют никакой связи с национальными вопросами, волнующими турок, как например, вопрос о Киркуке, вопрос о турецком языке, отношения с тюркскими республиками [Средней Азии], Турецкой республикой [Северного Кипра] [...] Зато большинство из них горячие поклонники США и Евросоюза. [...] Эта община не желает поделиться продуктом труда турок, присвоенным ими, и даже принять участие в уплате внешних долгов страны [...] У них международные связи. У них абсолютная монополия на средства массовой информации. Под их контролем почти все влиятельные организации так называемого “гражданского общества”, и если они встречаются с каким-то затруднением, они начинают мощную и громогласную кампанию через печать и организации “гражданского общества”».

Поддерживают миф и левые. Для левых жупел дёнме — средство борьбы с истеблишментом, а заодно и с сионизмом. Профессор экономики, марксист Ялчын Кючюк взялся доказать, что Турция управляется людьми еврейского происхождения. Для этого он анализирует имена стоящих у власти и доказывает, что эти имена — еврейские. По поводу дёнме он утверждает, что это клан, пользующийся поддержкой Израиля и американского еврейского лобби. Не имея никаких заслуг, они достигли высоких постов и почестей. Например, писатель Орхан Памук — дёнме, и своей Нобелевской премией он обязан евреям. Памук вынужден был выступить с заявлением, что он не дёнме. В своём интервью Ялчын Кючюк заявил: «В Турции тот, кто не имеет еврейского происхождения, не может стать министром иностранных дел. Я согласен, что было несколько исключений, но это не меняет общей картины. Тот, кто не член упомянутого мною клана, не может в Турции достичь ничего. К примеру, он не может стать генеральным директором Турецкого радио и телевидения, он не

может стать главой Национальной организации разведки». Ялчын Кючюк добавил, что он ничего не имеет против дёнме, если они не замышляют заговоров, усердно работают и лояльны этой стране.



Но главный бестселлер на тему дёнме выпустил Сонер Ялчын, левый журналист, работающий на Си-Эн-Эн. В 2004 году он опубликовал книгу «Эфенди: величайшая тайна “белых турок”», которая за два первых года вышла тиражом 140 000 экземпляров (книги в Турции дороги, и обычный тираж — 5 000 — 10 000 экземпляров). Ялчын делит население Турции на два «класса»: белые турки, правящий класс, и «негры», простой народ. Белые турки — дёнме или породнены с последними; у них космополитическое образование, они сторонники секуляризма, обожают Ататюрка и созданное им государство и презирают консервативную религиозность «черных турок». Белые турки захватили командные позиции в культуре и общественной жизни страны и не дают черным подыматься по социальной лестнице. Задача «угнетенных масс» — разрушить секулярную систему, показав ее нелегитимность. Интересно, что главной чертой «угнетенных масс» для левого Сонера Ялчына является религиозность, а главной чертой «угнетателей» — секуляризм; похоже, левизна в Турции начала смыкаться с исламским фундаментализмом.

Книга имела огромный успех. Ее обсуждение прошло на телеканалах CNN Türk и SKY Türk. Газеты и журналы помещали хвалебные рецензии («Это — подлинная история Турции»; «“Эфенди” сломал табу турецкой истории», и т.п.). Книгу «Эфенди» читают и цитируют герои популярного телесериала «Долина волков»; дебаты о «саббатянах», навеянные «Эфенди», прошли и на 7-м (исламистском) телеканале.

*

Одна из самых болезненных для Турции тем — это геноцид армян, совершенный османскими войсками в 1915 году. Большинство турецких авторов либо отказываются признать геноцид, либо объявляют его реакцией на армянское восстание в тылу османской армии. Но по мере того, как все больше стран признают геноцид и начинают говорить о нем громко, турецкий идеологический истеблишмент чувствует необходимость как-то ответить и объяснить его. И в последние годы выдвинулся ряд авторов — как турецких, представляющих едва ли не все политические позиции, так и армянских, возложивших ответственность за геноцид на дёнме. Поскольку правящий младотурецкий триумvirат (Энвер-паша, Джемаль-паша, Талаат-паша) якобы состоял из дёнме и правительство также было под контролем иттихадистов-дёнме (таких как Назым-бей), то турецкий народ в геноциде не повинен. Причиной геноцида была традиционная конкуренция еврейской и армянской буржуазии.



Ճճճ օ Ճճճ

Одним из выразителей этой теории был Грант Динк, издатель единственной в Турции двуязычной — на армянском и турецком языках — газеты «Агос». Преданный, казалось бы, благородной идее примирения двух наций, он решил это сделать за счет дёнме: обвинил их в геноциде. В 2007 году Грант Динк был убит 17-летним турецким националистом. Как водится, правые приписали убийство дёнме.

Однако более всего за след дёнме в геноциде ухватились исламисты. Абдурахман Дилипак, главный редактор радикальной исламистской газеты *Акит* пишет: «Очевидный факт, что подлинный виновник армянского геноцида — не Османская империя, не Турецкая республика, а евреи, масоны и дёнме из *Иттихад ве-Тераки*». Ведущий антисемитский автор современной Турции, обозреватель *Милли гезете* Мехмет Шевкет Эйги писал в 2005 году:

«События 1915 года были запланированы дёнме [...] поскольку в это время торговля, ремесло и капитал в Анатолии были в значительной мере в руках армян. Дёнме хотели заменить их в сферах, связанных с хозяйством, торговлей и финансами. [...] Были ли совершены жестокости по отношению к армянам? Да, были, но вовсе не турки-мусульмане совершили их. [...] В 1870-е годы две ветви иудаизма, саббатриане и евреи, начали организовываться и набирать силу. [...] Они начали разрушать Османскую империю и сеять семя будущего совершенно нового государства. Но конечно же, осуществляя этот план, они должны были поссориться с армянами, их самыми большими соперниками [...] Они начали готовиться к истреблению и ликвидации армян [чтобы] создать государство, в котором контроль и управление были бы в их руках. Это было именно то, чего Шабтай Цви собирался достичь в XVII веке. [...] Все армяне знают, что их предков убивали младотурки-иттихадисты, иными словами, евреи и саббатриане, происходящие из евреев».

Журналист-исламист Нух Гёнюлташ пишет: «Армяне в мире прекрасно знают, кто стоял за Комитетом единения и прогресса, но не говорят об этом вслух, потому что известно, кто подкармливает армянскую диаспору. [...] Кто дал премию [американскому армянскому историку] профессору Ваагну Дадряну “за вклад в исследование геноцида”? Международная еврейская конференция по Холокосту».

Ему вторит Фазыл Дуйгун, журнал *Баран*: «За геноцидом армян стояли нефтяные интересы Рокфеллеров и Нобелей (и те, и другие — евреи). Армяне жили в Землях Обетованных, где находится нефть, и были главным препятствием для евреев, пытавшихся захватить эти земли. Притом, армян как членов православной церкви (sic!), одной из самых яро-антисемитских сект в христианстве, стоило уничтожить еще и за это».

А вот и левые: марксист Ялчын Кючюк назвал геноцид «результатом еврейско-армянской войны. Это часть перманентной еврейско-христианской войны, ведущейся на территории Турции, и убийства армян в 1915 году — лишь одно из звеньев в цепи этих войн... Слава небесам, Ереван видит эти вещи в том же самом свете и считает евреев и дёнме более виновными, чем турок».

В 2000-х годах, по мере подъема и продвижения к власти исламистов, все громче зазвучали голоса, утверждавшие, что и сам основатель секулярной республики Мустафа Кемаль Ататюрк был по происхождению дёнме, то есть скрытым евреем. Таким образом, созданная им республика — еврейская, а не турецкая.



Ἰσὶὰ ἀὸὰ Ἐὰὶ ἀὲυ Ἀὸὰ ὁρῶε

Легенда о еврейском происхождении Ататюрка возникла в 1920-е годы одновременно в еврейской и исламистской среде. Разница состояла в оценке этого утверждения: для евреев, преимущественно американских, еврейское происхождение великого революционера было предметом гордости; для противников Турецкой республики это было главным доказательством ее нелегитимности. Аргументы в пользу этой легенды таковы: Мустафа Кемаль родился в Салониках, где большинство населения тогда составляли евреи и где была община дёнме; учился в школе, принадлежавшей этой общине; а главное — был равнодушен к исламу и, как известно, имел пристрастие к алкогольным напиткам. Тот факт, что предки Ататюрка были крестьянами, либо учителями и чтецами Корана (все эти занятия весьма нетипичны для дёнме), никого не смущало.

Еврейским происхождением Ататюрка оппозиционеры объясняли все: стремление создать секулярное государство и жестокие меры, при помощи которых он это государство создавал; эмансипацию турецких женщин; переход с так называемого османского языка, перенасыщенного арабскими и персидскими словами, на разговорный турецкий и с арабского письма — на латинское.

Миф о еврейском происхождении Ататюрка — один из самых популярных в нынешнем исламском мире. Он существует и в несколько смягченных вариантах. В 1997 году диктатор Ливии Муамар Каддафи в интервью турецкому телеканалу NTV утверждал, что со времен Ататюрка Турция управляется евреями. Отнюдь не исламист, а марксистский публицист Демир Кючюкайдын, живущий в Германии, пишет, что все ведущие турецкие националисты — дёнме. Ататюрк, если даже он и не еврей по происхождению, то он вырос в среде евреев и дёнме и подвергся их культурному влиянию.

Кемалисты не остались в долгу. Халук Хепкон, автор труда «История теорий заговора» (2007 год), приписал легенду о еврейском происхождении Ататюрка израильтянам. Страна, не имеющая в регионе союзников, хочет таким путем укрепить союз с Турцией. В этой же связи следует рассматривать всплеск работ в Израиле о хазарах (тюрьках) и о салоницких дёнме. Националистически настроенный журналист Арслан Булут видел в «объевреивании» Ататюрка часть психологической войны с целью принизить в умах турецкой нации всех людей и все символы, дающие ей уверенность в себе. «Я не хочу ничем оскорблять евреев, — продолжает он, — но до сих пор мне не попался ни один еврей, включая звезд кино, кто был бы так же красив, как Ататюрк! Нет, он сын огузской расы».

Всплеск дёнмефобии в современной Турции — часть усилий исламистов, левых и крайне правых, направленных на отрыв Турецкой республики от Запада и восстановление в ней власти «традиционного» ислама. Путь к этому лежит через делегитимацию республики, созданной в результате революции 1923 года и реформ Ататюрка. Мустафа Кемаль Ататюрк, предотвративший в 1919-1922 годах раздел Турции между державами-победительницами Первой мировой войны, и кемализм — его политическая программа — обладали и обладают в Турции огромным авторитетом. Закон, введенный в 1951 году, карает осквернение памяти Ататюрка как уголовное преступление. Теперь же, стоит доказать, что «Отец турок» был дёнме, сама его система — результат еврейского заговора, а страна управляется людьми «еврейской расы», — и авторитет Республики подорван, превращение страны в «государство ислама» облегчено. Для всех противников Республики, справа и слева, дёнме — это удобный козел отпущения, «козел отпущения на все времена», как метко охарактеризовал эту ситуацию современный турецкий историк Рыфат Бали.

СОЛДАТНЕСОЗВАННОЙ АРМИИ О СТИХАХ ПАВЛА ЗАЛЬЦМАНА



Олег Юрьев

1.

Школьная история литературы состоит, в сущности, из родословий наподобие библейских: Державин родил Пушкина, Пушкин родил Некрасова, Некрасов родил Блока, Блок — то ли Маяковского, то ли Есенина, то ли и того и другого вместе, те вдвоем поднатужились и родили Твардовского (а позже, в очень уже преклонном возрасте, Евтушенко).

Над этим можно сколько угодно смеяться, но всё равно ловишь себя время от времени на мышлении родословиями. С уточненным, конечно, подбором родителей и утонченной разветвленностью генеалогических линий: Ломоносов родил Державина, Державин — Пушкина и Тютчева, Пушкин быстро произвел Лермонтова, чуть позже Фета (*ну а Тютчев — никого*) — а дальше, после длительного периода недорода, старый, толстый, несчастный Фет, похожий, по слову одного советского писателя, «на раввина из синагоги Бродского» [1], при родовспомогательной помощи Полонского породил весь русский символизм, из которого, в свою очередь, произошло всё, что в первой половине XX века можно считать великой поэзией на русском языке — и Хлебников, и Ахматова, и Мандельштам, и, конечно же, Введенский с Хармсом.

Даже признавая известную метафорическую ценность полученных родословных древ, при смене взгляда с обзорного на приближенный мы обнаруживаем, что непосредственные «предки» у существенных явлений однозначно не вычисляются, поскольку создание поэтических языков происходит и осознается чаще всего сложным, неочевидным путем. Например, у Хармса и Введенского наследование шло прежде всего через отрицание, через глубокое пародирование всего комплекса «высокого модерна». «Символистский пафос», «символистский театр» — это то, что они ненавидели прежде всего в себе. В отличие от протестантов-акмеистов, аккуратно удалявших метафизические излишества, да и от футуристов, перенявших нижние, но вполне патетические регистры, обэриуты наследовали символизму, так сказать, «обратным ходом».

Последнее поколение «серебряного века», поколение Александра Введенского и Даниила Хармса, погибло — так ощущалось совсем еще недавно! — не оставив потомства. Русская поэзия второй половины XX века, чудесным и непостижным способом возобновившаяся в конце 1950-х и начале 1960-х годов из ничего, как бы из движения воздуха, не имеет прямых предшественников по «золотой линии» в этом, школьно-генеалогическом, смысле: рядом индивидуальных усилий она отделила себя от советского культурно-антропологического материала, из которого вышла (в обоих смыслах), как некий Мюнхгаузен, вытащивший себя за косичку из болота. Но само зияние, разверзшееся (по вполне ясным историческим причинам) во второй половине тридцатых годов прошлого столетия и остановившее череду поэтических поколений, стало вдруг затягиваться на наших изумленных глазах. Нам стали открываться фигуры и тексты, еще двадцать лет назад неподозреваемые.



Ī āāā Çæūūī āī. Āāō īīīōōōōō. Ēāī ēī āāā 1928 āā Āīā ēēē. ū ūēōā ī Ī āāā Çæūūī āīā; © Ā.Ī. Çæūūī āī, Ī. Çōū āī īāē-

Ну хорошо, тот факт, что по Ленинграду тридцатых годов шатался бездомный, беспальный, с шевелящимся на спине мешком кошек, пойманных на продажу в лабораторию Академии Наук, что-то бормочущий на смеси русского, французского, идиша и других наречий Алик Ривин [2] (автор, еще десять лет назад казалось, что «двух с половиной», а сейчас, после дополнительных разысканий и публикаций понятно, что доброй дюжины великих стихотворений), положим, ничего не доказывает — «безумный поэт» может возникнуть где и когда угодно. Но когда три года назад возникла книга блокадных стихов Геннадия Гора[3], ситуация переаменялась: Гор перенял «чинарский язык» именно как язык, как способ представления, без его трагической по сути истории наследования-отрицания.

«Новый человек», «мальчик из Верхнеудинска», «молодой пролетарский писатель» без личных корней в петербургской культуре «серебряного века», Гор не имел прямого отношения к обэриутской полемике с символизмом [4]. Как не имел к ней отношения и Павел Яковлевич Зальцман (1912—1985), известный художник, ученик Филонова. Прозы его мы сейчас касаться не станем, тем более, что зальцмановский роман «Щенки», на мой вкус, один из лучших русских романов XX века, еще не опубликован. Собрание же стихотворных сочинений Зальцмана (почти полное) недавно вышло [5], что позволяет говорить о втором случае *продления*, использования и развития обэриутской языковой парадигмы.

2



Ī āōē Ī ēēīēāāī ā ē Bēīā Bēīāēāē- Çæūūī āī. Ī āāā. 1914 āā

Отец Зальцмана, Яков Яковлевич, художник-любитель и автор небездарных, хотя тоже вполне любительских стихов, был немец и полковник русской армии, женившийся на Марии Николаевне Орнштейн, еврейке, по этому случаю крестившейся. Павел Зальцман родился 2 января 1912 года в Кишиневе, но тем же годом полковника перевели в Одессу, где семья и встретила (вначале вполне приветственно) революцию. С

1917 года Зальцманы бесконечно кочуют по городам и местечкам юга России — в поисках крова и пропитания. Летом 1925 года они перебираются в Ленинград.

Павел пошел в школу (в первый раз — до тех пор дело обходилось домашним образованием), его приняли в восьмой класс. Школа называлась «1-я Советская». Здесь познакомился он с Розой Зальмановной Магид, своей будущей женой, вместе с которой пережил первый блокадный год, дорогу в эвакуацию и тяжелейшие первые годы в Алма-Ате. Однокашником Зальцмана был, к слову, Всеволод Николаевич Петров (1912 – 1978), в будущем крупный искусствовед и автор написанной в 1946 году и опубликованной спустя шестьдесят лет восхитительной повести «Турдейская Манон Леско» [6].

Шанса поступить в вуз у Зальцмана не было — «происхождение: из дворян». С шестнадцати лет он работает, с восемнадцати на «Ленфильме» — прodelывает быстрое восхождение по карьерной лестнице от подсобника к художнику-постановщику. «Художник кино» навсегда останется его основной специальностью (в послевоенной Алма-Ате, изгнанный по случаю космополитизма с местной киностудии, Зальцман находит себе вторую «основную» профессию — начинает преподавать историю искусства, для чего ему приходится изобрести себе никогда не существовавшее высшее образование). В 1929 году совершается важнейшее событие в жизни Павла Зальцмана — он приходит к Филонову, становится его учеником и членом МАИ («Мастера аналитического искусства»). Ученица Филонова Татьяна Глебова (по другим сведениям – Алиса Порет, тоже филоновская ученица) знакомит его с Хармсом, он посещает чтения обэриутов и начинает ориентироваться в том сложно устроенном кругу ленинградской «неофициальной культуры» конца 1920-х — начала 1930-х годов [7], куда входили не только «модернистские», т. е. «правые» по отношению к устанавливающейся соцреалистической ортодоксии движения и течения (как, например, Ахматова или круг Кузмина), но и, по мере вытеснения из официального фавора, движения «левые», «авангардные» [8]. С ортодоксальной точки зрения (или, точнее, с нескольких точек зрения, боровшихся за право сделаться ортодоксальными — пока такая борьба еще была возможна) все они были «формалистами» — правыми или левыми. Или даже *право-левыми*. Самое смешное, что — в отличие от «право-левой оппозиции», создавшейся в рамках общего политического фантазирования эпохи показательных процессов, — «право-левый формализм» был абсолютно реальной вещью — реальным человеческим кругом (или системой кругов и кружков) [9]. И даже реальной художественной позицией. Мандельштам был в 1930-е годы «право-левым формалистом», и он, конечно, двигался справа налево. Что доказывает, что Мандельштам был еврей. Если это кому-то нужно доказывать.

В конце 1920-х и начале 1930-х Хармс с Введенским тоже были «право-левыми», но как русские люди они двигались слева направо. Автоматическая, гормональная революционность юности была для них пройденным этапом. Точку отказа Хармса от «левого искусства» маркирует отказ от зауми. Это примерно 1933 год (элементы зауми встречаются у него еще в стихотворении на смерть Малевича 1935 года, но там их появление мотивировано темой, траурным возвращением на «левый фланг») [10].



Ī āāē Čaēūū āī (ā ōāī ōōā) Ī ā nūū ēāō ōēēū ā Ī āī ēā 1938 āā

Павел Зальцман писал стихи с детства. В детстве — очень талантливые, почти вундеркинские («Уплывает розовая глина, / Ускользает ветерок. / Аист подымается с овина / И улетает на восток. // А за ним, скрипя и лая, / Сняться с места норовя, / Над колодцем тянется сухая, / Неживая шея журавля...») — это 1924 год, мальчику 12 лет!). В подростковом возрасте — тоже талантливые, но на разные лады — чаще всего на лад Маяковского (раннего), иногда на балладный лад, то петроградский, то одесский. В целом, можно было бы назвать их «стихами художника» (в данном случае будущего) — по цепкости взгляда и внимательности к цветам и очертаниям — если бы не проблески какого-то органического понимания ритмических и рифменных взаимосвязей, которое редко встречается у пишущих художников, концентрирующихся обычно на связанной с их ремеслом зрительной образности или же — наоборот — на прямом высказывании чувств и мыслей, их ремеслу труднодоступном. Но вот в 1932 году в Верхнеудинске, городе, где — любопытное совпадение! — родился Геннадий Гор, у Зальцмана появляется первое стихотворение в чисто обэриутском синтаксисе (но с собственной ослепительной изобразительностью):

***Ī ōāōāī āā ēēī :ūū ōō-
Ī ā ōāēū ē ēāū ū ē ēāī
Āīāēūī ōī ōāēū ēāū ōēīī
Ī ī ōōāāī Ē ōēāōāē***

*Nĩm ú aũ uoĩ oèè èàè ì ááũ
 Óòóáũ èĩĩ-èèè ááũ àòũ
 Nĩĩ óá mĩ èè çĩĩ òèò.
 Çà áéáĩĩ ãĩæááũ ò-áááé,
 Çà-ááĩ uĩ è ñò ááéyĩ è òòáá
 Óóĩ áĩ çáñò èáè ááéáéè ì óóũ
 Áĩ óáéĩ ááũ ñéĩ èò mĩ áéĩ uò áá
 Á òóò ááyò ñò ááéũ,
 Óáéó èáéè mĩ íéũ.
 Ì ù óáũ óáéyáĩ áááũ
 È áũ uò è ááò ì ááũ*

(«Ì óááũ áá èéĩ-uy' òó-...», 1932)

По своему положению ученика Филонова исходно находившийся на самом левом краю ленинградского литературно-художественного социума, Зальцман запаздывает с «правением» на несколько лет. Элементы зауми встречаются в его стихах в течение всей первой половины 1930-х годов:

*Náéè è, èè è, è è è
 Í á ò áá òè ì í á mĩ ááòè.
 Nĩ ááũ ò áá ò á ááéé í ó
 Í á çáééé áááé. Í ì ò í ó...*

(«Ì íéè ò áá ì áá óóá», 1933)

Стихи этого времени при всех их очевидных достоинствах интересны прежде всего «бытовым обэриутством» двадцатилетнего — тем, как на еще не созревшем человеческом и поэтическом сознании отражаются сложнейшие процессы перестройки синтаксиса поэтического высказывания, производимые Хармсом, Введенским и Заболоцким. Но это сознание созревает очень быстро. В 1936 году Зальцман сочиняет стихотворение «Щенки» — на том уровне красоты текста и глубины дыхания, который позволяет говорить о нем как о по-настоящему значительном поэте:

*Í íñéááĩ èé ñáò çáèè ì í ò óó
 Óóĩ èò ò òñò í éé. Çáæááũ çáçáá
 Í íéçáò çĩ áy. Áéó-èò áááá
 Í òóĩ áéò ì í-ú çáĩ áé ì áó óó
 Ááóáð ò óáũ èáò èðáũ ué óéáá
 Í ò éóũ ì òñááð ò á ááò áyá
 òéóĩ áá òñéè ñáũ
 Èç òóĩ áá, èç áááũ.
 Èáì í é ááíñéèñũ ñò òáì ááá
 × ááç èèñòuy', -ááç ò óááũ,
 È èñ-áçèè, ì è í í ááá
 Ðáũ, í áááé è èáí ááũ.
 B èì èðè-ú áéí ò áy ááá
 Í í é èáóyò çá èðáũ ué ì uñ
 B óó ì ì èéy'. B ì òéy' áá
 B ááũ ì í í éé. Í í é óáñò ì í áéñ
 Á í áéá òáñò áyéá ááá
 Óóááá á ááá Nĩéyáèò çĩ áy.
 Nĩéááò ááæáũ Ááèò çáì èy.
 Í ááááè ááð ò y' ñáá*

(«U'áí èè», 1936)

3



Eáí èí ááá. Í áááè çáèuñ ì á. 1940 áá á

Начинаются пятнадцать лет, для человека Павла Зальцмана беспредельно мучительные и страшные: начало массовых репрессий, война, блокада, гибель отца и матери, эвакуация в Казахстан, лишь на несколько дней опередившая угрожавшее ему как «немцу» этапирование, первые полуголодные, полубездомные годы в Алма-Ате, изгнание с киностудии и потеря заработков — теперь уже неприятности обеспечивало «еврейское происхождение», хотя при этом, находясь в качестве «лица немецкого происхождения» под административным надзором, Зальцман вплоть до 1954 года не имел права покидать Алма-Ату. И одновременно это лучшие пятнадцать лет поэта Павла Зальцмана.

Стихи пишутся преимущественно «по дороге» — в гостиницах, машинах, поездах, что при профессии автора и естественно. Особую группу, не в содержательном смысле, а в качественном, составляют стихотворения, написанные летом 1940 года в дачном поезде Бергардовка — Ленинград. Вот одно из самых ярких:

*Èàéíé-òí ñòðàííúé ÷àéíàáé
 Áúé íàíòúðàí ñàéó èàéáé.
 Íí çàí òíèààò èó ñíàòí,
 Íí èàòÿòíÿ èàé èàòí,
 Ííòí èéààò èó ííà ñòé
 Á í àóíé àóáíééé è ñíòé.
 Òàí á ñéðíàáí ííé òàí ííòà
 Íí èéèàò óéá í á òá*

*(«Í ñéíí Ï», 22 àááíò à 1940
 Í íàçá èç Áàðí àòðàíàéé á Èáí èí àðàá)*

Особое нагнетание в поэтическом потоке Зальцмана создается с началом войны и особенно с началом блокады. Животный голод и смертный ужас, полная отмена пусть плохонькой, страшной, советской, но все же цивилизации накладываются прямым, усиленным по жесту высказыванием собственного, личного переживания на обэриутский стих, как правило, не имеющий своего «я» (лишь иногда говорящий от имени даже не персонажей, это было бы для обэриутов слишком просто, «по-сказовому», а от имени участвующих в стихотворении образов — в том числе и людей, в том числе и совокупной множественности «обэриутского мы»). Уже Гора с его «Блокадой» достаточно было бы для постановки вопроса о поэтическом языке, оказавшемся *практически возможным* в ситуации по ту сторону всякой цивилизации — но, как выяснилось, не по ту сторону культуры. Сейчас, с введением в оборот стихов Зальцмана, можно начать думать о своего рода «блокадном тексте» в неподцензурной русской поэзии:

*Í ú ðàíòííéí àáí àó í á ñàá-éó
 Í ú çàòííéí í íéíàòòíí íá-éó
 Í ú çàèèáí çàíéíí àéðíàáí í úé ñàò,
 Í ú ñàèèáí ñòðàííàí úé áóáàò.
 В íòéééí àð íàéàáí àéúé í èð
 В íáíàè àíðíàíéé í èð
 Í ú íò àíàò çàí òÿ-áí
 Àðíí àòíúé í àð
 Í ú ó àáíòíééà çàí à-èí
 Òéáí è ñééí èààð*

*(«Çàíòí éúí àÿ í àáí ÿ», í íÿáòí ééé í à-àéí àáéàáòÿ 1941
 Çàá òí àí úé, 16)*

Блокадные стихи Гора и Зальцмана объединяет (и отличает от собственно обэриутских) не просто появление конкретного «я»/«мы» с его высказываемым переживанием, то есть использование принципиально нелирической обэриутской интонации «в лирических целях» (похожий процесс, что любопытно, происходит и у позднего Введенского, венчаясь великой «Элегией»). Речь, в конечном итоге, идет о пафосе, о месте человека в мире, о допустимой громкости его голоса. Обэриуты восстали против космического пафоса русского символизма, он казался им смешным и стыдным, но, в отличие от акмеистов — умных, талантливых, буржуазных людей, родившихся в России в предположении, что у нее будет совсем другая история, — были не в силах от него отказаться. Поэтому они вывернули его наизнанку и таким образом сохранили, в т. ч. и как альтернативу для советского пафоса любого сорта. И Гор с его уходом в мифологию кошмара, и — в особенности — Зальцман, постоянно выясняющий отношения с мирозданием, могли, пока они находились в контексте обэриутской интонации, позволить себе любое бесстыдство личного выкрика, любое форсирование именно потому, что в этом контексте оно звучало нестыдно, неопороченно или, точнее, очищено:

*Áàéòá ààéòá í íá íááí,
 Áàéòá ñíòí úé óàéí.
 À éí à-á Áíàá í àò,
 È í à òðàí íí í íá í óéáí.*

(«Áàéòá ààéòá í íá íááí... », òàí íÿÿ àáíí à 1942)

Это очень важное обстоятельство: поэтика обэриутского круга в целом совершенно не была предназначена для высказывания «элементарных» человеческих чувств и ощущений и если высказывала их, то имела в виду совсем другие вещи. И Хармс, и Введенский, и Олейников, да во многих проявлениях и

вполне наглядно иллюстрирует сказанное о эволюции его поэтики.

5

Есть один важный историко-культурный механизм, внутрь которого мы попадаем, наблюдая на хронологической развертке за поэзией Павла Зальцмана, за ее расцветом в поле притяжения обэриутской языковой парадигмы и за ее постепенным переходом — в отсутствие «подачи напряжения из вырабатывающего энергию центра» — в другую культурно-языковую общность.

В истории каждой литературы существуют, как известно, эпохи расцвета, «золотые века», когда создаются языки и тексты, определяющие эту литературу на десятилетия или даже столетия вперед. Во Франции, например, это время Расина, Мольера, Лафонтена и Буало, в Германии — веймарская классика, а в России — ясное дело — «пушкинское время», условно говоря, от Жуковского до Лермонтова. Поскольку в интенсивно развивающейся культуре такие эпохи время от времени повторяются, опровергая или парадоксально подтверждая предыдущие, то их, с опорой на исходную мифологию, приходится называть «серебряными», «бронзовыми» и не знаю еще какими веками, присваивая им таким образом ничем не заслуженное «понижение сортности» — десятилетие-двадцатые годы XX века во французской культуре ничуть не менее существенны, чем классицизм XVII-го, а русский «серебряный век» качественно не уступает «золотому» (количественно, «по выходу», его, вероятно, превосходя).

В центре каждой такой эпохи находится «группа гениев», состоящих в интенсивном дружеском, а иногда и не совсем дружеском общении. Но этого далеко не достаточно — гении, даже группами, встречаются во всякие времена. Необходима еще среда вокруг, перенимающая и транслирующая создаваемый «гениями» и/или доводящийся ими до совершенства язык — штабу необходима армия. Входящие в эту «окружающую среду» художники, особенно следующего «призыва» (т. е., проще говоря, младше по возрасту), освобождены от необходимости создавать язык (не собственный, авторский — от этого не освобожден никто, а общий), от необходимости вырабатывать критерии качества, и в этом синергетическом поле им удаются шедевры, которые бы в другое время и в другом окружении не удались.

Введенский, Заболоцкий, Хармс, Олейников были создающими напряжение гениями.

Геннадий Гор или Павел Зальцман были «ближайшим окружением» — не в личном, а в художественном смысле.

Всякое сослагательное наклонение в истории нелепо (особенно после превращения за последние два-три десятилетия спекуляций на тему «альтернативной истории» в верный признак тривиальной литературы и тривиального сознания), но здесь мы не можем не видеть, какого расцвета лишили русскую литературу исторические обстоятельства, как уже все было готово для этого расцвета в Ленинграде конца двадцатых — начала тридцатых годов.

И Павел Зальцман, солдат несозванной армии чинарей, с его десятками выдающихся стихов и как минимум одним близким к гениальности романом в ранце, принадлежал бы в конечном итоге к ее маршалам.

Ī ðei á:áí eý:

[1] Ī ándíáíáíéé Ē.Ā. Ī íáññóúí áeçíé. Ēí. 4-ý: Áðáí ý áíéúúeóó íáeéááí eé.

[2] Ī íáí í íáññáíáí P ðúúá Ī. Ā. Çáííéíáí íá çèýíéá // (Ī íááý Ēáí áðá óðáí áí eý. Áðáí áí í eé ñò eóí ò áí ðí íá ðáçááé Ī íáíé Ēáí áðá óðáí áí eý çá 2004 - 2006 áá ĒĪ á, 2004

[3] Gor Gennadij / Āíð Āáí í ááé. Blockade / Áéíéááá. Gedichte / Ēò eóé / Aus dem Russischen übersetzt und herausgegeben von Peter Urban. Wien, 2007. Ī íáí ĩ ĩ. P ðúúá Ī. Ā. Çáííéíáí íá çèýíéá - 2 // Ī íáíá eé ò áðá ò óðí í á íáí çáí éá ¹ 89 2008 (eéé: <http://www.newkamera.de/lenchr/gor.html>).

[4] Ēáé, ñáeáí, í á eí áé é í áé í óí í óáí eý é Ī éáéí eéíá : óí ñò ááé ò áá í áí ĩ á eóó ñéáé í áýðeóó í á : é í áðáé - eéé - éáé - óáí áí í - eó - í áçí áe ó á Ī í Ī éáéí eéí á í áðí áe ðí ááé óeá é é, «í áðí áeñó í á», áú ò í áí é é í íýðe : áí eéé (áí ò é) í á ó í ĩ áá ĩ ò áááñ ð eý - ááí eí í é áí çá í eé.

[5] Çáeúñí áí Ī. B. Ñeá áeú Ñòðáéí í á ĩ úáá Ī íýðe : áí eéé í ðí eçáááí eý / Ēíñò., í íáá ò. ó áeñó í á í ĩ ñeáí eé á é í ðei. Ē. Ēeéçý. Ī., 2011.

[6] Ī á ò ðí á Áñ Ī. Óðúáéíeáý Ī áí í Ī éáíé // Ī íáíé í eá ¹ 11. 2006

[7] Ī í áðí áí áá í í áé ĩ ĩ. P ðúúá Ī. Ā. Ááeá Ááí ááé eó Ēeáeóó // Ēááéí. ¹ 3. 2010

[8] Áí ðí : áí, eé : í úá ĩ áýçé áá ĩ eé ò áðá ò óðí í é ĩ ĩ ñò ááéý ð úáé ý ò í áá é óúáá í í áé í í óáí eó ú é áé áí í eí á í á áe ó áðé é í úá : í í eó áé í áé í áðá, eí áí í úá ðeáç ò áeé ĩ á ááí eý ĩ ĩ : eí áí eé Ā.Ē. Óáðí ĩ á é Áí ááí eéá Ī.Ā. Ēeçúñ é í á çá 1934 á eí áí é Çáeúñí áí á í á ĩ á ááðeá ò.

[9] Ī í áé í í ááeá á áí ðe ó úí çí áe í áí «í ðááí - éááí ĩ ĩ ð eá áí ò áá» — eí áý á áe áó áðáé Áí í ú Áóí á ò í áí é é Ī eéí eáý Ī óí eí á, áááí ááðáí í áá eñeóññó áí áááá é í áí í áðáí ý ááeá eí ĩ eññáðá í á ò ðí áááñeóó í óçáá — á 1934 á áó í í áúé óáí eáí eç ðáññeá í óçáý, ááá áí çáeááéýé í ò ááé «í í áeé eóó ò á : áí eé».

[10] Áéááñ ááðþ çá í áññeááí eá óðí í í eí áé é óáðí ĩ áí eí á «í í í ðááí eý» Ā. Ē. Óúáéí eéí á, ááó í ðá áeí ááðeé Óáðí ĩ á (Óúáéí eéé Ā.Ē. Ááí eéé Óáðí ĩ á Ēeçí ú : áéí ááéá í á áá ò óú — ĒĪ á, 2008).

[11] Ī : áí ú ò í : í í ý ó ð áçí eóó í í eññááá ò á ĩ ĩ eó áí ááí eéáó Ááá Óááðó: «Ī áí áeáú í ðeááéé é í áí Óáðí ĩ Ī éáéí eéí á é çááí eí óeéé. <...> Ñeí ðí çá ñò áeéáí é ò áðááñí í í eáçáeíñý Ēáááí eí. Ī í í áðááí ááéñý áí ðóýí. Ī í óááeáé eó (á ĩ ĩ ááí í ĩ ñò é çááí eí óeí á, eí ò í ðí áá ñò eó é çí áé eó : ó á áðúáé) é áé eí ò áðááñ ú ó í eññó áeáé, eí ò ú eó í í ááþ ó í ðí ó é áé é ĩ áí Ēáááí eí. Á í í é í á eñeáéé í í áí e é ó í ðí ú. Ī í é í á í í áé é í eññó ú eí á : á : áí í eóó. Óáðí ĩ á áí eéé — óí : ó í eññó ú ó áé, ò í áú áú eí : eñó í. Ó í eó áú eí í ò áðááí eá eí

РАШЕЛЬ ХИН-ГОЛЬДОВСКАЯ: КРЕЩЕНИЕ В ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ

Ἐὰν Ἀδαὶ εἴτ᾿

Βασίλει Ἰερουσαλὰ Θεοῦ Ἀγγελοῦ (1863-1929) — εὐδαίμων διπλῆ-ἀσθενῆαυ ἰερωδαιστέα, ὕδρε ἀδαὶ ἀοοδᾶ ἀεὶ δαοαυαυ ἰ αὶ ἀδεῖδῆα, ἀπποῖείαυ, ἰὰ ἰὰσ ἀαῦα, ἠδὲ ἰαῖ ἰ ἰἰαδῶε-αἰῖα ἐπῆαἰαῖε. Ὁ-αἰεὸα Ἐ.Ν.Ουδαῖαα, ἰἰα ἰα-ἀοαῖα ἰ ἀαοῖεὸ δῆρεὸ ε δῆρεῖ-ἀδαῖεὸ εἰαῖεῦ, ἀ ἰἰἰἰ εἰε ἰα ἠἰαῖ ἰ αἰῖα ὀαοδᾶ ἰ θεῖ ἀοῖαυ ὀεῖδᾶ ἰ εὐδα ἰ ἠῖεῖε εἰοαῖεῖαῖε, θεῖ ἠἰαδῆαῖ εὐοαδῶοῖε ἠῖεῖ, αἰῖαδῶαυ ἰ εἰοῖδῖα αἰεῖ Ἀ.Ν.Νῖεῖαῖ, Ἐ.Ι.Αἰαδῖα ἰ. Ἀἰεῖε, Ἀ.Ὀ.Ἐῖε, Ἀ.Ι.Ὀρεῖοῖε, ἰ.Ἐ.Νοῖοῖεῖε ἰ ἀδ Ἐῖῦ ἀ ἰαῖἰ ἀδῶε ἰ. Ἀ.Αἰεῖεῖ, ἰἡῖῶεᾶ «Β.Ι.Θεῖ» ἠῖααα ὀαῖοῖ ἀοεῖῖῖ ἠῖεῖοῖαῖεᾶ «Β ἰ ἡῖεῖῖ ἠῖεῖ ἰ Ἀσ εἰεῖαδ...» (ἰἰ αἰεῖ ἰῖεῖεῖ ἰ ἰ ὀῖεὸ εῖ ἰῖεῖοῖδῖ Ἀ.Ὀ.Ὀοῖ αἰῖαῖ ἰ ἠῖεῖ ὀεῖῖαῖ ἰ αἰῖοῖεῖῖα ἠῖαῖ αἰᾶ).



Βασίλει Θεοῦ Ἀγγελοῦ. 1900 ἰᾶ

Уроженка черты оседлости, Рашель происходила из ассимилированной семьи богатого фабриканта и не знала ни иудейской веры, ни языка предков. Родители ее рано переехали в первопрестольную, где Рашель окончила 3-ю московскую гимназию. Она получила гуманитарное образование в парижском Коллеж де Франс. В Париже она общалась с Г. Флобером, Э. Золя, А. Ги де Мопассаном, А. Франсом, а позднее переводила их произведения. Как точно сказал о ней тонкий знаток Шимон Маркиш, «с еврейством ее связывала лишь враждебность окружающего большинства»[1]. Хотя родители Хин были правоверными евреями (и осудили одну из дочерей, сестру нашей героини, когда та

крестилась по православному обряду), особой религиозностью Рашель не отличалась и если и не была атеисткой, то агностицизм был вполне ей свойственен.

Мы сосредоточимся здесь на одном эпизоде из ее жизни, не лишенном общественного и историко-культурного интереса, а именно: в конце XIX века Рашель Мироновна вдруг принимает католицизм. В этом, казалось бы, нет ничего удивительного. В России в XIX веке, по данным Святейшего Синода, православие приняли более 69 тыс. российских иудеев; еще 12 тыс. человек стали католиками и более 3 тыс. — протестантами. К 1917 году число крещений евреев возросло до 100 тыс. Но даже это, казалось бы, внушительное число отступников составляло менее 2% от общего количества евреев империи. Примечательно и то, что наибольшее число крещений (в среднем по 2290 в год) падает на 1851–1855 годы. А это было время недоброй памяти «ловцов» и «пойманников» малолетних кантонистов, когда «святým духом» их осеняли, как правило, по принуждению. Всего же за 1827–1855 годы было крещено более 33 тыс. будущих николаевских солдат.

Не всегда, правда, евреи России крестились из-под палки. Иногда к этому шагу их толкало желание обрести элементарные гражданские права в обход антисемитского законодательства. Американский историк М. Станиславский выделил несколько групп российских иудеев, принявших тогда христианство: одни руководствовались стремлением к образовательному и профессиональному росту; другие принадлежали к высшей буржуазии и не желали законодательных препонов в их предпринимательской деятельности; третьи, будучи преступниками, надеялись на амнистию; четвертые были искренними приверженцами новой веры; и, наконец, пятые нуждались материально и перешли в новую веру от безысходности. Историк говорит также о евреях, изменивших веру, дабы сочетаться браком с лицом христианского исповедания, хотя и не выделяет их в отдельную группу[2]. Действительно, в начале XIX века известны по крайней мере два случая, когда сразу же после обращения в лютеранство евреи заключали браки с христианками. Речь идет о маскилах: коммерсанте А.И.Перетце (1771–1833) и литераторе Л.Н.Неваховиче (1776–1831), однако положительно утверждать, что именно женитьба была главным мотивом их крещения, нельзя, ибо карьеристские устремления этих неофитов также вполне очевидны[3].



А́аі́е́е́ А́а́а́і́ і́а́е́: О́а́і́е́и́і́ (1819-1911)

Случай крещения Рашель Хин неординарный — он тоже связан с супружеством, только вот не с заключением нового брака, а с прекращением старого, причем другого пути его расторжения просто не было. Как поясняет осведомленный современник М.В.Вишняк, «первый муж Хин отказывал ей в разводе. Тогда-то она приняла католичество, и брак автоматически распался: браки между католиками и евреями не признавались ни католической церковью, ни русским законом»[4]. И так, дабы разорвать узы с супругом (им был юрист Соломон Григорьевич Фельдштейн) и обрести тем самым свободу, Хин и осеняет себя крестным знаменем (при этом выбор христианской конфессии был для нее не столь существенным). И что интересно, такой ее шаг повлек за собой еще одно крещение: поклонник Рашель с еще гимназических времен, видный юрист Онисим Борисович Гольдовский (1865–1922), «чтобы получить право обвенчаться с католичкой, должен был перестать считаться евреем». И он принимает протестантизм, как говорит сам, «по причинам романического свойства»[5].

Примечательно, что новоиспеченные христиане Рашель и Онисим никак не воспользовались выгодами и льготами своего нового привилегированного положения. Ведь О.Б.Гольдовский, крестившись, формально освобождался от существовавших для евреев-адвокатов ограничений и мог бы выйти разом из помощников в полноправные присяжные поверенные. Однако он посчитал ниже своего достоинства извлекать материальные выгоды из «романического» крещения и остался в звании помощника до самого конца 1905 года, когда стал адвокатом, как и прочие иудеи, уже на общих основаниях. Кроме того, Гольдовский всегда настойчиво подчеркивал свое еврейство и издал книгу «Евреи в Москве: Страница из истории современной России» (Берлин, 1904).

Прежде чем обратиться к взглядам Рашели Хин на эту проблему, сделаем небольшой исторический экскурс. Иудаизм считает отказ еврея от веры предков тяжким грехом. В алахической литературе такой отступник называется мумар («сменивший [веру]»), мешумад («стертый»), апикорос («еретик») и др. При переходе иудея в христианство семья ренегата совершала по нему траурный обряд, как по покойнику (такой обряд блистательно описан Шолом-Алейхемом в рассказе «Выигрышный билет»). Выкреста предавал херему раввин, а на еврейском кладбище появлялась условная могила, к которой родители приходили помянуть потерянного сына или дочь.

Однако драматические события еврейской жизни конца XIX века заставляют переосмыслить устоявшиеся догмы и представления. Некоторые радетели еврейства переходили в чужую веру и соблюдали чуждые им обряды, стремясь принести пользу своему народу. И тогда крещение еврея могло восприниматься уже как жертва во имя соплеменников. Известный врач и общественный деятель Р.М.Кулишер (1828–1896) утверждал, что знал выкрестов, которые, заняв высокое положение благодаря крещению, елико возможно, старались защищать евреев. И рассказывал, как еще во времена Николая I, когда «евреи вечно находились под дамокловым мечом какой-то гзейры [гонения на евреев]», он однажды присутствовал на собрании иудеев, где лихорадочно обсуждалось, как же облегчить участь единоверцев. Страсти спорщиков чувствительно накалились, но ничего путного предложено не было.

«— Нам надо самим добиться своих прав! — степенно и увесисто сказал один пожилой человек.

— Легко сказать — самим! — передразнил его скептически настроенный еврей и поинтересовался: — И кто же таки нам, евреям, за здорово живешь права гражданские даст? Как же, держи карман шире! Даст, а потом еще догонит и добавит! Позвольте узнать, как же можем мы сами этого добиться?

— А вот как, друзья мои, — отвечивал пожилой. — Я бы выписал из Воложина несколько десятков ешиботников с хорошо отшлифованными мозгами и предложил бы им принести себя в жертву на алтарь еврейского равноправия: подрезать свои пейсы и капоты, засесть за общеобразовательные предметы, поступить в гимназии, а потом в университеты, а по окончании их — на государственную службу, предварительно выкрестившись и пригласив непременно крестными влиятельных бар... И воложинцы, вооруженные знаниями, хорошими мозгами и солидными протекциями, быстрее других поднимутся вверх по служебной лестнице. Они-то, рассеявшись по канцеляриям, извлекут из-под зеленого сукна наши права»[6].

Бейлин, «католицизм не подходил и, похоже, был второстепенным для идентичности Хин, это явствует из того факта, что она ни разу не обращается к нему в своих воспоминаниях»[11]. И правда: в опубликованных дневниках Хин непосредственно о католицизме нет ни полслова, она лишь однажды говорит о том дне, когда «старый ксендз в Толочине» обвенчал их с Онисимом Гольдовским. Очевидно и то, что в жизни писательница отличалась завидной веротерпимостью. Когда ее сын от первого брака М.С.Фельдштейн (1884–1939) вознамерился окрестить свою дочь, она опечалилась, но смирилась и 19 ноября 1915 года записала в дневнике: «Завтра будут крестить мою вторую внучку. Имя ей дадут Елена. Дай Б-г этой новой женщине счастья. Пока — я питаю к ней только чувство жалости».

Марксистски ориентированные литературоведы настойчиво втолковывали нам, что художник лишь отражает действительность. На самом же деле он ее активно преображает, намечая такие этические и нравственные рубежи, которых не всегда возможно достичь в реальной жизни. В полной мере это относится и к нашей героине, затрагивающей тему крещения во многих своих художественных произведениях. И замечательно то, что в отличие от самой Рашели Хин, формально принявшей католицизм, положительные протагонисты ее произведений, поставленные перед подобным выбором, категорически от крещения отказываются[12], даже если оно вызвано причинами «романического свойства». И напротив, герои, обратившиеся в христианство (особенно из прагматических и карьеристских соображений), ею жестко порицаются.

В Саре Павловне Берг, героине рассказа Хин «Не ко двору»[13], угадываются и индивидуально-авторские, и типические черты ассимилированного русско-еврейского интеллигента конца XIX века. Неизбывная трагедия этого интеллигента выражается в страстном монологе Берг: «Слушайте, я считала себя с детства русскою, думала и говорила по-русски, мое ухо с колыбели привыкло к звукам русской песни... Все это осмеяли, забрызгали грязью. Я испытала на себе весь ужас положения незаконнорожденного ребенка в чужой семье... Хочу любить, а меня заставляют ненавидеть». Характер Сары дан автором в развитии, что придает ему особую художественную убедительность. Воспитанная в привилегированном пансионе в духе антииудаизма, девочка читает «Четы Миней» и убеждена, что все евреи грязные, что они «с мацой в Пасху пьют человеческую кровь», и страстно мечтает о крещении. Но со временем понимает, что если ненависть к евреям входит в самую структуру христианства, то оно, стало быть, не дотягивает до провозглашаемых им же ценностей. Сара, интеллигентная и образованная, то и дело сталкивается с дискриминацией: ей как еврейке отказывают в работе, а в один богатый дом она попадает, поскольку хозяева посчитали, что «даже лучше, что она жидовка; будет, по крайней мере, знать свое место и не важничать». В такой «серой, точно гороховый кисель», юдофобской атмосфере «ей как-то не верится, что можно произнести слово “еврей” без прибавления — плут, мошенник, подлец, когда представляется удобный случай». И Сара уже на собственном опыте ощущает ложность господствующих в обществе стереотипов.

Крещение для нее принципиально невозможно, какими бы резонами оно ни было продиктовано. А к нему склоняет Сару ее возлюбленный Борис Коломин, дабы заключить с ней брак. «Но ведь это простая формальность, обряд, — настаивает он, — для такой женщины, как Вы, существует лишь одна религия, которая совсем не обуславливается той или иной церковью. Не могу же я поверить, что Вы заражены религиозным фанатизмом». Однако вовсе не в фанатизме тут дело: Сара Павловна считает себя плотью от плоти еврейского народа и желает быть со своим народом — там, где, говоря словами поэта, ее «народ, к несчастью, был». Вот что она отвечает жениху: «Я была свидетельницей дикой животной травли на людей, скученных на одном клочке, за чертой которого им запрещалось дышать, а когда эти люди не догадались задохнуться от тесноты и грязи и стали барахтаться, — их обозвали эксплуататорами, вампирами и мало еще чем <...> [Креститься] — громогласно отречься от них, перейти в вражеский лагерь самодовольных и ликующих. Я ни за что не перемену религию, перестанем об этом говорить. Милый мой, я люблю тебя, как душу, но никогда за тебя не пойду».

А в другом рассказе, «Мечтатель»[14], перед нами предстает «скромный и бескорыстный пионер еврейского просвещения» Борис Моисеевич Зон. Это «неисправимый романтик», чьи кумиры — печальники еврейства И.-Б. Левинзон и И.Г.Оршанский, а литературные мэтры — Жорж Санд, Гюго и Гете. Он наделен «умом сердца», чуткостью и подкупающей всех «духовной простотой». Этот «энциклопедист-самоучка — любопытный обломок целого типа, который в таком неожиданном изобилии выделило еврейское захолустье в конце 50-х годов». В его холостяцкой московской квартире столбовались нищие студенты, несостоявшиеся артисты, бомжи, а хозяин-хлебосол и рад был внимать ежечасно «молодому шуму», привечать всех — и эллина, и иудея. Однако шли годы, эпоха надежд Александра Освободителя канула в Лету, на троне прочно обосновался «тучный фельдфебель» Александр III. «Дух времени был слишком силен, и старый мечтатель растерялся, — пишет Хин. — Пришли степенные молодые люди с пакостной усмешечкой, иронизирующие над “именинами сердца”, пришли журналисты, прославляющие розги, юдофобство на “научной” почве с передержкой, гаерством, гиканьем».

Борис Зон наблюдает досадные метаморфозы: вот его любимый ученик, еврей Лидман, так тесно сживается с окружающей бездуховностью и настолько нравственно черствеет, что «из благоразумия» принимает у себя в доме некоего Воронова, автора мерзких юдофобских брошюр. «Бывают такие случаи, когда быть благоразумным — значит быть низким», — бросает Лидману Зон. Дальше — больше: Лидман решает креститься, о чем с помпой объявляет Зону и тщится подыскать сему поступку разумные и высоконравственные аргументы. Происходит знаменательный диалог:

Ēēāi āi: Āāxā n̄ ōēēīmōfēlē ōī:ēē cōāīēy, ȳ n̄ōāīfāēp̄n̄ū īā n̄ōīōīō ēn̄ōīōē:āīēlē n̄ēū...

ϸīī: Āāxā āīē yōā n̄ēā ōīīēō Āāōēō āāōūīā?

Ēēāi āi: Īō, yōī, ϸīāōā ēīāēēāāēūīā :ōān̄ōāī... ēāē ēōī n̄ īōōēō. Āāī cōāīī n̄:ēōāōūīāōōūyī ē 4ī ēēēēīā :āēīāē, ā ȳ n̄:ēōāp̄ āāōūyī ē āīō ēp̄āē.

ϸīī (n̄ āōā:ūp̄): Āō, n̄āxēōā ēō:ōā īōyī ī, :ōī Āāī ōī:āōīȳ āīēōē ā īōēīȳēīūā īīāāīīūā..

Ēēāi āi (īōēūōēāōēīȳ): Ā ōīōȳ āū ē ōāē. Īāāāp̄n̄ū ȳ īēēī ō īā īāȳcāī āāāōū īō:āōā ā n̄āēō īīn̄ōīēāō. Āīō ȳ īāī āōāp̄ Āāī āūōūn̄ōāāēūōāī ē āāōīāī !

Ēēāi āi ēāē ā āīāō n̄ īōōāē: ϸīīā, īā īīāēāāōāā īīēōē īā n̄āēēō n̄ n̄āāōūp̄, āīīēāp̄ō ēϸ Īīn̄ēāī (īōāāāōēōāēūīī ā īīēōāēīēīī ō:ān̄ōēā āā āōōān̄ōīāāēē «īāōōāēūīī āēāīāīēēī» ēī āīāī — Āāōēīē Īīōāēīāē:āī — ē īā āāϸ ōīfāēūn̄ōāēȳ īāīīī īēēē, :ōī ā Dīn̄īē «āēȳ xēāā īāō ϸāēīā»!). Īīn̄ēāīēā āīē īāō «ī ā:ōāōāēū» īōīāē ā īāīīī ϸāōōāōīīī āōīāēā :āōōū n̄āēīn̄ōē. Āāī īō:ēē īāīōāȳcīūē n̄ī: īāēē n̄ōāxē īīōȳāēā n̄ īȳn̄ēōīē ōȳōīē āīōēē āī ō āēōāā-ēāīī, āāxā ēān̄ēīāīī āēīīn̄ī: «Ī ōēī ē ēāōāēī n̄ōāī, āōāēīē, ēēē :ōīāū ā 24 :āīā āōōō ōāīāā ϸāīīī īā āūēī!»

НЕ КО ДВОРУ.

П О В Е С Т Ъ .

—
I.

Павель Абрамовичъ Бергъ сердито расхаживалъ по своему богатому кабинету, уставленному всевозможными предметами роскоши и почти похожему на галантерейную лавку. Наконецъ онъ остановился, заложилъ руки въ карманы брюкъ и, насупивъ брови, обратился къ женѣ.

— Чтожъ, ты и теперь не хочешь отдать се въ пансіонъ?

Жена, блѣдная и красивая брюнетка, лѣтъ тридцати, вздохнула, опустила внизъ робкіе черные глаза и въ замѣшательствѣ стала перебирать бахрому на шелковой подушкѣ.

— Это ни на что не похоже, — кинутися Павель Абрамовичъ; — мало того, что я бѣгаю съ утра до ночи, хлопочу, наживаю, выбиваюсь изъ силъ, — мнѣ еще нужно заботиться, чтобы дѣти мои не выросли торговками. Неужели ты воображаешь, что любовь къ дѣтямъ заключается въ томъ, чтобы ихъ шпачать съ утра до ночи?! Такъ я тебѣ говорю, что ты не любишь своихъ дѣтей, ты ихъ ненавидишь, ты ихъ губишь, ты...

Видя, что жена всхлипываетъ, Павель Абрамовичъ совсѣмъ вышелъ изъ себя. — Опять слезы, — закричалъ онъ, — это чертъ знаетъ что такое: я слова не могу сказать, точно я шивий, пришедшій съ улицы; вы меня въ могилу сведете, я изъ дому убѣгу...

— Видь я тебѣ ничего не говорю, — промолвила Берта Исаковна, наскоро утирая слезы, — дѣлай, какъ хочешь.

Поводомъ къ этой семейной сценѣ послужилъ очень неболь-

1*

Οεοδεννιέ βέλο ἱγάνοε «Ἰά εἰ ἀϊτό», ἱδωεεεεεεεεεεε εἰ ἀεὶ ἀεὶ «Ἀϊτό» (εἰσὸ ἀεὶ Ἀ. Ἀ. Ἐαίλαο) ἂ ἀαἰνὸ ἀ 1886 π. ἀ. Ἰ γάνοε ἡ ἱγάνοε π. ἀ. «D-061»

В сочинении Хин «Одиночество (Из дневника незаметной женщины)»^[15] привлекают внимание два еврейских национальных типа, поразительных по своей полярности. Представитель первого — весьма отталкивающий невежественный выкrest Беленький («по части литературы он безгрешен», — с иронией замечает автор). Это Иван, точнее, Абрам, не помнящий родства. Вот что о нем говорят: «Еврей, недавно крестился, но всех уверяет, что родители его были крепостные какого-то польского магната. Вчера он с пафосом рассказывал, что ему во сне явился Николай Угодник и предсказал блестящую карьеру. — “Может, это был не Николай Угодник, а Моисей Пророк”, — съехидничал [кто-то]. — “Я не имею с ним ничего общего”, — важно произнес Беленький».

А вот выпускница университета Белла Григорьевна Грогсгоф — антипод Беленького, она дает частные уроки, готовит учеников к поступлению в гимназию. Но ее семью, как и семьи сотен иудеев, высылают из Москвы, хотя родители «живут здесь чуть ли не 20 лет, и вдруг оказывается, что они не имеют права тут жить и должны уехать на родину, а они и забыли давно, где их родина». Белле с ее обостренным чувством национального достоинства стыдно и унизительно просить о том, что должно принадлежать ей по праву. «Ведь одна моя просьба — позор, — с горечью говорит она. — Что я сделала? Кому мешаю? В чем мое преступление?» Так и слышится здесь голос Тевье-молочника, любимого героя Шолом-Алейхема, выдворяемого властями из родного дома: «Стены голые и кажется, будто они слезами плачут. На полу — узлы, узлы, узлы! На припечке кочка сидит, как сирота, печальная, бедняжка, — меня даже за сердце взяло, слезы на глаза навернулись... Вырос тут, маялся всю жизнь и вдруг, пожалуйста, изыди! Говорите что хотите, но это очень больно!»

Влиятельный юрист Юрий Павлович, к заступничеству коего прибегает Белла, предлагает ей отказаться от своих принципов:

«— Берите меня в крестные отцы, и дело с концом!

— Да, это действительно очень просто, — с улыбкой промолвила девушка.

— Разумеется, совершенно не из чего создавать трагедию. И Б-г у всех один, — примирительно подтвердил Юрий Павлович.

— Если так, то за что же нас преследуют?

— Платье ваше, милая барышня, устарело. Не нравится оно никому. Такая уж мода в воздухе. Прежде дамы носили узкие рукава, а теперь пошли широкие...

— Римлянам тоже не нравилось христианское платье, — возразила Белла, — однако христиане умирали за это платье на кострах, виселицах и в пасти диких зверей.

— Так ведь это когда было! — воскликнул Юрий Павлович и засмеялся. — С тех пор люди поумнели. Смеем Вас заверить, дитя мое, что немного найдется в наши дни любителей приять венец мученический. Есть, конечно, несчастные, которые и теперь заживо себя в стены замуравливают. Но их называют изуверами, а не героями, и судят в окружном суде. Так хотите, барышня, [креститься]? А уж как я буду гордиться такой прелестной духовной дочкой.

Белла отрицательно покачала головой и встала.

— Мы говорим на разных языках, — промолвила она».

В «пьесе из эпохи освободительного движения» «Ледоход»^[16], подвергшейся цензурным гонениям (значительная часть тиража была конфискована), выведен тип еврея-народника и интернационалиста. Павел Львович Браун — «один из лучших людей», который «юношей вступил в армию борцов за российскую свободу». На стенах его скромной комнатки висит копия репинских «Бурлаков на Волге» и портреты Лассала и Чернышевского. Пятнадцатилетним подростком он пережил еврейский погром и видел, «как одни голодные люди в слепой ярости убивают других голодных людей». Такие испытания «слабых гнут в дугу, сильных же превращают в героев». Браун принадлежит к сильным. Его одушевляет борьба за счастье всех угнетенных, без различия рода и племени. «А рабочих и мужиков не бьют, не топчут ногами <...> от колыбели до могилы? Что наши страдания по сравнению с их страданиями? — риторически вопрошает он. — Я убежден, что мы стоим на грани истории... Мы увидим свободу... Что-то переменялось в русской жизни. Это чувствуют все. Старое умерло. Мороз как будто еще злее, но это перед ледоходом!» Многие преклоняются перед бескорыстием и самоотверженностью этого народного заступника. Знаменательно, что один из персонажей пьесы, влиятельный сановник Иван Бутюгин к Брауну «в крестные отцы набивался», а тот на такое «выгодное предложение» только рассмеялся ему в лицо. Впрочем, как и в самой российской жизни, есть в драме «Ледоход» субъекты, которые, подобно солдафону-реакционеру Афромееву, талдычат: все, что от евреев, есть погибель. А на замечание собеседника, что, мол, Иисус тоже был евреем, парируют: «Это не оправдание для его врагов».

Мы остановились лишь на некоторых произведениях Р.М.Хин, где затрагивается проблема крещения евреев. Но совершенно очевидно, что иудейская вера рассматривалась ею как органическая часть еврейской идентичности, а крещение — как предательство своего народа. Симпатичны и у нее лишь те герои, которые тверды в своих убеждениях и не желают быть ренегатами. И хотя сама писательница формально приняла христианство, она продолжала порицать ренегатов и развенчивать их позицию в своем творчестве.

[1] Автор выражает благодарность М.Б.Авербуху, составителю антологии «Вокруг евреев: Еврейский вопрос в России. Мемуарные и художественные хроники в изложении сочувствующих и негодующих» (Филадельфия, 2007), за предоставленные материалы о жизни и творчестве Р.М.Хин-Гольдовской.

Родной голос: Страницы русско-еврейской литературы конца XIX — начала XX в.: Книга для чтения / Сост. Ш.П.Маркиш. Киев, 2001. С. 10.

[2]. Stanislawski M. *Jewish Apostasy in Russia: A Tentative Typology // Jewish Apostasy in the Modern World. New York; London, 1987. P. 189–205.*

[3]. Об обстоятельствах крещения А.И.Перетца и Л.Н.Неваховича см.: Лев Бердников. *Острый Перетц // Лехаим. 2008. № 4; Он же. Русская жизнь Лейба Неваховича // Слово/Word. 2009. № 64.*

[4]. Вишняк М.В. *Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 73.*

[5]. Там же.

[6]. Цит. по кн.: *Быть евреем в России. Материалы по истории русского еврейства. 1880–1890 / Сост. и примеч. Н. Портновой. Иерусалим, 1999. С. 199.*

[7]. *Восход. 1887. № 1–6.*

[8]. *Восход. 1887. № 3. С. 17.*

[9]. *Рассвет. 1912. № 25.*

[10]. О таком же случае читайте в мемуарах Осипа Дымова «То, что я помню» (*Лехаим. 2011. № 5*).

[11]. Balin C.B. *To Reveal Our Hearts: Jewish Women Writers in Tsarist Russia. Cincinnati, 2000. P. 123.*

[12]. Явление это в русско-еврейской литературе не единичное. Обращает на себя внимание творчество В.И.Никитина, принявшего православие бывшего николаевского солдата. В его автобиографической повести «Век пережить — не поле перейти (Из рассказов отставного солдата)» (*Еврейская библиотека. 1873*) предстает идеальный герой-кантонист, который, в отличие от сочинителя, несмотря на принуждения и издевательства, не отрекся от веры отцов и вызвал тем самым уважение христиан.

[13]. *Восход. 1886. № 8–12.*

[14]. *Сборник в пользу начальных еврейских школ. СПб., 1896.*

[15]. *Вестник Европы. 1899. № 9.*

[16]. *Берлин, 1905.*

ДЖЕЙМС КУГЕЛ: «ТОРА ГОВОРIT ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ГОЛОСОМ»

Ἀληθὴς ἁπλοῦς Ἐδὲ ὀλίγος ἐστὶν Ἄγδος Ἄγδος



ἘΔΕ ὈΛΙΓΟΣ:

Профессор Кугел, вы — один из самых признанных современных библеистов. Некоторые ваши книги уже считаются классикой. Мой друг, преподающий в Иерусалимском университете, всех своих студентов обязывает прочесть «В доме Потифара». Итак, вы — солидный академический ученый. В то же время вы — ортодоксальный иудей, соблюдаете традицию и, соответственно, высоко почитаете наших мудрецов. Однако не секрет, что в академических библейских комментариях почти не найдешь ссылок на мудрецов, а раввины-ортодоксы, пишущие о Танахе, очень редко ссылаются на труды современных библеистов. Как в вас сочетаются эти две ипостаси? Не испытываете ли внутреннего дискомфорта, конфликта?

ἈΛΕΙ ἢ ΚΟΛΙ:

Знаете, у меня был студент в Бар-Иланском университете, религиозный, который каждое утро до полудня изучал Талмуд традиционным образом, а потом шел на академические занятия по Талмуду, где ему говорили: «...этот текст подозрительный, отсюда неясно, что сказано в Мишне...» и так далее. Я его спросил: «Как ты соединяешь эти два мира? Утром ты учишь одно, а днем тебе говорят, что это все —

чепуха». Он сказал: «Утром я учу Гемару, а днем — Талмуд». Я думаю, такой конфликт существует у многих людей в этой сфере. Какое может быть решение? Разделять по возможности эти два мира. Но мне кажется, что следует их каким-то образом совмещать. Впрочем, я никогда не скажу соблюдающему еврею: «Делай как я, ты должен познакомиться с достижениями академической библеистики».

РÔ:

Но как вам удастся сочетать эти два мира, если есть, казалось бы, несовместимое? Например, на одной своей лекции вы говорили, что из чтения Торы создается впечатление, будто Б-г для древних евреев ощущался то трансцендентным, непостижимым, каким мы представляем Его сейчас, то близким, подобным человеку: «Б-г сказал», «протянул руку» и так далее, — причем они понимали это в буквальном смысле. А что такие выражения суть не более чем антропоморфизмы, это более поздняя идея, придуманная мудрецами, чтобы «оправдать» текст Танаха.

ÄÊ:

Да, я пытался сказать в своей книге «Б-г давних времен» («The G-d of Old»), что в библейский период люди двояким образом представляли Б-га. Одна модель, предполагающая всезнание, всемогущество, всеприсутствие Б-жье, несомненно появляется в писаниях пророков и позднейших книгах Библии. Такова, в сущности, и наша сегодняшняя концепция. И считается, что иная модель, более ранняя — не более чем примитивная попытка утверждения этой позднейшей модели. Но я так не думаю. В Талмуде сказано: «Дибра Тора ки-лешон бней адам» («Тора говорит человеческим голосом»). Для древних существовала словно проницаемая перегородка: Б-г то был непостижим, скрыт за нею, то был близко ощутим, рядом. И это две модели, описывающие одного и того же Б-га. Каждая из них имеет свои преимущества и недостатки, и об этом я писал в книге.

ÁÎÐÓŒÁÎÐÈÍ:

Моя любимая ваша книга — «В доме Потифара». Вы пишете там об утраченных мидрашах, утраченных концепциях, реконструируете их. И вы находите их в очень отдаленных источниках, в том числе в рукописях, изначально написанных неевреями. И в какой-то момент ловишь себя на мысли, что словно кто-то скрыл большой пласт информации, причем по каким-то особым причинам. Не думаете ли вы, что реконструкция этих мидрашей довольно опасна, потому что были причины скрывать то, что вы реконструируете?

ÄÊ:

Не думаю, что сокрытие мидрашей — дело мудрецов. Неудивительно, что многое исчезло, удивительно, что что-то сохранилось. Думаю, дело Б-жье — скрывать мидраши, а дело ученых — обнаружить их и понять, как они создавались.

ÁÁ:

А свитки Торы? Есть огромная временная лакуна между дошедшими до нас списками Торы и кумранскими рукописями. Что вы об этом думаете?

ÄÊ:

Да, верно. Здесь все объясняется условиями хранения свитков. В Кумране вообще был уникальный климатический режим, свитки хорошо сохранялись. Но как только их вытаскивали под прямой солнечный свет, они быстро приходили в негодность. То же самое касается свитков в Европе.

ÁÁ:

Стало быть, никакой конспирологии?

ÄÊ:

Думаю, так.

РФ:

Работы некоторых современных археологов и историков демонстрируют, насколько меняются традиционные взгляды в науке, и это влияет на разрыв между наукой и религиозной традицией. Возьмем, например, труды Исраэля Финкельштейна...

АЕ:

Я думаю, что такой вывод — раз археологические раскопки ничего не показывают, то событий, описанных в Библии, не происходило, — основан на ложных предпосылках, неверном понимании того, что такое Писание в иудаизме. Писание — это текст, который призван нас учить, и учить не о прошлом, а о настоящем. Как себя вести, что надлежит делать. Текст может отражать исторический факт, но по большому счету это неважно. Важен тот урок, который мы выносим из текста. К примеру, нет ничего более важного для еврейской души, чем гора Синай, где мы обрели Тору. И, хотя туристов водят на гору Джебел-Муса, никто из историков точно не скажет, где находится Синай. Нам важно не его расположение, а то, что мы там получили Тору, которая говорит, что нам нужно делать. Поэтому подход Финкельштейна — нееврейский подход. Это подход протестанта, еврейского протестанта.

РФ:

Давайте перейдем от историков к филологам. В книге «В доме Потифара» вы исследуете и реконструируете мидраши. Но ведь подход ученых-филологов к мидрашам радикально отличается от подхода наших мудрецов. Современная научная герменевтика не имеет ничего общего с принципами толкований, предложенными мудрецами. Опять же, как вы в себе совмещаете современного филолога и верующего еврея, использующего древние герменевтические принципы? Как это может происходить? Утром вы пишете книгу в одном духе, а вечером — в другом?

АЕ:

Я бы посмотрел на это совсем иначе. Я часто повторяю, что суть иудаизма — это аводат а-Шем, служение Б-гу. Опять же, дело людей — попытаться выяснить все, что только возможно. Я бы никогда не стал мешать им это делать. Но есть много евреев, которые не хотят слышать о науке, и я не буду никого заставлять это делать. Я в науку вовлечен не по идеологическим причинам, а только из любопытства. Нашим текстам положило начало матан Тора, дарование Торы; пришедшее от Б-га очень быстро переходит в руки людей — это важнейший момент в иудаизме. И у нас есть право и обязанность попытаться наилучшим образом понять то, что нам дано. Мы верим, что наши мудрецы правильно интерпретировали Писание своими мидрашами, но это только часть цепочки, которая начинается у Б-га и завершается у людей.

РФ:

В связи с этим такой вопрос: как вы оцениваете современную научную ситуацию в Израиле? Ведь, как известно, большинство гуманитариев принадлежит к левой, либеральной части израильского общества, и их подход отличается от вашего.

АЕ:

Я сейчас живу в Израиле, окончательно моя семья переехала в Израиль в 1992 году, но и раньше я много здесь бывал. Мне нравится жить в Израиле, но я всегда выступаю против определенного рода ментальности, которую на современном иврите я определил бы как хад ве-халак: «коротко и ясно», «однозначно». Мне не хотелось бы льстить вашим читателям, но, когда я в Израиле, я учу и русских олим, в том числе моложе двадцати лет. Так вот, мне нравится учить их, поскольку они больше похожи на меня, любят парадоксы, могут жить двойной мотивацией — а только так, мне кажется, и можно осознать реальность. Я понимаю русских гораздо лучше, чем многих израильтян. А американцы — не все, конечно, — нечто среднее между израильтянами и русскими.

РФ:

А что вы думаете о будущем развитии иудаики в мире? Мир стремительно секуляризируется. Может ли иметь дальнейшее развитие ваш подход, столь сбалансированный и важный, как мне кажется, прежде всего для еврейского мира?

АЕ:

Думаю, вы правы. Еще когда я впервые оказался в Израиле, то полагал, что иудаика, как и любая дисциплина в университете, не должна считаться уделом только религиозных. В 1980-х раввин в моей синагоге любил повторять: «Конечно, профессора скажут так и так...» Он не любил профессоров. Некоторые не любят и по сей день. Но за двадцать лет многое изменилось. Когда-то я посещал лекции в Свободном университете и был единственным студентом в кипе. Сейчас многие молодые люди там носят кипу, много молодых соблюдающих женщин в аудиториях. И думаю, я не один такой, есть много людей, серьезно относящихся и к ядуд, религии, и к знаниям, и я стараюсь найти путь, позволяющий все это совместить.

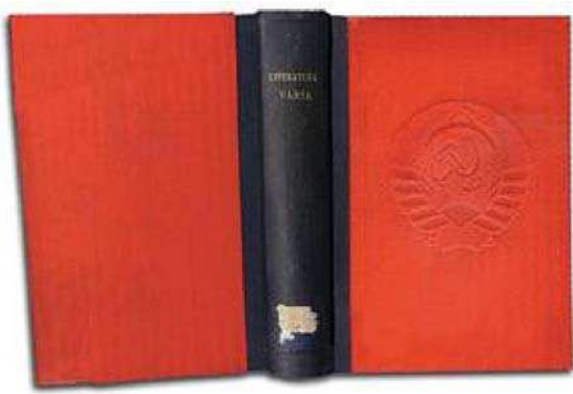
Ái íá Øéííí éé

*Á i áá—épríá yóíá ñáá Áeáéíóáéá éííñóðáí ííé ééóáðáóóðí é Éííñéóóó Ñáðáí óáñ á
Í íñéáá íðáíéçíááéé áññóááéó ííá íáçáí éáí «Ááð éñíáíñéíá íáðíáá». Ñíáíóéá íðéí á:áóáéííá á
íáí — ðéóðííéáóáíéá í éóé:áñééð íñáóðíá é éííéðáóíó ñááá — éíéá éprááé é áááéá ýçíéíá
Éñóíðéý áññóááéé íáííí éíááó, íá í é áçáýá, ááóáéóéá íí á íáéíáí áááíáðáííí áóóá, éíááá íóíñáí
íá áíá ðáéíý ñóðáéýñó, á íñáóóú í íáó é íá çáéáí:éááóóííý, íí á óáéíí éíóðéáñó, é áñíí á
Ééóáðáóóðííñóú éñóíðéé áññóááéé áí áñíí. Áí-íáðáíó, á íáí íí áááá é óíí, éáé íí é íáí íííáé. Áí-
áóíðíó, á ýéñííçéóéé, á éíóíðíé, éáé á óíðíóáí óáéñóá, íðííí áóðéáñóñíý íáíáéááííúá ííáíðíóú,
íá í áíáá óáéáéáóáéííí úá, :áí óáíóðáéííí úé íñáóó.*



Í áéíáéá ñáááí éý íóíðóíá Áíéé, íáðááí íáý á ááð ðáñ'óíéééáíñééí íðááéóáéíííóáíí Éñ'áí éé.

Í óçé ñáááí áí ííé éñóíðéé Ðííñéé



Í áéíáéá íáí íé éç éíéá íáðááí ííé á ááð Ñíááóñéíí óÑíñó

Дар — это 1500 книг на испанском и каталонском языках, рисунки испанских детей, репродукции работ испанских художников, коллекция национального прикладного искусства и офорты Гойи, полные четыре серии («Капричос», «Бедствия войны», «Тавромахия» и «Пословицы»). Офорты переплетены в красную кожу, а на обложке надпись: «Cultura popular a la U.R.S.S.» («Народная культура — Советскому Союзу»), профиль Гойи и сонм кошмаров с его гравюр. Часть книг тоже в красных обложках с гербом Советского Союза. Передача дара состоялась в 1937 году, в разгар гражданской войны в Испании, и

его можно смело считать плодом того мифа о Советской России, который владел умами испанских интеллигентов, вошедших в Народный фронт, и многих простых испанцев, поддерживавших Республику. В этом ценнейшем даре (а ведь эти офорты Гойи стали последними оттисками, сделанными с оригинальных досок) не следует видеть политическую манипуляцию. Россия щедро помогала Испанской Республике (так как Сталин считал нужным участвовать в этом конфликте, послужившем репетицией следующих войн) и оказывала ей поддержку, на которую в Европе никто не решился. Россию любили, испанские литераторы приезжали на советские съезды писателей, дружили с Кольцовым и Эренбургом, испанистами Савичем и Кельным, организовывали разного рода антифашистские форумы и общества испано-советской дружбы. Советские люди собирали деньги для воюющей Испании, а испанские дети рисунками поздравляли своих советских ровесников с 20-летием Октябрьской революции.

Попав в Советский Союз, дар потерял свою целостность. Так, офорты Гойи были переданы в Музей революции, а книги — в Библиотеку иностранной литературы. Эти книги стали не просто очередным библиотечным фондом. Они повлияли на судьбы испанистики в СССР, ведь в этой коллекции — и классики, и современные авторы, и переводы русских писателей на испанский, и научные труды, и альбомы по искусству. В ВГБИЛ тогда же открылись курсы испанского языка, а книги изучались и переводились. Именно с этих изданий делались, например, переводы Тирсо де Молины или Лорки.

Если рассматривать коллекцию как чисто утилитарное собрание «the best» для любителей испанской словесности, одна ее часть вызывает некоторое недоумение. Это 500 томов изданий на каталонском языке, причем некоторые из них — переводы. Представьте себе Москву 1930–1950-х годов и библиотечные полки, уставленные классиками античности на каталонском языке. Кто и когда мог их читать? Каталонистика в России весьма молода, язык начали преподавать в конце 1970-х, а до того были лишь одиночки-энтузиасты.

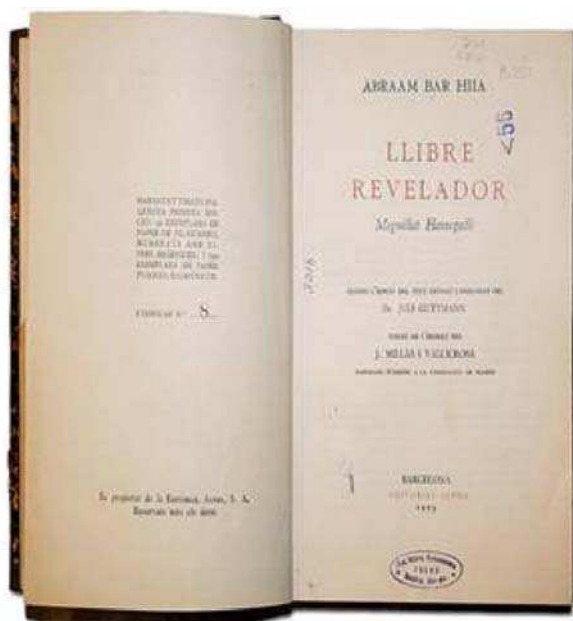
Каталонская часть коллекции показывает, что дар помимо очевидного просветительского имел и имиджевое значение. Потому что Каталонии на тот момент было чем гордиться, в том числе и отношением к еврейскому наследию. Тут мы, наконец, приблизились к протагонистам нашего детектива. Проходя мимо витрин и рассматривая разнокалиберные тома, я увидела две книги под табличкой «Гebraистика»: первая — «Мегилат а-мегале» («Свиток избавителя») Авраама бар Хии а-Наси (1065—1136), барселонского философа и астронома, а вторая — «Сефер а-шаашуим» («Книга увеселений») Йосефа Ибн-Забары, поэта, сатирика и врача, жившего в XIII веке и тоже в Каталонии.

Авраам бар Хия был одним из первых еврейских философов. Его книга посвящена не только вычислениям даты прихода Машиаха, но и астрономическим расчетам в целом, а также рассуждениям об этапах создания мира, грехопадении Адама, тройственном составе души и прочим философским вопросам, которые занимали умы его современников.

Переводчик Авраама бар Хии Жозеп Мария Мильяс Валькроста (1897—1970) переводил с ивритского издания, подготовленного известным историком еврейской философии Юлиусом Гутманом. В каталонском издании сохранено обширное предисловие Гутмана и добавлено введение самого переводчика, человека, который сделал огромный вклад в изучение каталонских евреев: он не только участвовал в создании Коллекции гебраистики Фонда Медже, но и первым изучил надписи на плитах и рукописи на еврейско-каталонском языке, хранящиеся в барселонских архивах. Он составил библиографию еврейско-каталонских книг в библиотеке Ватикана, печатался в сефардских журналах, был видным историком науки и коллекционером средневековых измерительных приборов.

«Книга увеселений» Йосефа Ибн-Забары предназначалась для развлекательного и нравоучительного чтения. Она живописует человеческие пороки и дурные привычки в форме рассказа о путешествии автора в компании с дьяволом, на каждом шагу искушающим праведников. В повествование вплетены сказки, эпиграммы, агадические истории и сюжеты, почерпнутые из арабской литературы.

Переводил Забару филолог и ориенталист Игнасио Гонсалес Льюбера (1883—1962), который, покинув Испанию, 40 лет преподавал в Белфасте, а последние годы — в Кембридже. Он был крупным специалистом по еврейско-каталонской литературе и культуре, способствовал изданию «Книги странствий» Биньямина Тудельского и других сочинений сефардских авторов.



Deò óeíú úé daçáí òíò éí èæ

Àaðààí à ààð Óeè à-Í àñé «Í àñéàò à-í àñéà» («Nàeò íé eçáàæ òáé»).

Àaðñéíí à

1929 à à

Два средневековых трактата двух каталонских евреев, переведенные блистательными учеными на каталонский язык, лежали в шкафах Иностранки с 1937 года и ждали своего часа. О чем они могут рассказать въедливому посетителю? Для начала въедливый посетитель попытался разузнать, заказывал ли их кто-нибудь в читальных залах библиотеки. Этот путь оказался тупиковым — узнать ничего не удалось. Тогда я обратилась к истории их издания в Испании, которая, как мне казалось, могла бы пролить свет на то, как трактаты оказались в Иностранке. Каталонская словесность возрождалась энтузиастами с середины XIX века. Наивысшего подъема каталонский патриотизм достиг в годы испанской катастрофы 1898 года: потеря колоний полностью дискредитировала испанское государство, к тому же в Испанию вернулись значительные каталонские капиталы, вложенные до того в Новый Свет. Каталонские политики начинают играть важную роль во властных структурах; не последнюю роль сыграли они и в деле установления республики. Расцвет каталонской культуры чувствовался во всем: в архитектуре, бизнесе и, конечно же, книгоиздании. Республика 1931 года даровала Каталонии автономный статус, каталонский язык зажил полноценной и равноправной жизнью. От собраний каталонских авторов и переводов в витринах Иностранки кружится голова — и все это подготовлено и издано менее чем за 10 лет! Дело не обошлось без харизматичных Сытиных: оба наших трактата вышли благодаря тому, что блистательный политик, либерал Франческ Камбо, министр в нескольких правых правительствах, меценат и ученый, основал в 1922 году Фонд имени Берната Медже, каталонского писателя XIV века, чтобы издавать античных и средневековых авторов в переводах на каталонский язык. Фонд начал выпускать коллекцию гебраистики, равной которой (если бы весь замысел воплотился) не было бы в Европе. Но в серии «Biblioteca hebraica catalana» успели увидеть свет только четыре книги, потому что франкизм затормозил развитие каталонской культуры на сорок лет.

«Зачем было потрачено столько сил и средств на переводы античных и средневековых классиков на каталонский, на котором тогда говорило около двух с половиной миллионов человек?» — задала я вопрос директору Института Сервантеса в Москве Жозепу Марии Сагарре. Он удивился, но терпеливо объяснил: «Политическая цель была понятна — создать коллекцию изданий классиков, создать библиотеку, которая бы была не хуже Бодлианской библиотеки в Оксфорде или коллекции Гийома Бюде [давшей начало Национальной библиотеке Франции. — А. Ш.]. Такое книжное собрание послужило бы делу распространения каталонской культуры во всем мире. А что касается внутрикаталонских процессов, то переводные книги Фонда Берната Медже обогатили каталонский язык. Появление книг латинских, греческих и еврейских классиков положительно повлияло на каталонскую литературу, которая достигла весьма высокого уровня в ту эпоху».



*Γὰ τὸ ἐπιπέδον ἀπόφασις «Ἀπὸ Ἐπιτηρείε Γαδριτικῆ Διαπολιτικῆς Νῆαυονῆτι ὁ Νῆρσο» ἀ
Ἀεαῖετοῦ ἀεὶ ἐπιποδαίτε ἐεὸ ἀδαοῦδι. 1938 ἡἷ*

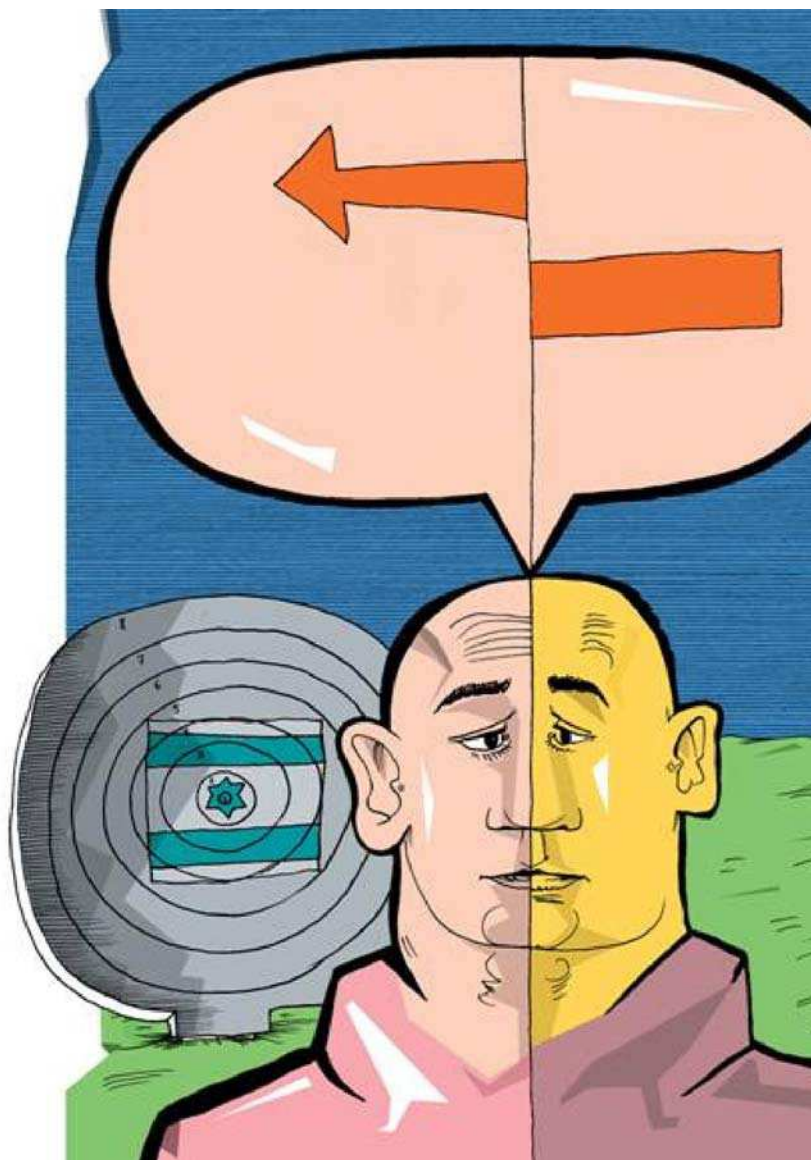
Действительно, очевидна же связь между возможностью читать классиков и созданием своей национальной литературы. А также между музеями — и ростом самосознания граждан. Франческ Камбо не только издал огромное количество книг — он собрал великолепную коллекцию живописи (Боттичелли, Рубенс, Тьеполо и пр.) и передал ее в барселонские музеи. Исповедуя правые взгляды, в гражданской войне он поддерживал мятежников (в том числе и материально), потому что, как и многие его современники, видел в Народном фронте явственную коммунистическую угрозу. Знал бы он, что плод его книгоиздательской деятельности будет вручен советским писателям от имени республиканского правительства и всего испанского народа. И следующий вираж сюжета: Камбо прожил до 1947 года и успел узнать, что поддержанный им Франко, точнее, один из его генералов назвал Каталонию «раковой опухолью на теле Испании», а после победы франкистов о каталонской независимости речи вообще не шло, как и о развитии каталонского языка и литературы. А ведь этого пронизательного политика мог бы насторожить инцидент эпохи другой испанской диктатуры — Примо де Риверы (1923—1929), когда будущему переводчику Авраама бар Хии не дали заведовать кафедрой гебраистики в Барселоне, потому что он представил на конкурс работу на каталонском языке.

История издания томов из коллекции Фонда Берната Медже, их странного путешествия в Москву 1937 года и дальнейшей рецепции еще совсем не изучена. Я не очень удивлюсь, если мы вдруг узнаем, что тома эти все же побывали в руках отечественных гебраистов и внесли свою лепту в развитие российской иудаики.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ:

«ГРАНИЦ 1967 ГОДА НА САМОМ ДЕЛЕ НЕТ»

Беседу ведет Михаил Эдельштейн



МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН «Фатх» и «Хамас» помирились и собираются создать правительство национального единства, на повестке дня — провозглашение палестинского государства...

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ Надеюсь, оно пойдет тем же путем, что и Бен-Ладен. Возможно, его не утопят в Аравийском море, но общее направление движения будет таким же...

«Хамас» и «Фатх» слились в объятиях, причем никакого Израиля «Хамас» признавать не намерен. А Абу Мазен будет представлять в ООН, радостно повторяя: «У нас демократия, поэтому наличествуют разные точки зрения». То есть деньги мы у вас берем, но воевать на уничтожение не перестаем. Хотите — заключим перемирие.

МЭ Для чего это объединение нужно «Фатх», ведь их съедят?

ЕС Абу Мазен старенький. Он зачистил политическое пространство, команды у него нет, не мог он ее создать. Вот Арафат на сдержках и противовесах, на уничтожении тех, кто не хотел быть под ним, на стравливании многих и многих (не случайно у него было 12 мухабаратов, 12 спецслужб) держал систему. А Абу Мазен на это не способен, он прекрасный министр иностранных дел при Арафате, но не более. И получилась грустная ситуация: с Саламом Файядом отношения у него не просто отвратительные, а запредельно отвратительные; Саиб Арикат изгнан из всех процессов с криками о коррупции (понятно, что в ситуации, когда вокруг одна сплошная коррупция, это обвинение используется против тех, кого нужно «зачистить»); молодой и опасный для Абу Мазена уже самим фактом своей молодости любимец Арафата из сектора Газа Мухаммед Дахлан пытался совершить переворот в «Фатх» и теперь сидит в Иордании; Джибриль Раджуб окопался в своем родном Иерихоне и амбиции его за пределы города не распространяются... Кто наследники, кому сдавать дела? Вот он их и сдает «Хамас».

Плюс к этому Египет, который при Мубараке был опорой Абу Мазена, перестал быть таковой: глава высшего совета Вооруженных сил Египта маршал Тантауи развернулся лицом к «Хамас». Сектор Газа деблокирован с египетской стороны, вези хоть оружие, хоть консервы, иранские корабли гуляют туда-сюда по Суэцкому каналу, отношения Каира и Тегерана налаживаются, а кемп-дэвидская система, наоборот, рушится, и взорванный газопровод — это только первая ласточка. Правда, Синай окончательно перестал подчиняться кому бы то ни было — ну так Тантауи это не очень волнует, его задача взять власть в Каире.

Плюс подходит сентябрь, когда руководство Рамаллы собирается проводить в ООН авантюру с признанием палестинского государства в границах 1967 года. А для этого лучше выступать от лица единого палестинского народа.

«Хамас» при этом бодр. Особенно его взбадривают события в Сирии, потому что сирийский штаб движения может потерять не просто вспомоществование от дома Асадов, а вообще все. В случае падения нынешнего режима Сирии, скорее всего, расколется, и едва ли в разных ее частях к власти придут люди, симпатизирующие группировке Халеда Машаля — разве что в Алеппо, где сильно влияние суннитов. Известно, что было в Ираке после того, как там всерьез занялись палестинцами после свержения Хусейна: их вырезали, как нигде и никогда, разве что в Иордании в «черный сентябрь» 1970-го.

А ведь в Сирии палестинцы сидят в комфортабельных условиях. Это, конечно, не Иордания, где они получили гражданство, но лагеря палестинских беженцев в Сирии — это нормальные населенные пункты, а не те гетто, в которые превратили палестинские лагеря ливанцы. А кроме 400 тысяч палестинцев в Сирии сидят иракцы, их там от миллиона до полутора. У них нет ни статуса беженцев, ни программ ООН — только огромное желание перерезать тех, у кого все это есть.

В связи с этим «Хамас» надо закрыть тему гражданской войны или хотя бы приостановить, заморозить ее. Это тем более возможно, что главный враг «Хамаса» Дахлан, потерявший Газу и желавший мстить, как мы говорили, изгнан с Западного берега.

МЭ ООН признает Палестину в границах 1967 года?

ЕС ООН формировалась на основе Потсдамских и Ялтинских соглашений, но мир с тех пор изменился, идет его полная перекройка. Однако до сих пор ООН как бы международный арбитр, так что почему бы Абу Мазену не разыграть эту карту?

Надо заметить, что границ 1967 года на самом деле нет. «Зеленая черта» — это симпатичный термин, не имеющий к границе ни малейшего отношения. Это линия родосского перемирия 1949 года. То есть воевали, остановились на некоторой линии, а потом война продолжилась, и эта линия передвинулась. При чем тут будущие границы палестинского государства?

С тем же успехом можно вспомнить конференцию в Сан-Ремо, которая говорила про еврейский национальный очаг в границах, включающих современную Иорданию. А ведь ООН является правопреемницей Лиги Наций, так отчего бы не выполнить ее решение?

Палестинское государство, если оно возникнет, будет стоять на очень зыбких основаниях. Есть территории Башана — Голаны, Заиорданье, есть Синай и Южная Сирия, включая пригороды Дамаска, — на которые существуют купчие — кушаны — турецких времен, гарантирующие право Еврейского земельного фонда и, следовательно, еврейского государства на огромные площади, куда большие, скажем, чем весь Западный берег. Более того, есть иорданские, сирийские карты, например, Гуш-Эциона, где четко показано,

какие участки принадлежат арабским племенам и кланам, а какие — тому же земельному фонду. Вот документы, о которых надо говорить.

МЭ Почему тогда это не является официальной ежедневно озвучиваемой позицией еврейского государства?

ЕС Потому что еврейское государство демонстрирует позицию не сиониста, а галутного еврея, который боится, как бы чего не вышло. Даже когда с перепугу оно громит своих врагов, то все равно боится предъявить и жестко отстаивать свои права. Похоже, что кроме Либермана в действующем правительстве нет людей, которые готовы хотя бы просто говорить об этом.

МЭ Разве речь Нетаньяху в конгрессе не свидетельствует об обратном?

ЕС Нетаньяху не сказал ничего сверхъестественного, не объявил об аннексии территорий или о роспуске палестинской администрации. Он всего лишь не позволил нарушить статус кво. Но и это уже не мало.



Израиль приперт к стенке. Рушащийся режим Асада пытается спровоцировать пограничный конфликт, в Иордании и парламентарии, и огромная часть населения требуют разорвать мирный договор с Израилем. В этой ситуации Израиль просто не может позволить себе дальнейших игр в мирный процесс.

Проблема в том, что Израилю до смерти хочется избавиться от своих арабов, а также от арабского населения Палестины. Ну не хочет Израиль быть «оккупирующим» государством. Это глупость и предательство — предательство не только национальных интересов, но и тех десятков тысяч арабов, которые бежали из Палестины именно потому, что хотели мирно жить с Израилем. Они были брошены на произвол судьбы в первую интифаду, отданы террористам Арафата в ходе Соглашений Осло. Мои друзья-поселенцы рассказывали, как уничтожались старосты арабских деревень, потомственные мухтары, кланы которых держали эту территорию для турок, для англичан и которые готовы были держать ее для евреев; как шли многочасовые бои; как были вынуждены бежать те, у кого есть родственники в Израиле, — а в старые времена наиболее прозорливые юноши из этих семей женились на еврейках, их дети получали израильское гражданство и перетаскивали родственников в Израиль.

Добавим к этому тотальную дехристианизацию Палестинской автономии (я уж не говорю про Газу). Сегодня в Рамалле христиан максимум процентов 15, а от христианского Вифлеема остался клочок Бейт-Джалы. А при израильянах это были устойчивые анклав с христианским населением. Даже на территории Израиля растут исламизм и арабский национализм, и вот уже все три арабские партии проходят в кнессет под антиизраильскими лозунгами.

Причина в том, что не ведется работа по превращению арабов Израиля и палестинцев в лояльных граждан. А ведь это вполне реально, если учесть, из кого состоят жители Западного берега: бывшие греки и курды, французы и итальянцы, бывшие евреи и самаритяне, грузины и туркмены. Весь этот винегрет, который называется арабами Палестины, не составляет единого этноса и единого социума даже в пределах отдельно взятых деревень. Это группы, представители которых не женятся друг на друге. В

деревне Уджа под Иерихоном половину населения составляют бывшие рабы из Судана, а вторую — бывшие рабовладельцы. И экс-суданцы до сих пор, получая зарплату, отдают часть ее бывшим хозяевам. О какой солидарности тут можно говорить?

МЭ А как эти рабы оказались в Палестине?

ЕС Османская империя была нормальным рабовладельческим обществом. Что с того, что армия была вооружена пулеметами, а в Стамбуле и Смирне были современные магазины парфюмерии? Палестинских суданцев освободили англичане в 1920-х годах. В Саудовской Аравии работорговля просуществовала до 1960-х. А, скажем, в Мавритании и Судане патриархальное рабство существует и до сего дня...

Еще перед Осло, в начале 1990-х годов, у израильских левых партий — я уж не говорю о правых — существовали вполне толковые планы, как весь этот народ интегрировать после присоединения Западного берега. Реальность-то совсем другая, чем международная мифология по поводу палестинского государства. Поэтому оно и не склеивается, не срастается. Для него нет материала, потому что, оставив всех этих людей один на один друг с другом, не получаем ничего, кроме гражданской войны, — что и продемонстрировал уход из Газы и Южного Ливана.

На самом деле это гордиев узел, его надо рубить, его нельзя развязать. Увы, существует мифологема, что можно избавиться от головной боли, просто воткнув в какую-нибудь кочку флажок и сказав: «Это Палестина». В результате проблемы накапливаются. Но взять на себя смелость перейти Рубикон не способен никто.

МЭ Что значит в данном случае перейти Рубикон?

ЕС Нужно силой решить проблему Газы: оттуда в сторону Израиля ничего лететь не должно. Нужно отключать Газу от воды, канализации, электричества и всего остального и подключать к Египту. Либо Египет присоединяет ее к себе в рамках договора по Синаю, либо эта территория становится такой же серой зоной, как сегодняшнее Сомали. Западный берег в условиях надвигающегося развала Иордании и Сирии можно только присоединить, ничего другого не остается. Дальше надо проводить перепись населения и начинать работать с теми, кто там живет. Те, кто готов существовать в общем пространстве с Израилем, могут оставаться, тем, кто не готов, придется уехать.

Проблема в том, что подобные вещи надо делать быстро и комплексно, а Израиль так себя вести разучился. В израильской элите влиятельные позиции занимают люди вроде Амоса Оза, посылающего свои книжки с автографами в тюрьму террористу Баргути — представляю, как тот веселится, когда их получает. (Самое смешное здесь, что Баргути — старый талмудический род; в отличие от предков Оза, про предков Баргути в Талмуде написано.)

МЭ Если строительство любого поселения вызывает волну негодования, то не приведет ли реализация изложенного вами плана к окончательной изоляции Израиля в международном сообществе?

ЕС Международное сообщество — это кучка много ворующих бюрократов и много болтающих квазиинтеллектуалов. Это несколько тысяч журналистов, политиков, «экспертов», которые зарабатывают на различных международных аферах: на «пандемиях» свиного, куриного и прочих гриппов, на глобальном потеплении, на озоновых дырах и так далее. Палестинское государство — точно такая же финансово-политическая афера. Ну так будет одной аферой меньше.

МЭ Но жить в условиях санкций, наверное, не очень весело.

ЕС Ни на кого и никогда санкции не оказали ни малейшего влияния. Исключение — ЮАР, которая развалилась как серьезная военно-политическая сила только потому, что ее руководство хотело быть «в клубе»: играть в бридж, гольф и прочие крокеты на международных турнирах...

МЭ А как быть с демографией? Разве аннексия не влечет за собой автоматического предоставления гражданства всем проживающим на территориях?

ЕС Это бред, который мы должны оставить политкорректной Европе. Когда Америка откусила половину Мексики — что, все мексиканцы получили гражданство и право голоса?

МЭ Так будет ли осенью провозглашено палестинское государство?

ЕС Вполне возможно, что его действительно провозгласят, и по этому поводу в ООН будет произнесено много речей. Ну и что? Понимаете, это как с человеком, который вечером в районе, полном шпаны, от страха крадется по тихим углам, — его непременно побьют. Не тронут только того, с кем связываться — себе дороже. Нужно, чтобы чиновники ООН поняли, что они персонально будут терять от попыток делегитимации Израиля. Надо, чтобы люди осознали, что все ими украденное станет известно, что все скелеты из их шкафов будут извлечены. Это единственное, что понимают бюрократы, — страх за свои карьеры и за личное благосостояние. Те, кто создавал Израиль, умели работать с бюрократами, поэтому во время голосования в ООН взятки были розданы немало. В результате проголосовали так, как проголосовали. Это не вопрос, хорошо или плохо, это вопрос, на карте вы или вас там нет.

МЭ Как быстро признают палестинское государство, если флаг в кочку все-таки воткнут?

ЕС Думать надо не об этом, а о том, каков механизм интеграции по израильским правилам. Не по правилам международного сообщества — его дело сторона. Сегодня есть историческая возможность сделать так, чтобы никакой кочки, куда можно воткнуть флаг, вообще не осталось. А заморачиваться на тему того, будут ли над Газой объявлять бесполетную зону, бессмысленно. Пример Каддафи показал, что смелый отбивается даже в условиях прямой интервенции, что тот, кто готов воевать, — воюет.

МЭ Станет ли Обама сдержаннее в своих попытках давления на Израиль после того, как его заявление о необходимости возвращения Израиля к границам 1967 года встретило негативную реакцию значительной части американской элиты?

ЕС Обама принципиален и последователен в своем отрицательном отношении к еврейскому государству. Его позиция по Израилю — это по сути саудовская позиция, позиция консервативной части арабского мира. Не случайно Абу Мазен сказал, что Обама загнал ситуацию на высокое дерево, сам спрыгнул, а его оставил, убрав лестницу. Ведь теперь никто из арабских лидеров не может потребовать от Израиля меньше, чем потребовал американский президент.

Сейчас Обама будет мстить — мелко и по-крупному. Уже объявлено, что американское посольство еще полгода пробудет в Тель-Авиве и не переедет в Иерусалим, поставлены под вопрос поставки Израилю 35-х «Фантомов». На «восьмерке» лишь благодаря твердости канадского премьера не прошло предложение Обамы потребовать от Израиля поделить Иерусалим с палестинцами и отступить к границам 1967 года. Единственная возможность в этой ситуации — торпедировать все инициативы президента и его администрации через конгресс.

МЭ А если посмотреть на дело с другой стороны: что плохого во всем этом для Израиля? Ну, сегодня существует автономия, завтра ее назовут государством...

ЕС Послезавтра Израиль будет уничтожен, потому что это государство не возникнет рядом с Израилем — оно возникнет вместо него. Образование государства — это экстерриториальность, вывод израильской армии, взятие территории под контроль международными силами, которые, как известно по Южному Ливану, являются крышей для террористов, взаимодействие с «Братьями-мусульманами», создание системных блоков давления — например, по водной проблеме. Общий план прост: создать невыносимые условия, при которых истеблишмент дезорганизован и только отбивается, армия, при всей своей мощи, не может ее применить, потому что нет политического решения, террористические атаки изматывают, но не так масштабны, чтобы дать повод для решительного ответного удара. Параллельно на международном уровне следуют бойкоты, обвинения в апартеиде и расизме. Йерида многократно превышает алию, на этом фоне на первый план выходит демографический фактор, который, естественно, за арабов... Просто надо понять, что здесь нет Давида и Голиафа, а есть раковая опухоль, которая пускает метастазы. И размеры этой опухоли совершенно не важны — она вас уничтожит вне зависимости от того, насколько вы молоды, крепки и здоровы внешне.

КАПЕЛЛАН ВЫХОДИТ НА РАБОТУ

Беседу ведет Владимир Шляхтерман

Полагаю, не многие встречались с таким понятием, как военный раввинат. Спешу успокоить насторожившихся: ни о какой военной подготовке, или — не дай Б-г! — создании боевых дружин речь не идет.



Главный военный раввин России Аарон Гуревич трубит в шофар у входа в походную синагогу военного раввината

Начать беседу с главным военным раввином России Аароном Гуревичем я хотел бы с вопроса: давно ли в России появился военный раввинат?

אַבְדִּי אֹבָאֵךְ:

Отсчет истории военных раввинов в России обычно ведется с 1827 года. Тогда, в начале царствования Николая I, было принято специальное Постановление о военной службе евреев. А в армейском Уставе появился параграф, где указывалось: если евреев больше 300 человек, для них может быть определен раввин с жалованьем от казны. В Уставе Красной, а затем и Советской армии такого пункта уже не было. Несколько лет назад началось восстановление военного раввината в современной армии России.

אַעֲלֵי עַבְדְּךָ אֵל:

В вооруженных силах других государств существуют подобные службы?

אֵל:

Давно. В европейских странах, в США, ну и, конечно, в Израиле. Мы знакомимся с опытом такой работы во Франции, в Голландии, Польше, Бельгии. Замечу: в каждой стране есть свои особенности, нам более всего подходит европейская модель. Разумеется, учитывая российские условия.

АЮ:

Вы не упомянули Германию, Китай. Случайно?

АМ:

В Германии по закону евреи могут не служить в бундесвере. Добровольцев, видимо, там совсем немного. А в КНР, Северной Корее единственные воспитатели — коммунисты.

АЮ:

Вернемся в Россию. Вы возглавляете военный раввинат. У вас есть помощники в Москве, свои люди в частях, на кораблях? Вообще, есть ли необходимость в такой службе, много ли верующих среди военных?

АМ:

Сначала отвечу на последний вопрос. По данным Минобороны, 63% военнослужащих — верующие. Почти две трети армии. Согласитесь, это много. Последние годы идет только рост числа верующих. В Федерации еврейских общин России создан специальный отдел, у которого длинное название: Отдел по взаимодействию с Вооруженными силами, правоохрнительными учреждениями и МЧС. Правоохрнительные органы — МВД, ФСИН России. В обиходе нас называют просто: Военный отдел. Звучит угрожающе, но мы очень мирные люди. И работа с военнослужащими-евреями — только часть нашей деятельности. Второе направление — взаимодействие с правоохрнительными органами. А третья — опека заключенных и подследственных. Наше внимание сосредоточено на сотрудниках этих учреждений, их семьях, а также на семьях военных, служащих подразделений правоохрнительных органов, заключенных, подследственных.

АЮ:

Армии мы немного коснулись. Но есть еще вопросы. Кто работает в частях?

АМ:

Специалисты по работе с верующими. Простоты ради мы зовем их капелланами: от латинского capella — «часовня». Капеллан — важная фигура, от его умения, такта, подготовленности многое зависит. Не секрет, что верующие, бывает, сталкиваются с недопониманием со стороны командиров и даже их заместителей по воспитательной работе. Вот тут роль капеллана велика.

ВШ Кто решает, сколько капелланов должно быть?

АМ:

Командование. Оно и будет платить им жалованье. В 2011 году планируется ввести 240 таких должностей в армии и на флоте.

АЮ:

И командиры подбирают эти кадры?

АМ:

Тут действует другая система. Я рекомендую определенных лиц, которых утверждает командование.

АЮ:

Но оно может и не согласиться с вашим выбором?

АА:

Может. Тогда я подбираю других.

АО:

Интересно, кого вы рекомендуете? Вот меня, например, можете?

АА:

Вас — нет, вам, судя по орденским планкам, много лет. Есть определенные требования к кандидатам в капелланы. Это должен быть гражданин России с образованием не ниже среднего; он не должен иметь двойного гражданства, судимости; иметь не менее пяти лет опыта работы в еврейской общине. Предпочтение отдаю тем, кто служил в армии или работал с военнослужащими.

АО:

Обязательно офицер?

АА:

Нет, но капеллан — офицерская должность, и в соединениях соответствует званию майора.

АО:

Когда вы подбираете кандидатуры, советуется с еврейскими общинами?

АА:

Обязательно, местные раввины хорошо знают своих людей.

АО:

В Министерстве обороны есть Главное управление воспитательной работы, Управление по работе с верующими. Могут ли их начальники приказать вам что-либо сделать?

АА:

Приказать — нет. Но если порекомендуют что-то полезное, то грех не воспользоваться интересным предложением. При Министерстве обороны создан Общественный совет, в который входят и руководители военных служб основных конфессий: православные христиане, иудеи, мусульмане, буддисты. Мусульманская и буддистская не очень активны, а с РПЦ мы весьма плодотворно сотрудничаем, обмениваемся опытом.

ВШ:

Есть, так сказать, общероссийский Общественный совет. А на местах?

АГ:

Как известно, в вооруженных силах проходит реформа. Созданы четыре военных округа. В бригадах станут работать капелланы.

АО:

Может, стоит иметь и старшего капеллана?

АА:

Время покажет, нужно ли такое звено.

АО:

Мы уяснили организационную структуру. А каково содержание?

АА:

Если коротко, то главная цель военного раввината в армии — духовное, нравственное, моральное наполнение конституционных обязанностей гражданина России защищать свое Отечество, военно-патриотическое воспитание. Евреи — военнослужащие, работники правоохранительных органов, их семьи — нуждаются в таком социальном институте, который будет беспокоиться не только о воспитании, но и об отстаивании их прав.

АО:

Как это выглядит на практике?

АА:

Наиболее эффективно индивидуальное общение капеллана с верующим. Это также обеспечение молитвенными принадлежностями, содействие в предоставлении краткосрочных отпусков на время главных иудейских праздников, обеспечение религиозной литературой, в том числе бесплатной подпиской на периодическую печать. Это и материальная поддержка родителей солдат-срочников, особенно тех, у кого неполные семьи, инвалидов, пенсионеров.

АО:

Вам самому приходилось это видеть?

АА:

Да. Вот я был на крупномасштабных учениях в Оренбурге. Развертывались тыловые службы — медики, ремонтники, клубы. Появилась и палатка с надписью «синагога». Развернулась походная церковь. Правда, мечети и буддистского храма я не заметил. Может быть, они были в другом месте. Капеллан попросил командиров найти время, чтобы несколько человек сумели побывать в синагоге. Так и сделали. Беседы были душевными и откровенными. Один из солдат был обеспокоен тем, что от родителей давно нет вестей. Тут же связались с местной общиной, на следующее утро имели информацию: дома все в порядке, произошло небольшое недоразумение. Еще один заметил, что его сослуживец неодобрительно отозвался об участии евреев в Великой Отечественной войне. А возразить он не мог — фактов не знал. Его сразу «вооружили» официальными данными: воевало примерно 450 тысяч евреев, погибло около 140 тысяч — почти треть. На 100 тысяч населения — а именно такова статистика — воинов-евреев, награжденных орденами и медалями, больше, чем русских, украинцев, белорусов. А среди Героев Советского Союза евреи вторые, после русских. В списке генералов и адмиралов 402 еврея, многие командовали крупными соединениями. А двое — Владимир Колпакчи и Яков Крейзер — были, можно сказать, без пяти минут маршалами, имели звания генералов армии, командовали округами.

АО:

На одном снимке с тех учений я видел вас в военной форме, но знаков различия не разглядел. Какое у вас звание?

АА:

Отвечу вопросом: в каком звании министр обороны России? (Смеемся оба.) Я был в военной форме, но без погон, у меня нет звания. Сейчас и в центральном аппарате Минобороны, и на местах трудится много гражданских. Мы работаем и с ними.

АО:

Предполагается ли создание национальных частей?

АА:

Думаю, евреев это не коснется. В стране нет регионов их компактного проживания. Правда, в крупных гарнизонах могут появиться небольшие подразделения, укомплектованные лицами одной национальности.

АО:

Вот такой повседневный вопрос: я верующий, мне нужна кошерная пища. Как быть?

АА:

Даже если таких солдат-срочников, скажем, в батальоне несколько, для них готовить специальную еду не будут. Но можно договориться об этом с местной общиной. И второй путь — позаботиться о продовольственных наборах длительного хранения.

АО:

Сегодня шабат, а командир взвода назначил меня в наряд. Выполнять приказ?

АА:

Безусловно. Но капеллан может переговорить с командиром о каком-то послаблении, возможности выполнить эту работу в другое время.

АО:

Капеллан, как правило, гражданское лицо. Но вдруг случился вооруженный конфликт, как это было, например, в Южной Осетии. Капеллан находился в роте, когда начался бой. Он должен взять автомат и лечь в цепь или сказать: ребята, вы тут не оплошайте, а я гражданский?..

АА:

Таких случаев благодаря Б-гу не было. Но если случится подобное, его долг — взяться за оружие.

АО:

Стало быть, его надо научить владеть им.

АА:

Конечно. На сборах учат и этому.

АО:

Перейдем ко второму направлению деятельности военного раввината в правоохранительных органах.

АА:

К сожалению, о практической работе могу рассказать немного. В основном это консультативная деятельность, кое-что помогаем скоординировать, готовим мониторинги, изучаем

ситуацию с антисемитизмом, принимаем меры: пишем обращения в соответствующие органы и прочее. В МВД проходит большая реформа, и там сейчас не до нас. Но Общественный совет при министре создан, я вхожу в одну из его комиссий.

АЮ:

Тогда расскажите о третьем направлении — ФСИН.

АА:

При ее директоре тоже есть Общественный совет, я его член. Совет — работающий орган, и это почувствовали как сотрудники многих лагерей, так и заключенные, находящиеся там.

АЮ:

Познакомьте нас с некоторыми проблемами, которые решает Совет.

АА:

Перечисление обсуждаемых вопросов займет много времени и места в журнале. Лучше познакомлю читателей с любопытным исследованием об отношении осужденных к религии. В пенитенциарных учреждениях России регулярно проводятся специальные переписи. Так вот, последняя такая акция показала, что среди осужденных почти 70% — православные, мусульман 5,5%, буддистов — 0,5%, евреев — 0,2%. Неверующих — чуть больше четверти всех осужденных.

АЮ:

Существует мнение, что заключенные более активно, что ли, приобщаются к религии.

АА:

Есть такая статистика. Десять лет назад 63,2% осужденных, то есть почти две трети, относили себя к неверующим. Сейчас число атеистов сократилось в 2,5 раза, составило лишь 25,6%, то есть четверть. Правда, нет данных, сколько человек стали верующими, находясь за решеткой.

АЮ:

Заключенные имеют возможность совершать молитвенные обряды?

АА:

В исправительных учреждениях есть три синагоги для верующих евреев: две в Архангельской области и одна в Красноярском крае. Мало.

АЮ:

Расскажите, пожалуйста, об основных направлениях вашей работы с эзками.

АА:

Мы, к слову, этот термин не употребляем. Но если перечислять, то это комплектация библиотек, в каждом московском изоляторе есть, например, Тора, псалмы, книги на иврите с параллельным переводом. Если же в колонии евреев больше десяти, то создается община, помогаем организовать посещение заключенных раввином для совершения обрядов либо просим председателя общины навеститься и поддержать. Осуществляется также оказание юридической помощи «сидельцам» и их семьям. Моральная поддержка имеет огромное значение. Мой коллега из Русской православной церкви поделился со мной интересным наблюдением: в воинских частях, где работали священники, не было ни одного случая

самоубийства. Думаю, это относится и к учреждениям ФСИН. Наряду с моральной поддержкой большое значение имеет и материальная.

АЮ:

Человек вышел из тюрьмы. Он уже не ваш? Кстати, сколько таких?

АА:

По нашим подсчетам, ежегодно 30–40 человек. И они, пожалуй, больше всего нуждаются в нашей опеке. Статистика показывает, что две трети освободившихся не имеют документов, жилья, у них распались семьи. Такие не могут устроиться на работу, им негде и не на что жить. В результате появляется страшная цифра: почти половина бывших заключенных берется за старое. Вот почему наш отдел занимается разработкой механизма взаимодействия с освободившимися. Это позволит помочь таким людям быстрее адаптироваться к жизни на свободе. В противном случае все наши предыдущие усилия по побуждению к раскаянию в содеянном окажутся напрасными.

АЮ:

Интересно, кто в этой деятельности, так сказать, зачинщик — вы или бывший заключенный?

АА:

По-разному. Часто совместная работа начинается с письма. Почта нашего отдела — 40–80 писем ежемесячно. Каждый отправитель получает от нас обстоятельный ответ. В зависимости от ситуации завязывается переписка, в которую, случается, вовлекаются общины, предприниматели, правоохранительные органы, местные власти.

ПО ПУТИ ИЗ ИЕРУСАЛИМА В СДОМ

Àéàèñáí àð Èèè-ááñèéé



В шуме ливня — звук многих имен, ропот и неистовство гибнущего хора, и вряд ли нечто рукотворное сравнимо с громом по чрезвычайности и доходчивости, с какими он сообщает человеческому уху, что есть еще на свете явления природы, которые никогда не станут подвластны разумным силам.

Ливень в равной степени может стать благословением или бедствием, а в январе 1991 года затяжные дожди над Святой землей стали и тем и другим одновременно. В Реховоте, расположенном на склоне холма, вода затопляла нижние улицы и путешествие в булочную оборачивалось переходом вброд бурлящего мутного потока, забивавшего сточные люки, в воронках которых плясали бутылки и другой плавучий мусор.

Гром и молния отзываются в атавистическом уголке нервной системы, сотни тысячелетий отвечающем за выброс адреналина в кровь при рыке саблезубого тигра, появлении змеи или представителя враждебного племени. А если сюда добавить еще вой сработавшей автомобильной сигнализации, тонуший в реве тоже не сдержавшейся противозвушной сирены, то светопреставление — самый невинный эпитет для описания того, что происходило по вечерам в Реховоте в том далеком январе. Привыкшие экономить на громоотводах израильтяне, для которых грозы — явление невиданное, впоследствии ужесточили требования техники безопасности. Мой знакомый, работавший на бензозаправке, на которой коротал я те залитые ливнями дни, показал мне выщербленную в асфальте, куда, притянутая железом кессонов, прошлой ночью ударила молния. Поговаривали, что такая аномальная зима — следствие прошлогодней «Бури в пустыне»: мол, военные действия в Ираке не могли пройти бесследно для природы ближневосточного региона. Помню день, когда в Тель-Авиве пошел снег: люди выходили из офисов, кафе и магазинчиков с изумленными лицами, чтобы посмотреть, как на ладонях тают снежинки.

Та зима была мрачноватой и тягостной, и завершилась она только в апреле, когда после нескольких ясных дней на страну навалился песочным брюхом хамсин. Тогда я на себе испытал напасть невольного обезвоживания (едва не откинул лапти) и научился никогда без бутылки с водой не выходить за порог. Хамсин завершился ливнем, обрушившимся из насыщенных рыжей пылью пустыни туч, и зонты прохожих и одежда попавших под дождь — все было в грязевых потеках.

После дождевой коды хамсина на протекавшем потолке моей мансарды окончательно сформировался косматый портрет Эйнштейна, и следующий день был посвящен купанию в море. пляж располагался где-то поблизости от Ришон-ле-Циона; близ него виднелись сторожевые вышки и полоса отчуждения морской базы, а у берега торчал вверх кормой ржавый, разбитый штормами корпус корабля, некогда выброшенного бурей на мель; на борту его я впервые в жизни увидел граффити: «Moby Dick», и это произвело на меня впечатление куда большее, чем работы Уорхолла.

В апреле мой товарищ — биолог, исследовавший механизм работы клеточных мембран, предложил мне пешком пройти вдоль берега Мертвого моря. Он имел опыт путешествия автостопом из Москвы в Крым и надеялся применить его в новых условиях.

Мы оказались на окраине Иерусалима уже после полудня и, поглядывая в сторону скученных домов восточной части, двинулись по обочине дороги, углублявшейся в пепельные холмы. Они шли ковром по направлению к неведомому пока Бат-Яму, куда — на дно самой глубокой на планете земной впадины — нам еще предстояло спуститься. В этом пологом и затяжном спуске было что-то загадочное. Нисходя в долину, мы предвосхищаем в воображении ее селения, сады, поля и реки. Спуск чаще всего ведет в места более обитаемые, чем взгорье. Если это не так, если спуск из мест обитаемых приводит в пустынную местность — это выглядит таинственным. «Земля Санникова», «Божественная комедия», «Орфей и Эвридика» основаны именно на тревожном предвосхищении удивительных мест, которые откроются путешественнику на самом дне.

Водители машин — в основном это были такси-«мерседесы» с зелеными табличками номеров и арабской вязью на них — неизменно притормаживали рядом, приглашая подвезти или чтобы просто поглазеть на потенциальных жертв интифады. Идя по обочине, мы готовы были, заслышав звук приближающегося автомобиля, поднять большой палец вверх, но машины с белыми израильскими номерами не попадались вовсе.

Наконец мы остановились у автобусной остановки и присоединились к толпившимся военным. Поодаль стояли несколько привыкших к остановившемуся времени пустыни стариков-бедуинов, похожих в своих платках на верстовые столбы. Попутки мы дожидались больше часа, поскольку водители справедливо отдавали предпочтение тоже голосовавшим солдатам. Время это мы скоротали, общаясь с бедуинским осликом — обладателем самой упругой и нежной гривы в мире. К Мертвому морю мы мчались с бешеной скоростью по зараставшей сумерками дороге. Мы спускались в незримое все быстрее и глубже, посредиavorаживавших своей схожестью с каменным штормящим морем холмов Иудейской пустыни. От резкого перепада высот все сильнее закладывало уши.

...Тьма наступила мгновенно, и в совершенных потемках мы сошли на обочину очередного перекрестка. Присутствие моря ощущалось только по запаху — этому таинственному благоуханию большого количества соленой воды. Древнейший запах моря, царивший, еще когда земля была «безвидна и пуста», — освежающе тревожный запах, связанный с ощущением себя на краю мира, на пороге неизвестности, — аромат, которым долгие годы дышали Одиссей, Тезей, аргонавты.

Память запахов чрезвычайно укоренена в мозгу, потому что записывается в область с очень высокой плотностью нейронных связей. Из вкуса пирожного «Мадлен» Марсель Пруст извлек великий роман, размером во Вселенную. Запахи способны вынуть из памяти огромные пласты реальности. Ароматы полны метафизического содержания. Благовониям отводится важнейшая ритуальная роль. Есть архетипические запахи: ладан, смирна, запах озона после грозы... Растения, произрастающие близ Хар а-Баит — Храмовой горы, возможно, использовались в храмовом хозяйстве или богослужениях, и их терпкие, крепко запоминающиеся запахи добавляют к воссозданию в воображении Храма не меньше, чем материальные объекты памяти. Накануне поездки к Мертвому морю я бродил под Хар а-Баит, растирая в пальцах низкорослые, цветущие мелкими филигранными цветками растения, и представлял себе, как из их благоухания передо мной подымается прозрачный Храм...

Пасмурная беззвездная ночь над долиной Иордана пахла доисторическим временем. Нащупывая край обочины подошвами, мы неуверенно зашагали на юг, жадно впитывая ноздрями воздух, предвещавший близость цели.

Вдруг далеко впереди небо прорезал луч. Он осветил узкий кусок земли и качнулся в нашу сторону, выхватывая побежавшие врассыпную лоскутья ослепленной земли, камышей, водной глади и противоположного берега. Первая мысль была о встрече с НЛО, и это вполне соответствовало загадочности нашего спуска, однако вскоре мы разговорились не с инопланетянами, а с израильскими пограничниками. Они взяли с нас клятву немедленно убраться с дороги. Ночевали мы в Кумране и проснулись утром в полной уверенности, что за ночь наши тела преодолели границу реальности. С обрыва открылась полетная панорама северной части Мертвого моря и нависшей над ним Иордании. Вряд ли на земле еще есть место, передающее столь пронзительно восприятие мистичности только языком ландшафта. У философа Валерия Подороги есть рассуждение о том, что созерцание ландшафта близко к созерцанию текста. Подобно тому как мы просматриваем строчки и погружаемся в литературную реальность, мы всматриваемся в ландшафт,

обозрение которого порождает в сознании соотношенность реальности с картой, с ее сакральностью, обусловленной тем, что карта — прообраз взгляда Всевышнего на поверхность земли.

Ландшафт прочитывается. Кругом не склоны, камни, уступы, овраги, а буквы. Взгляд в книгу вполне сопоставим со взглядом на ландшафт. Чем отличаются книги, казалось бы, идентичных ландшафтов Восточного Крыма и Центральной Калифорнии? И что человек прочитывает, бродя по страницам Иудейской пустыни?

В Эйн-Геди мы окунулись в море и после едва отмылись от его рапы под ржавыми подсолнухами пляжных душ. Под окном одноэтажного постоянного двора раскачивался и приплясывал человек в полосатом халате с сидуром в руке. На берегу стоял десяток-другой палаток, из которых выбирались проснувшиеся пациенты этого бальнеологического курорта. Выбравшись на свет Б-жий, они спускались понемногу в блестящую стальную водную гладь, и все это вместе напоминало известную картину А. Иванова, распахнувшую в моем детстве стену Третьяковки в долину Иордана.

...Конечным пунктом нашего путешествия стал Сдом, и там, на стоянке, мне приснился сон, в котором я шел по дну Мертвого моря и наткнулся на руины Аморы.

ПОЗА — ОТ ЖИЦКОГО, «КНИЖОНКИ» — ОТ «ЭКСМО»

На четыре вопроса отвечают: Андрей Василевский, Борис Пастернак, Борис Куприянов, Евгений Попов

Накануне лета наше читательско-издательское сообщество в очередной раз «качнуло». Художник Стас Жицкий заявил в соцсети, что не намерен читать новые романы Улицкой, Рубиной, Пелевина. «Возможно, моя поза, — пишет он, — по нынешним циничным временам выглядит нелепо, но я физически не могу наслаждаться литературами разной степени прекрасности, зная, что под той же издательской маркой выходят и другие книжонки». По Жицкому, «книжонки» — это профашистский и антисемитский набор, пропагандирующий массовое насилие над людьми. Хотя почему только по Жицкому? Разве Рейнхард Гейдрих ходит в друзьях у евреев, а у фашизма обнаружили оборотную сторону?! Почему же «топовые писатели», соседствующие с серией «Сталинист», столь вяло отреагировали на горячку «читательской единицы», переросшую в возмущенное коллективное письмо издательству «Эксмо»?

ÈÏ ÆÏ ÀВ Ì Î ÂÑÒÈÀ ÄÏВ

ÄÏ ÄÐÄÈ ÄÑÈÈÄÑÈÈÈÈ

ÏÏÏ, èèðäðòòòÏúè èèèèèè, ææäÏúè äääèèòÏð æèèÏäèä «Ï ÏäÏè ï èè»



ÄÒÄÏ ÄÑÈÈ Ì ÄÏ ÄÄÏÄ:

Одиозные книги издательств «Эксмо» и «Яуза» в какой-то степени помогают изжить «сталинщину»?

ÄÏ ÄÐÄÈ ÄÑÈÈÄÑÈÈÈÈ

Сразу скажу, что я сторонник свободных исторических дискуссий, которые, на мой взгляд, не следует переносить в правовое поле, как-то юридически ограничивать. И я весьма критически отношусь к закону о противодействии «экстремизму» и не менее критически к пресловутой 282-й статье. Нынешние же дискуссии по поводу книжного ассортимента издательства «Эксмо» представляются мне надуманными, искусственными. «Как есть — перенос и компенсация: есть куча проблем вполне интеллектуального характера, но они не будут затронуты, а сопутствующие чувства будут отыграны на специальной площадке... — пишет Андрей Левкин на сайте OPENSOURCE. — Так что Сталин в этой истории просто кукла специального назначения, в обращении с которой физлицо уточняет свою идентичность. Ну, на свете происходит черт знает сколько всего разного, причем уже совершенно незапихиваемого в четкие области добра или зла. А презумпция обязательности такой оценки существует». Думаю, что борьба со «сталинизмом» в 2011 (!) году — это ложная повестка дня. Хотя не буду отрицать, спорить о сталинизме (реальном и мифическом) психологически и интеллектуально комфортнее, чем о проблемах настоящего и будущего.

АИ:

Вы исследуете текущий литературный процесс и наверняка помните недавнюю историю с учебником Вдовина и Барсенкова. И вот теперь новый книжный скандал практически на ту же тему, только в главных фигурантах на сей раз одно из крупнейших издательств страны. Не задайтесь вопросом: а может, наверху нужна эта черносотенская, профашистская литература?

АА:

История с тем учебным пособием (не учебником, тут есть нюанс) не имеет ничего общего с нынешней дискуссией. Там было другое. А сейчас и никакого «скандала» нет. И «сталинизм» не всегда понятно что. Как не устают объяснять профессор МГИМО Валерий Соловей: «Те, кто называет Сталина великим государственным деятелем, самой популярной исторической фигурой, вовсе не разделяют его методов управления. Они не хотят повторения репрессий, жестокости и той малоприятной жизни, которую советское общество вело в 1930-х годах. Для них одобрение Сталина — это символический и культурный протест против либерализма, но вовсе не приверженность сталинским практикам». Ну а быть либералом невозможно вменить в обязанность. И хорошо, что невозможно.

АИ:

Книгу «Берия — лучший менеджер XX века» переиздавали за три года восемь раз. Наверное, можно сказать: какой народ — такие и книги?

АА:

У меня нет инсайдерской информации, я не знаю, насколько выгодно издавать такого рода литературу. Ну уж не убыточно. Тем более, если я верно понимаю, в конкурентной борьбе бывает важно застолбить за собой какие-то участки, покрыть тематическое поле. Наши книжные бизнес-гиганты работают на различные, не вполне пересекающиеся или вообще не пересекающиеся группы читателей/покупателей. Одни покупают Улицкую и/или Пелевина, другие — серию «Сталинист», третьи — что-то третье, четвертые ничего не покупают. При этом и те и другие — граждане одной страны, имеющие (по крайней мере, теоретически) равные права. Кстати, человек, покупающий книгу из серии «Сталинист», не обязательно сталинист. Спросят: а зачем покупает? А он не обязан давать отчет. А зачем издают? А покупают.

АИ:

Считаете ли вы позицию Стаса Жицкого — объявить бойкот «Эксмо» — экстремальной?

АА:

Стас Жицкий безусловно имеет полное право читать или не читать, покупать или не покупать, призывать или не призывать. Ничего экстремального тут нет. Просто позиция Стаса Жицкого никого ни к чему не обязывает. Собственно до всей этой шумихи я ничего не знал о Стасе Жицком. Конечно, это большое упущение. Я сейчас посмотрел в «Снобе», пишут, что он «извлял 19-метровый мужской детородный орган». Интересный человек. Вот прочитал и перечитал эту небольшую запись в его блоге. И вижу, что он ею решает одну простую задачу: позиционировать себя как человека, тонко чувствующего «этические диссонансы», в отличие от Дины Рубиной, Людмилы Улицкой и других топовых авторов издательства и в отличие от многих и многих читателей, покупающих книги «Эксмо». Просто он им/нам всем говорит: а я лучше вас. Ну-ну. А коллективное письмо в издательство — там другое. «Разумеется, речь не идет о призыве запретить издание подобных книг», — пишут уважаемые люди издателью. Издатель отвечает: да, мы тоже против цензуры. То есть, словами Станислава Львовского, «обе стороны в этой ситуации делают то, что должны делать в нормальном обществе. Бизнес думает исключительно о прибылях. Активисты гражданского общества отстаивают общественное благо, как они его понимают. Писатели пишут. Facebook дает площадку для дискуссий. Граждане на этой площадке дискутируют...». Мы еще живы.

ÀĚÀĀĪĪĀ, ×ÒĪĀŪĪĀ ĀŪĚĪ ĚĪĪŅĀĪŅŌŅĀ

ĀĪ ĐĚŅ Ī ĀŅŌĀĐĪ ĀĚ:

ĀĪĪ ĀĊĚŪŪ ŪĚ ĚĚĐĚĚŌŪĐ ĚġĀĊŌ ĚĚŪŪĚĪĪ ĀĪĪ Ā «ĀĊĪĪ Ŷ»



ĀĪ:

Комментируя ситуацию, директор издательства Олег Новиков отметил, что «считает себя обязанным соответствовать вкусам своих читателей, а не цензурировать их». Вы тоже считаете, что потрафлять/соответствовать вкусам читателей — издательская задача?

ĀĪ ĐĚŅ Ī Ī ŅŌĀĐĪ ĀĚ:

Олег Новиков подменяет понятия. Речь идет вовсе не о «цензурировании» вкусов, а о том, что нельзя сознательно искажать историческую правду ради увеличения продаж. Собственно, и ради всего остального тоже нельзя. А серия «Сталинист» и затеяна, как мне представляется, именно для оправдания преступной власти и преступных методов руководства страной. И никакая это не историческая литература, а самая что ни на есть пропагандистская. И ни о каких вкусах читателей речь при этом не идет — просто в головы (желательно пустые) засыпается весь этот токсичный мусор. Вероятно, издательство не боится последствий своей деятельности. А зря. Если бы ему удалось вырастить настоящих сталинистов и помочь привести их к власти, они бы ему мигом рот заткнули. Успокаивает одно: эти книги настолько бездарны, что и пропагандистской задачи, надеюсь, не решат.

ĀĪ:

Остановить «Эксмо» должны сверху или это дело сугубо корпоративное — собрались издатели и порешили?..

ĀĪ:

Мне кажется, останавливать издательство — это задача юридическая. Есть состав преступления — возбуждайте дело. Если останавливать «сверху», то тоже лучше через суд. Корпоративная солидарность дело хорошее, но я ее что-то не наблюдаю. Вообще, мне близка мысль социолога культуры Даниила Дондуря: наша политическая система не опасается никакой разногласицы мнений, главное, чтобы не был достигнут консенсус. А он не достигается даже по таким, казалось бы, очевидным поводам.

ĀĪ:

Активный блогер господин Жицкий полагает: «Не стоит драматизировать судьбы “бедных хороших писателей”. Их, хороших и не таких уж бедных, с руками оторвет любое другое издательство, не издающее простилинских гадостей». Вы готовы оторвать у «Эксмо», к примеру, Рубину с Улицкой?

АИ:

Отрывать точно не готов. Мне в принципе претит кампания, направленная на то, чтобы Улицкая, Рубина и другие уважаемые писатели покинули издательство в знак протеста. Мне кажется, это попытка манипулировать ими. Но я был бы рад, если бы эти писатели смогли изнутри повлиять на издательскую политику, — мне кажется, это им по силам.

АИ:

Создается впечатление, что Жицкий с некоторыми товарищами-блогерами затеяли всю эту историю не только по сути, но и для того, чтобы засветиться: уж слишком рационально выбрана дистанция.

АИ:

Не готов обсуждать скрытые мотивы инициаторов скандала. Мне достаточно мотивов очевидных. Я разделяю возмущение литературой такого рода. Я не понимаю, почему речь идет только об издательстве, почему эти книги спокойно стоят в ярмарочных экспозициях международных выставок, проводимых под эгидой Агентства по печати и массовым коммуникациям России. Сам был свидетелем сцены на Минской ярмарке, где на объединенном стенде российских издательств, по правую руку от министерского офиса, плотным строем стояли мракобесные книжки издательства «Алгоритм». Главный редактор одной из белорусских газет купил там «Основы научного антисемитизма» и подошел ко мне буквально с трясущимися руками: «Это продается под флагом Российской Федерации! Как это понимать?!» Хороший вопрос. И не к «Эксмо».

Ї АААІ ЕА «І ДААІ Е» ЕОЕУОДУ

АІ ДЕН ЕОІ ДЕРІ ІА

èçäàò äéü í óäèèòèñ, äèðäèòîð éí èæí íä i ääçèí à «Оäèáí òò äò»



АІ:

Много ли читателей покупает националистическую литературу? Хватает ли их для маленького гешефта?

Борис Куприянов Уже в начале 2000-х мы пытались создать дискуссионную площадку, предоставляя место всем книгам, за что нас критиковали даже «левые» друзья. Наше мнение: спорить должны идеи, а не кулаки. Если люди прочтут несколько книг, отражающих разные взгляды, им легче будет принять правильное решение. Есть места, специализирующиеся именно на экстремистской литературе. Но насколько это выгодно? В нашем формате книги продавать вообще не выгодно. Думаю, если у кого-то возникла идея торговать совсем уж националистической, фашистской литературой, он быстро обрстет своей клиентурой. Но такого рода позиция противоречит идее «Фаланстера»: книги должны вызывать диалог. Случается и на наших полках литература, которую можно назвать «правой». Есть и книги Чиано, Юнгера, Шмидта. Карл Шмидт часто цитируется сегодня «левыми» философами, и это несмотря на его активную деятельность: в Третьем рейхе Шмидт был правоведом и преподавателем, как и Хайдеггер. Теперь вот оказался полезным «левым» более, потому что уровень «правой» культуры, мысли в нашей стране чрезвычайно низок. Им такие книги не нужны.

АІ:

«Эксмо» выходит за рамки издательской политики страны? Гиганты «АСТ» и «Эксмо» можно назвать лицом власти?

АЕ:

Не готов сказать, что «Эксмо» и «АСТ» — лицо власти. Они, к несчастью, являются лицом нашего общества. Независимых маленьких издательств практически не осталось. А те, что еще держатся, влачат жалкое существование. Распространяют они свои книги плохо, иногда распространения просто нет. И не может быть, потому что нет конечных точек продаж. А у «Эксмо» и «АСТ» они есть, потому что эти издательства — сугубо коммерческие предприятия. И поэтому обвинять «Эксмо» в том, что они издают антисемитские книги, бессмысленно. Когда у Новикова спросили, что он думает по поводу серии «Сталинист», он ответил, что не очень в курсе. Думаю, что книги Улицкой, Рубиной, Пелевина для него также далеки, — как, впрочем, и книги по засолке огурцов. Если мы относимся к издательскому делу как к бизнесу, никаких моральных претензий у нас к нему быть не может. Но если мы хотим относиться к нему как к культурной миссии, то должны требовать, чтобы государство и общество разделяли нашу позицию. А государство практически умыло руки.

AI:

*Εὰν αὐτὸ ἴσχυρὸν αὐτὸ ὀφείλει ὁφείλει ἂν αὐτὸ ἀπαγορεύσει, εἰς ἐπιβεβαίωσιν ὁδὸν αὐτὴν εἰς ἐπιβεβαίωσιν
ἀπὸ ἰσχυρῶν αὐτὸ ἰσχυρῶν 282 ἢ ἄλλῃ;*

AE:

Любые запретительные меры не делают книгу недоступной, а, наоборот, подогревают к ней интерес. Такая книга, как «Майн кампф», сама по себе, без чей-либо помощи никогда не будет ни манифестом, ни знаменем. Что касается 282-й статьи, то я вообще отношусь к ней с предубеждением. Если человек предлагает одной группе людей «мочить в сортире» другую группу людей, он за это должен быть наказан? Тут дело не в разжигании национальной розни, а в призыве. Для того чтобы его пресечь, нужно определенное моральное состояние общества. Весь вопрос в образовании и просвещении, чем мы и занимаемся, как многие наши друзья и соратники по малому издательскому бизнесу.

AI:

Не есть ли ситуация с «Эксмо» классический «стук» наверх?

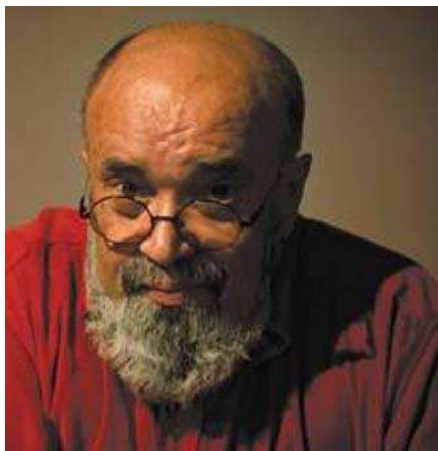
AE:

Надо не власть призывать обратить внимание и принять меры, а общество, которое пока еще не научилось относиться к Сталину сдержанно. Как и наши историки, общество должно учиться этому. Ностальгия по Сталину говорит о том, что сталинизм невозможен: у ситуации нет продолжения. Голосование же за Сталина есть протест против того, что происходит сегодня. И не нужно эмоционально подогревать ситуацию. Для меня, человека русского, православного, принадлежащего отечественной культуре, ситуация с антисемитизмом куда больнее: антисемитизм в России оскорбителен и унизителен для меня. Критика «Эксмо» во многом верна, но так ли следовало критиковать?

Î Ò È Ð Ù Ò Ò Ù Á Ì È Ñ Ù Ì Á

Á Á Á Á Í È È Í Í Í Á

Ì È Ñ Ò Ò Ù



Á Ì :

Вы один из тех деятелей культуры, кто 20 апреля подписал открытое письмо руководству издательства «Эксмо», опубликованное в интернет-газете «Частный корреспондент». «Эксмо» отвергло обвинения, ответив также в открытой форме: «Мы с уважением относимся к мнению тех, кто инициировал диалог, но считаем, что цензуре не может быть оправдания, какими бы благими ни казались ее цели». Но разве дело в цензуре?!.. Времени с той поры прошло немного, и все-таки что изменилось и могло ли измениться, если основные претензии предъявлены лишь издательскому гиганту?

Á Á Á Á È È Í Í Í Á

Я сознательно подписал это письмо, потому что это — моя страна, и я не хочу, чтобы в ней опять торжествовали Сталины-Берии-Троцкие-Бухарины и прочая коммунистическая сволочь, не говоря уже о полоумном вырожденке-антисемите Гитлере. С той поры времени действительно прошло немного, но «Эксмо», между прочим, вполне цивилизованно прореагировало на открытое письмо, объяснив свою позицию и с уважением отнесясь к позиции его авторов, обеспокоенных тем, что солидное издательство неведомо зачем и почему публикует такую некачественную, маргинальную и опасную для слабых умов чушь. Думаю, что наше письмо было полезно и издательству, и обществу. А эскалация скандала нужна лишь тем, кто пиарится на любом скандале.

Á Ì :

Прав ли был Владимир Набоков, поначалу не желавший издавать «Лолиту» у какого-то там сына Кагана, на том лишь основании, что в 1933 году Каган-отец в том же издательстве (правда, под другим названием) выпустил «Тропик рака» Генри Миллера? Или это тот самый снобизм во имя снобизма, то самое «Ё моЁ», частенько исповедуемое журналом «Сноб», активным блогером которого является господин Жицкий?

Á Ì :

С одной стороны, не прав, потому что Генри Миллер писатель не хуже Набокова, а «Лолита», в частности, явно слабее «Тропика рака». С другой — прав, потому что Генри Миллер чужд ему, равно как и такие разные Борис Пастернак, Эрнест Хемингуэй, Иван Бунин. Это всё вкусы. Набоков, видите ли, считал одной из лучших современных ему книг «12 стульев». Его дело. А про снобизм — странно было бы, чтоб его не культивировал журнал, который так себя и называет: «Сноб». Ну а кто этот господин Жицкий, я, к сожалению, не знаю. Поэтому мне не интересно, покупает он книги «Эксмо» или наоборот.

Á Ì :

В композиции с участием «топовых писателей» (как современно выразился господин Жицкий), наверное, должна была найти себе место и совершенно иная группа еще более разобщенных и уж совсем отдаленных от читателя людей? Я имею в виду тех чиновников, кто с рвением и страстью рулит сегодня книгоиздательским процессом.

АИ:

«Топовые писатели» — это из современной блевотной тусовочной терминологии. На таком языке я разговаривать не привык и обучаться этому, «задрать штаны», чтоб бежать за новым хунвэйбинским комсомолом от искусства, не намерен. К тому же нечестно переводить стрелки с тех, «кто рулит сегодня книгоиздательским процессом», на писателей Людмилу Улицкую, Дину Рубину и Виктора Пелевина, как бы я ни относился к сочинениям каждого из них.

АИ:

Считаете ли вы, что восхваление Гитлера, Сталина, Берии и других «блистательных менеджеров», пусть и исключительно ради денег, девальвирует подлинные ценности серьезной литературы и подрывает устои демократического общества?

АИ:

Восхваление этих трех мерзавцев должно наказываться законодательно. И пока у нас не запрещена уголовным кодексом коммунистическая идеология и символика, все это «восхваление» — сознательное или по дурости — будет процветать. «Эксмо» здесь ни при чем. Издательство существующих законов не нарушает. Законы нужно правильные принимать, а не соблазнять малых мира сего бредом «сильной руки», «вертикали власти» и «суверенной демократии». Подлинные ценности девальвировать невозможно, а подлинно демократического общества у нас до сих пор нет, равно как и устоев его.

Блогер Жицкий хотел придать своему переживанию монументальности, стегнув «Эксмо» белой перчаткой по износившемуся в битве за злато лицу. Однако дуэли не вышло. Весенний воздух, несмотря на усилия сознательных и несознательных граждан, оказался свеж, чист и безошибочно нем: никто ни в кого не пальнул. Просто чуточку поднялась температура. «Лечи подобное подобным»? Но кто из нас скажет, являются ли сегодняшние национал-патриотические тиражи «Эксмо» тем самым осторожным гомеопатическим средством?

РОМАН ТИМЕНЧИК:

«У МЕНЯ САМООЩУЩЕНИЕ ЛАТВИЙСКОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО ЕВРЕЯ»

Беседу ведет Михаил Эдельштейн

Существует популярный филологический анекдот-быль с без малого 20-летним стажем. Один исследователь 1967 года рождения, придя в Российский государственный архив литературы и искусства, обнаружил, что в листах использования заказанных им архивных дел стоит подпись Романа Давидовича Тименчика, помеченная тем самым 1967-м. Он рассказал об этом другу, на что тот отреагировал экспромтом: «Когда ты вылуплялся, птенчик, / В ЦГАЛИ уже сидел Тименчик». Мне кажется, эта история — самое емкое и точное представление сегодняшнего гостя нашей рубрики.



Ді і Аі Оєі Аі×єє. І дааа. 2010 аа

І ЄОАЄЄ ЯААЄҮОАЄІ:

Как вы решили заниматься тем, чем вы занимаетесь?

ДІ І АІ ОЄІ АІ×ЄЄ:

Я часто вспоминаю этот момент. В 1962 году, оканчивая школу, я собирался поступать во ВГИК на режиссерский. Главным толчком стали начавшиеся тогда публикации кусков из мемуаров и теоретических работ Эйзенштейна, а также первое знакомство с его фильмами, с фильмами Чаплина и прочим — довольно узким, надо сказать, — набором классики мирового кино, доступным в то время в киноклубах. Но незадолго до вступительных экзаменов вышло постановление, что абитуриенты некоторых вузов, в том числе ВГИКа, должны иметь два года производственного стажа, причем за таковой засчитывалось и обучение в другом вузе. И я решил поступить на иняз, подучить английский.

І Я:

Это было в Риге?

ВФ:

Да, я жил в Риге. Но, отправившись сдавать документы в университет, я встретил стайку молодых поэтов и любителей поэзии. И когда я спросил их, откуда они идут, то выяснилось, что они только что подали документы на русское отделение. И я пошел с ними и переписал заявление — к ужасу моих родителей, которые считали, что филология и вообще-то нехлебное дело, а русская подавно. Но я заверил их, что все равно это ненадолго, я проучусь здесь два года, а потом уйду во ВГИК.

Первый студенческий месяц ушел на колхоз, а потом нам объявили, что приедет лектор из ИМЛИ с курсом о современной поэзии. На лекции набилось очень много народу в надежде услышать о своих любимцах — Евтушенко, Вознесенском, Рождественском. Лектор с самого начала отвел вопросы по этой теме, сказав, что он сосредоточится только на истоках той поэзии, которую так любит молодежь, и будет рассказывать о символистах, акмеистах, футуристах и так далее. И начались лекции. Это был спектакль: лектор был театрален, интенсивно бородат, временами меланхолически задумчив, временами неистово агрессивен и скрыто саркастичен — все возможное богатство интонаций хорошо настоящей русской речи. Это был Андрей Донатович Сиявский. И когда я прослушал это двухнедельное чудо ораторского — и не просто ораторского, а даже и проповеднического — искусства, то подумал, что тоже хотел бы заниматься тем, чем занимается этот человек.

ИФ:

Вы сразу определились с темой?

ВФ:

Не совсем. В университете я посещал кружок очень хорошего пушкиниста Льва Сергеевича Сидякова, собирался заниматься пушкинской прозой (в итоге писал диплом по творчеству Антония Погорельского). Но одновременно с пушкинскими штудиями я и мои друзья уговорили молодого преподавателя Дмитрия Ивлева организовать кружок советской литературы, где мы занимались бы примерно тем, о чем рассказывал Сиявский. Ивлев охотно откликнулся и предложил выбрать темы докладов. Лазарь Флейшман взял Пастернака, Евгений Тоддес — Мандельштама, а мне по остаточному принципу достались женщины: Ахматова и Цветаева. Это была весна 1963 года, и с тех пор я так этим и занимаюсь.

ИФ:

Вы упомянули, что родители были не в восторге от вашего интереса к филологии. А кем они были по профессии?

ВФ:

Отец был инженер-механик, мать — домохозяйка, правда, с образованием медсестры. Кстати, одно из ее воспоминаний было, как в эвакуации в городе Молотовске Кировской области она слушала лекции Щербы на курсах медсестер. Так что первое имя филолога, услышанное мной в детстве, было Щерба.

ИФ:

Они были из Латвии?

РТ Да, папа в третьем поколении, мама во втором. И поэтому у меня — мне приходится это часто объяснять московским коллегам — самоощущение не российского человека, а латвийского русскоязычного еврея. По некоторым вопросам это, надо сказать, проводит грань между мной и моими собеседниками.

ИФ:

По каким вопросам?

ВД:

В основном по латышским делам, где я смотрю на многие спорные вещи скорее с латышской стороны.



Вдi ai Òèi ai ÷èé è Pðéé Ì èðàééîæ÷ Èîòì ai. 1970-á ãäü

Ì Ý:

Казалось бы, латвийский еврей, памятуя об опыте латвийско-еврейских отношений периода второй мировой и отчасти предшествующих лет, должен как раз проявлять здесь некоторую настороженность, некий врожденный скепсис, нет?

ВД:

Думаю, не больше, чем украинский еврей или польский или даже евреи из некоторых регионов России. Должен сказать, что в моей молодости казенного антисемитизма в Латвии было, пожалуй что, и меньше, чем в Москве. И кроме того — к сожалению, мне придется употребить эту скомпрометированную формулу, — у меня есть замечательные друзья среди латышской интеллигенции, которые преподали мне, в частности, урок толерантного отношения к иным культурам. Я очень горжусь дружбой с замечательным поэтом Улдисом Берзиньшем, блестящим знатоком иврита, переводчиком на латышский книг Иова и Ионы, Екклесиаста, Псалтири, Притчей, а также Корана и много чего еще.

Ì Ý:

Вы читаете по-латышски?

ВД:

Да. Я много лет проработал в рижском ТЮЗе, который состоял из двух трупп — латышской и русской. Кроме того, мне приходилось заниматься переводами латышской драматургии на русский язык.

Ì Ý:

Антисемитизма в Латвии 1960-х было меньше — а академических свобод, судя по вашему рассказу об университете, больше, чем в России?

ВД:

Не совсем так. Те заморозки, которые последовали за встречами руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией, может, с некоторым опозданием, но все-таки дошли до Риги, и в воздухе стали чувствоваться рецидивы того, что мы тогда называли сталинизмом. Но я и мои друзья довольно быстро нашли такое замечательное место, каким был Тартуский университет. Начиная с 1964 года мы ездили туда и на студенческие конференции, и просто слушать лекции Юрия Михайловича Лотмана и Зары Григорьевны Минц. У нас появилось множество друзей среди тамошних студентов, и мы проводили в Тарту очень много времени. У меня в Риге было что-то вроде свободного посещения, я в это время просто жил в Тарту.

И. Я.

А что, если смотреть из сегодня, было самым главным в том Тарту: теории Лотмана, общая несоветская атмосфера или личности этих людей?

В.О.

Теории были замечательны по своей энергичности, простоте, человечности и объяснительной силе. Мне и сейчас кажется, что классический структурализм из всех сменившихся на моей памяти методологических парадигм был самой убедительной и самой «рабочей». Но главное, конечно, были личности — самого Лотмана, его жены и всего отчасти подобравшегося к нему, отчасти подобранного им коллектива.

И. Я.

Вы можете пояснить фразу про «человечность» структурализма? Ведь существует, напротив, популярный штамп о его дегуманизирующей силе.

В.О.

Структурализм ставил во главу угла взгляд на литературный текст как бы на уровне человеческих глаз — не с высоты той или иной идеологии и не с позиции заискивания перед текстом. В нем была смелость говорить с текстом один на один, на равных. Иногда это могло казаться своеволием, но на самом деле в этом было глубокое уважение к тексту — не подозревать его в чем-то, не разоблачать его, не бояться, а понимать, что он тебе все сообщит, надо только отрешиться от предвзятости и подойти к нему с элементарным аналитическим инструментарием, каким мы пользуемся и в жизни. Вообще говоря, структурализм был перенесением житейского здравого смысла на разговор о литературе.

И. Я.

А как получилось, что именно из Тарту вышла — или, по крайней мере, через Тарту прошла — практически вся комментаторская плеяда ваших ровесников, хотя, казалось бы, то, чем вы занимаетесь, довольно далеко от центра интересов тартуских людей того времени?

В.О.

Ой нет, тут некоторое недоразумение. Лотман, конечно, был замечательным теоретиком, но мы его любили прежде всего как комментатора, публикатора, как человека, гнавшего своих учеников в архивы. Кстати, когда он встречал кого-то из молодых коллег в архиве, то всегда на бегу бросал несколько «руководящих указаний», на самом деле просто подбадривал. А подбадривание тогда в архивной работе было нужно, потому что глаза разбегались от обилия материала. Двадцатый век ведь практически весь был под спудом. И не из-за запретов — вообще, степень тогдашней недоступности архивных документов сильно преувеличивается, — а потому, что это было еще немодным.

И. Я.

В какой момент серебряновечные штудии стали модой, пусть субкультурной? Когда, например, стало модно заниматься Мандельштамом?

В.О.

Возникновение кружкового поветрия я бы датировал 1964–1965 годами, когда довольно широко пошли списки «Воронежских тетрадей», «Четвертой прозы», вообще всего неопубликованного Мандельштама. Увенчанием этого этапа был знаменитый вечер в МГУ весной 1965-го, где с чтением стихов Мандельштама выступал мой покойный друг Дима Борисов. И Эренбург в конце вечера заметил, что все выступали хорошо, но больше всех ему понравился студент, читавший стихи Мандельштама. Дима был одним из тех, кто в кружке, центрировавшемся вокруг Надежды Яковлевны, занимался мандельштамовскими штудиями: библиографическими, архивными. Чуть раньше, в начале 1960-х, этим же стал заниматься Саша Морозов, человек, беззаветно преданный Мандельштаму, — вплоть до небрежения

собственной жизнью. И круг первых мандельштамоведов как раз и сложился вокруг Саши и Димы. Туда входили несколько начинающих филологов, один из них даже не был студентом, потому что его упорно не принимали в МГУ. Это был Гриша Фрейдин, ныне вполне авторитетный американский филолог, автор одной из первых солидных монографий о Мандельштаме. В этот кружок входил и Юрий Фрейдин, врач-психиатр и знаток творчества Мандельштама, некоторые другие люди. Они проводили неформальные мандельштамовские семинары, читали новообнаруженные тексты, предпринимали попытки мозгового штурма, коллективного разбора, толкования темных мест. Потом обнаружилось, что тем же занимались в своих кружковых обсуждениях Дмитрий Михайлович Сегал и Юрий Иосифович Левин, и эти кружки на какой-то период объединились. Нельзя не упомянуть и Гарика Левинтона, который позже пострадал как распространитель самиздата — защиту его диссертации отменили буквально за пять минут до начала, уже был заказан банкет.



Ḑī àí Ōèì áí -èé (ṡṡááá) è Ááàèì Áíðèṡṡ à 1975 ṡṡ

В общем, где-то к началу 1970-х годов такое домашнее мандельштамоведение стало более или менее популярным занятием. Хотя, конечно, о популярности в данном случае мы можем говорить с той же поправкой, с какой говорим об известности в начале века Блока или Ахматовой, помня, что все это не шло ни в какое сравнение с известностью Надсона или Северянина.

Ī Ṳ:

Двадцать лет назад упомянутый вами Юрий Левин сделал знаменитое сообщение «Почему я не буду делать доклад о Мандельштаме», где постулировал, что для его поколения Мандельштам был «товарищем по несчастью», а в новой, постсоветской, ситуации экзистенциальная основа мандельштамовских штудий ушла и без нее прежние занятия потеряли смысл. Вам не бывает обидно, когда вы читаете бесконечное множество современных — весьма разноуровневых — работ о том же Мандельштаме, об Ахматовой, о Гумилеве?

ḐŌ:

Нет, у меня, пожалуй, такого чувства нет, отчасти как раз потому, что когда-то за нас всех это проговорил покойный Юра и нет нужды повторяться. Какая-то ироническая ухмылка «где вы были раньше?» появляется иногда, когда видишь, как о дорогих тебе авторах пишут тем же языком, которым раньше писали Б-Г знает о чем, — не помыв рук, так сказать. Но количество халтуры, верхоглядства, конъюнктурщины более или менее одинаково во все эпохи, тут нечему удивляться. Противно ли, что это пришло и на наш материал? Ну конечно, противно. Но непродуктивно на это тратить какие-то душевные силы.

Ī Ṳ:

Почему и как вы решили уехать? Ведь в начале 1990-х все как раз начало выходить на поверхность, можно было публиковаться, реализовывать многолетние наработки.

ḐŌ:

Во-первых, тогда в ходу была такая фраза — естественно, шутивно-застольная, но все-таки: «Мы свою историческую миссию выполнили, можно сушить весла». Во-вторых, Иерусалимский университет предложил мне участвовать в конкурсе на новосозданное целевое место для приезжего из

Советского Союза по специальности «русская филология». Я подал по принципу «кто же отказывается от участия в конкурсе». Если бы нужно было заполнять какую-нибудь анкету, я, по некоторой лени, возможно, и не стал бы участвовать, но от меня требовалось только послать образцы своих сочинений. В итоге я этот конкурс прошел. Кроме того, у меня были какие-то еще детские сантименты по отношению к Израилю. Моя тетька, сестра матери, по фамилии Блинчикова, уехавшая во второй половине 1930-х, была одним из основателей знаменитого кибуца Кфар-Блюм. Было и простое, может быть, несколько безответственное любопытство — посмотреть, как живет другая жизнь... Честно говоря, я вообще не видел в смене места жительства большой экзистенциальной проблемы. И мы уехали.

Перед этим я был в Израиле гостем — мне понравилось. И я не могу сказать, что за прошедшие двадцать лет я изменил свои впечатления от этой земли.

И.У.

Вам именно Иерусалим понравился или Израиль вообще?

В.О.

Иерусалим. Как и любой вечный город, он не похож на остальную страну.

Месяца через два после моего приезда в Израиль я поехал в Лондон на мандельштамовскую конференцию, которую фактически устроил Иосиф Бродский — добыл деньги, дал часть своих — именно для диалога западных и российских мандельштамоведов. И я, будучи бегло с ним знаком, задал ему, видимо, обычный со стороны израильтян вопрос, не собирается ли он в наши края. Он, как водилось за ним, сказал что-то такое кислое про страну, и я ему вполне искренне возразил, что это две разные вещи: вся страна и Иерусалим, а я его зазываю не столько в страну, сколько в Иерусалим.

И.У.

Но он не приехал.



Ἡ Ἐπιπέσι Ἀδῶναι ἰὰ ἰ αἰ ἰῶν οὐαὶ τῶν ἐπὶ ὁδοῦ οὐεῖ ἂ Ἐπὶ αἰτῆ 1991 ἰῶ

В.О.

Он не приехал, потому что относился к этому, как стало очевидно, с такой же ответственностью и страхом, как и к возвращению в Россию.

И. Я.

А те занятия «палестинским текстом» русской литературы, которые отразились во многих ваших статьях последних лет, в том числе печатавшихся в «Лехаиме», — это производственная необходимость или исследовательский интерес?

В.О.

Второе, конечно. Вскоре после приезда я начал собирать материал по этой теме, кое-что опубликовано, кое-что еще ждет своей публикации. За прошедшие годы ведь ситуация сильно изменилась — например, тогда был закрыт архив Пинхаса Рутенберга. И многое другое тогда было недоступно из того, что доступно сейчас. Сейчас этой темой занимается мой куда более энергичный коллега Володя Хазан, и то, что он разрабатывает, я стараюсь не дублировать.

И. Я.

То есть в вашем случае это был внутренний импульс, а не кафедральное задание?

В.О.

Нет-нет. Парадоксальным образом только сейчас эта тема стала получать официальную поддержку и признание. А когда мне в первые годы пребывания в Израиле предлагали подать на какой-то грант и я говорил: «Ну, дайте на исследование русской словесности в эпоху мандата», мне отвечали: «Нет, ну лучше что-нибудь из “обычной” русской литературы — скажем, Ахматова». Еще лучше, наверное, были бы Пушкин или Толстой. И только в последние годы этот подход — «что хорошего может быть из наших палестин?» — постепенно отступает. И если я создал некоторую моду на эту тему, то я этим горжусь.

И. Я.

Традиционный финальный вопрос: ваши творческие планы?

В.О.

Вы знаете, как я заметил, интервью — это такой речевой жанр, который подчиняется всем общим законам литературной эволюции. Например, одновременно по всем текстам данного жанра рябью проходит повторение одних и тех же клише — со стороны интервьюеров, само собой, но и со стороны отвечающих тоже. Так вот, в последнее время на этот вопрос принято отвечать, что лучший способ рассмешить Б-га — это рассказать ему о своих планах...

Планов заведомо больше, чем можно реализовать. Как всегда. Занимаюсь я, в частности, еврейской темой в русской поэзии XX века — еврейскими темами, если точнее, потому что речь идет о букете разнородных поводов для интереса к еврейскому. Последнее время занимаюсь итальянской темой в русских стихах. Занимаюсь по-прежнему биографией Ахматовой, немножко Мандельштама, немножко Гумилева, то есть последними поддающимися заполнению лакунами в истории акмеизма, потому что остальное — молчание, дальше начинается область догадок и интерпретаций. Ну, и еще две-три темы. История раннего русского кино, киномысли — я участвую сейчас в завершении проекта по сборанию текстов, относящихся к этому. История мотивов предметного мира русской поэзии — у меня были работы о трамвае, о телефоне, теперь будут о метро, о спичечных коробках, еще о некоторых штучках, попадающих в стихоряд.

И. Я.

В каком хронологическом порядке мы увидим это оформленным?

В.О.

Знаете, это уже не просто рассмешить Б-га, это какая-то интенсивная щекотка. Я боюсь загадывать. Для тех, кто, может быть, не знает: в этом мире, в мире публикационном в области филологии, в

наши дни столько неопределенного, хрупкого и необязательного, что никогда не знаешь, что состоится, что нет. Вот возжусь медленно со сборником своих статей в переработанном и, надеюсь, улучшенном виде.

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2011 ТАМУЗ 5771 – 7(231)

ОТ МЕРТВОГО К ЖИВОМУ

Adéai Eadéa

Так прислушивайся к уличному вою,

Возникающему сызнова и с детства.

Это к мертвому торопится живое,

Совершается немислимое бегство.

Иосиф Бродский

Сионизм является, пожалуй, единственной идеологией по конструированию нового человека, которая добилась успеха. Итальянский и немецкий фашизмы провалились; советский эксперимент — тоже. А сионистам удалось создать абсолютно новое государство в рекордные сроки и со всеми атрибутами нации: историей, социальными конфликтами, футбольными фанатами и общенациональным языком. Вот как раз язык и представляется мне самой главной сионистской авантюрой. Много лет я предпринимаю спорадические попытки выяснить: как это на иврите сначала не говорили, а потом вдруг раз — и заговорили?!

Сразу замечу, что на эту тему существует весьма обширная литература. И практически в любой книге вам весьма доходчиво объяснят, как было дело. Иврит никогда не умирал, и даже вавилонское пленение, сделавшее евреев арамейскоговорящими, не отняло у народа Книги его святой язык, на котором писались трактаты и стихи, и Мишна, и шульхан арухи, и каббала рава Лайтмана, а в средневековой Италии нельзя было стать врачом, не зная иврита, потому что все врачи были евреи и работы писались на иврите. Вам, скорее всего, расскажут, что в Гарварде инаугурационные речи было принято произносить на иврите. Ну и, разумеется, иврит являлся лингва франка для евреев всего мира: они на нем писали свои жидомасонские записочки, чтобы гои не поняли. Потом, в 1879 году, Элизер Бен-Йеуда опубликовал статью «Жгучий вопрос», призвав всех евреев говорить только на иврите. Забавно, что примерно в это же время доктор Заменгоф призвал всех людей говорить на придуманном лично им эсперанто. Ну а дальше в Палестине (и не только) появились разные учебные заведения, где преподавание велось на иврите, но для преподавателей он не был родным^[1]. Бен-Йеуда как бешеный придумывал недостающие слова вроде «помидор» или «брюссельская капуста». Народ спонтанно заимствовал из арабского, русского, немецкого, румынского и других, широко представленных в Палестине языков. Русское влияние, кстати, существенно облегчает нам жизнь в современном иврите, впитавшем много русского синтаксиса.



Ἀπὸ ἀσπείριπé ἰεᾶεᾶò: «0:é éᾶᾶèò — ᾡᾶᾶ ἱᾶᾶᾶ é ᾡᾶᾶ ἱᾶᾶᾶ ᾡᾶᾶᾶ!» 1930-á ᾡᾶᾶ

Но все эти факты мало помогают в ответе на вопрос, как иврит стал родным языком для первого поколения израильтян. Дело в том, что авторы книг по истории иврита намеренно или по невежеству не проводят различия между parole и langue. Эти термины ввел швейцарский лингвист де Соссюр. Он первым обратил внимание на то, что язык и речь — неравнозначны. Язык — это некоторая система, включающая вокабуляр, грамматику и все такое прочее, что ассоциируется у нас со школьным курсом родного или иностранного языка. Речь, кроме того, что она производится определенными органами и имеет звуковую, а не письменную природу, отличается от langue спонтанностью и музыкальностью. Носитель языка имеет способность говорить не задумываясь, то есть не конструируя фразу перед тем, как ее произнести. Что касается музыкальности, то попробуйте послушать какого-нибудь латиниста, и вы сразу поймете, чем живой parole отличается от мертвого parole'a. А можно послушать, как говорят на неродном языке эмигранты. Тоже все слышно.

Так вот, первые ивритские дети, то есть возвращенные на иврите, стали появляться в 1920-х годах. Это так называемое «поколение “Пальмаха”» (ударные бригады), которое пронесет на своих плечах всю тяжесть Войны за независимость.

Я приехал в Израиль в 1989 году. Разница между речью первого поколения, второго поколения и третьего, родившегося уже после войны, после 1948-го, была очевидной, и я очень скоро научился ее улавливать (так же, как и разные акценты).

Первое поколение говорило медленнее, со скрипучей фонетикой, правильными оборотами. Его представители либо изъяснялись в рамках по возможности ограниченного набора конструкций, либо, наоборот, увлеченно краснобайствовали, что иврит как раз позволял во всю ширь наработанной им многослойной литературы. У первого поколения начисто отсутствовал юмор как жанр. По сравнению с их актерами-комиками Тарапулька и Штепсель были «Монти Пайтоном».

Прежде чем перейти к описанию второго поколения, того, для которого иврит уже родной, я хотел бы сделать несколько замечаний, а вернее, дать несколько зарисовок, иллюстрирующих распространенность иврита в Палестине в 1920-х годах и позже.

Мой друг Эли Мизрахи, говоривший на пулеметном иврите, признался мне, что ему пришлось развить такую скорость речи, чтоб дедушка уже не догонял, чего он там несет.

1948 год. Иерусалим в осаде. Обшитый железными листами автобус прорывается в осажденный город. Арабы открывают огонь. «Арца поль!» («На пол!») — командует водитель. «Мэшист аф унс ун эр рэд эбрэиш!» («По нам стреляют, а он говорит на иврите!») — возмущается на идише какая-то старушка. Не будем делать из этой сцены далеко идущих выводов. Но будем иметь в виду, что «мама!» роженицы кричат на родном языке.

А в 1922 году, когда евреи потребовали, чтобы на мандаторной британской марке вместе с английской и арабской надписями была и ивритская, британские чиновники катались со смеху: «Зачем вам надпись на иврите, которого вы сами не знаете?»

В 1950-х годах на «Коль Исраэль» появилась еженедельная передача «Йоман а-шавуа» («Дневник недели»). Талантливые молодые журналисты брали интервью у тех, кто стоял у кормила страны. Бен-Гурион послушал, и ему не понравилось. Понятно почему: народ вдруг обнаружил, что его лидеры говорят на иврите коряво и куце, как татарский дворник по-русски.

Когда мне предложили писать для газеты «А-Арец» и я выразил сомнение в своей способности продуцировать тексты на пристойном иврите, мой приятель, журналист Арнон Регуляр, сказал: «Аркан, ты с ума сошел! В этой стране иврита не знает никто!» Сильное преувеличение, но только в Израиле театр с говорящими с акцентом актерами мог завоевать национальный успех («Гешпер»).

Второму поколению, с родным ивритом, было глубоко наплевать на возможности ивритского красноречия. Они говорили не напрягаясь. Большую часть фраз им просто не нужно было строить. Они не были косноязычными, просто им не нужно было ежесекундно доказывать, что иврит — живой язык. Музыка речи также изменилась, стала более слитной, певучей. Это все прекрасно слышно, если сравнивать. Поэтесса Рахель, читающая свои стихи, и песня группы «Эйфо а-йелед», поющая ее стихи, наводят меня на мысль о том, что поколения и в самом деле могут принимать эстафету, и в этом просматривается настоящий экзистенциализм — желание существования, его продолжения. Вот умирающая от чахотки поэтесса Рахель читает своим растресканным русским ивритом вполне неплохое попурри в духе Серебряного века. А вот ребята 1980-х делают из этого прекрасный рок с берущим за душу контентом. Срослось!

Второе поколение изменило ивритскую речь, а с ней и язык так, что от языка Торы осталась только полезная лексика, а от грамматики осталось мало что. Неразумно и неправильно приравнивать еще не возрожденный иврит к языкам пиджин — он был суперкультурен и историчен, но все же не может не поражать тот факт, что изысканный, многопластовый и многосложный иврит претерпел процесс креолизации. Креолизация — это когда дети тех, кто говорил на пиджине, то есть использовал просто набор слов типа «моя лавка идти пиво», стали вносить в речь грамматические элементы, уточняющие и структурирующие ее.

Второе поколение ивритоговорящих произвело над речью обратную креолизацию: оно ее упростило. Коротко говоря, грамматика из синтетической стала более аналитической. Нет больше необходимости сообщать «Я тебя убью» в одном длинном слове.

И наконец, третье поколение, то есть те, кто родился после 1948 года, могло позволить себе по поводу языка уже не заморачиваться никак. Они были вторым поколением носителей, у них был не просто родной язык, но язык со своей живой историей; язык, обслуживающий все сферы жизни, обладающий всей мировой литературой в переводах и многочисленными социальными диалектами. И — что немаловажно — у него были армия и флот. И с тех пор он остается таким. То есть он меняется, разумеется, но generation gaps не превышают общемирового уровня. Сионизм победил! Израильский юмор, кстати, тоже [\[2\]](#).

Аналогию с этой теорией трех поколений я обнаружил в такой, казалось бы, далекой области, как аргентинское танго. Вот его периодизация.

1880–1900-е годы: различные музыкальные жанры сливаются в некий новый под названием «танго». Вместе с музыкой развивается танец с принципиально новой техникой ведения. Играют и танцуют пока что еще, по большей части, хреново. Шутка музыкантов тех лет: «Если мы кончаем одновременно, мы обнимаемся».



Āēy dāā, eōī mādaēy i adāīeēōūy ā Nāyōq çāī ēp: ō:āāī eē eādeōā āēy āāōāē, eçāāī i ūē ā Aōyī iñ Aēōāā ā 1942 āāō

1900–1920-е годы: появляются профессиональные музыканты. Они пишут произведения, которые уже никак нельзя назвать компилятивными. У танго вырабатывается своя неповторимая интонация. Техника танца уже может быть понята и объяснена.

1920–1940-е годы: золотой век танго, расцвет различных оркестров, фейерверк стилей, но все они укладываются в один и тот же безошибочный жанр — аргентинское танго. Искусство танца и музыки доводится до уровня, на котором находится по сей день^[3].

А может, действительно существует целый ряд социопроцессов, которые требуют для своего осуществления работы трех поколений? Во всяком случае, эта музыкальная аналогия видится мне очень живописной.

В рассказе о тех, кто так или иначе открывал рот на иврите в первой половине XX века, я пропустил важную группу людей. Это были простые люди, ни в какие языковые комитеты они не стремились. Сефарды по происхождению, они жили в Иерусалиме не одно поколение и говорили на иврите. У них просто не было вариантов: ни идиша, ни английского они не знали. Работали они грузчиками, разносчиками, мелкими торговцами. Этих людей было не много, иврит их был примитивным, но таки да — родным. Но и про этих, самых, казалось бы, интересных, людей я не нашел в литературе ничего существенного. А было бы интересно. С фантастической прозорливостью Владимир Жаботинский настоял на том, чтобы произношение возрожденного иврита было их, сефардским. Ясно почему: музыка была пока только у них, культурные ашкеназы скрипели как Железный Дровосек.

Но вернемся к тому первому, несчастному поколению, для которого иврит еще не родной. Они думали, очевидно, по большей части не на иврите. А на иврите им думалось тяжело (даже люди, долго прожившие в Израиле, предпочитают считать на родном языке). И тут невозможно не вспомнить раннего (или позднего?) Витгенштейна: «Границы моего сознания — это границы моего языка». Эта ложная максима очень долго служила в науке неприступной крепостью лингвократии. Кто красиво говорит, тот и умный. А вот если кто-то разговаривает плохо, то он, скорее всего, дурак^[4]. Это наивное убеждение не искоренено до сих пор, хотя существуют сотни записей болтливых гидроцефалов и с трудом произносящих слова здравомыслящих людей с пораженной зоной Брока.

И тут мы оказываемся в опасной близости к вопросу о соотношении языка и мышления. Последний трюк, произведенный учеными, разделяет между мыслекодом и языком. Довольно изящный эксперимент: попробуйте сесть и записать какую-нибудь мысль. Написанное не удовлетворит вас — это не то, что вы подумали. Но можно попытаться переформулировать так, чтобы написанное соответствовало мысли. Выходит, мыслекод — одно, а язык — другое. К сожалению, этот симпатичный эксперимент ни на йоту не приближает нас к пониманию процессов мышления и речи. И здесь я останавливаюсь: дальше запретная зона. В которую очень хочется проникнуть!

Еще один вопрос, для тех, кому не спится и думается о Витгенштейне: вот то, самое первое, поколение, орудовавшее на неродном языке, они были дебилами? Ну не дебилами, а так — дурачками немножко?

Попросим маэстро Воланда разоблачить нам свои опыты!

Ах, друзья, нет у меня никаких разоблачений. И я думаю, что еще очень далеко до того времени, когда мы узнаем, как же действительно связаны мышление и речь. Одно я могу утверждать с уверенностью: дети, живущие на родном языке, счастливее своих родителей, потому что они имеют возможность болтать, не думая.

[1]. *Здесь я не могу не вспомнить чудесную сцену урока иврита в фильме братьев Коэн «А Serious Man». А ведь это, кстати, уже 1950-е. Правда, в Америке.*

[2]. *Образцы израильского юмора я привел в опубликованном в майском номере «Лехаима» путеводителе.*

[3]. *Исключения составляют Пульезе и Пиаццола, совершившие новый прорыв в музыке танго. Что же касается танца, то место Ниево в мире аргентинского танго по-прежнему спорно, и здесь мы говорить о нем не станем.*

[4]. *Для Израиля это особенно неприлично, ибо его народ вывел из рабства и довел до государственности тяжелый заика.*

ФОРУМ

«*וְאֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ*» עַל «*אֵלֵינוּ יְהוָה*»

KING (P. E. I. 661), Forum.ru

В № 21–22 газеты «Новости разведки и контрразведки», во вкладыше, помещена обширная статья Геннадия Костырченко «Дело Михоэлса: новый взгляд», являющаяся ремейком его же статьи в еврейском журнале «Лехаим» (2003. № 10). Статья касается вопроса, фальсификацию которого мне пришлось вкратце расследовать в книге «Убийство Сталина и Берии». В своей статье Костырченко пишет, что «дискутирует» с другим фальсификатором дела Михоэлса — Жоресом Медведевым. На самом деле и Костырченко, и Медведев не дискутируют, а пытаются дискредитировать выводы моего расследования, о котором Костырченко все же вынужден сообщить читателям одним предложением: «Резко противоположного мнения придерживается разве что Ю.И. Мухин, редактор скандальной газеты “Дуэль” и автор опечатанного массовым тиражом “научно-исторического расследования” “Убийство Сталина и Берии”, в котором с легкостью необыкновенной объявляются фальшивками все документы, так или иначе опровергающие настоянные на примитивной юдофобии топорные домыслы этого историка-любителя о существовании некоего антисталинского “жидовского заговора”».

Уже эта фраза характеризует честность Костырченко. Уверен, читатель считает, что я в убийстве Сталина обвиняю евреев. И Костырченко специально построил фразу таким образом, чтобы читатель подумал именно это: он нагло извращает смысл моего исследования. Думаю, что в данном случае для «историков-профессионалов» страшны не мои версии — сейчас только ленивый не выдумывает версий нашей истории. Страшно то, что я предметно показываю изменение степени подлости наших «историков-профессионалов»: если в СССР они за «деревянные» рубли КПСС тенденциозно извращали исторические события, то теперь, за свободно конвертируемую валюту, фальсифицируют их, фабрикуя якобы «найденные в архивах» документы.

×ÈÒÀËË?

ÀÌÌÀ ÈÑÀËËÀÀ

ÀÀÑÌ ÈÀÒÌÌ, ÌÌ ÇÀ ÀÀÌ ÙÀË

2011.6

РЕГИНА КУЗНЕЦОВА, lechaim-journal.livejournal.com Я по профессии журналист и выпускала в 1990-х годах первую — и единственную тогда — «Медицинскую газету» на русском языке.

Об израильской медицине я знаю много всякого разного. Анна права на сто процентов практически во всех своих утверждениях. Помню, как когда-то в Союзе ходил анекдот про американского врача, сказавшего: «Такая медицина и у нас — бесплатная».

Думаю, этот бородатый анекдот о многом напомнит читателям. Не могу не высказаться и по поводу забастовки: стыд и позор нашим врачам!.. Как такое могло случиться у нас в Израиле?! Оставить людей без помощи?!

Похоже, у нас начинает действовать принцип: «Мы плохо лечим, зато хорошо спасаем». Но так ведь и спасать не хотят. Сколько знаю врачей — ни один из них пока не помер с голоду. Знающий — всегда при деле! А серая посредственность должна знать свое место.

×ÈÒÀÈÈ?

ÀÀÀÀÌ ÈÈ ÑÀÒÀÌ ÍÀÑÈÈÈ:

«YÒÌ ÁÑÁÁÌ ÈÈÇÛÂÛÈÁÐÀÌ ÍÁÇ ÑÒÛ×ÈÁ»

2011.6

БЕТА ЭДИ ОТА, yakov-krotov.livejournal.com

Журнал «Лехаим» дает серию материалов-откликов на гибель Бен-Ладена. К сожалению, в Израиле расцветает примитивная конспирология. Мол, «Аль-Каида» — это не один человек, это разветвленная сеть, всюду проникающая, всемогущая, эдакий арабский «Мосад».

Натурально, для борьбы с ним нужно всем сплотиться вокруг сионских мудрецов...

Не ценил я своего счастья — родиться в еврейской среде, где «тысячный еврей» обозначало глупого еврея. В Израиле, похоже, «тысячный еврей» — это как раз еврей умный, который и в Израиле-то не живет.

Задумался: действительно, не знаю ни одного израильского еврея, чем-то знаменитого в современной культуре. Американских евреев с ходу назову десяток. Любопытно, что не знаю и ни одного антисемита (современного), который обладал бы такими творческими достоинствами, что следовало читать его труды или смотреть его фильмы невзирая на его антисемитизм.

ПОДСКАЗКА БЯЛИКА

Â × ÂÎ ÂÎÏ ÐÎÑ?

Ñéí òéŸ Îçéé



Âáð òçáá Ñò áéí — ï áðáá ñ áððíð

В свое время у меня была теория еврейского языка. Я начала с того, что переименовала английский: назвала его «новым идишем». Поскольку английский — родной язык большинства живущих ныне евреев, он, рассуждала я, со временем должен стать почти универсальным языком еврейской диаспоры, примерно таким же, каким был до того, как ему нанесли смертельный удар картографы Lebensraum[1], старый идиш (а у средневековых сефардов — ладино). Я обрисовала некий круг литературных форм для нового идиша и в воображении наделила его богослужебным духом, который, однако, не шел бы вразрез с тем, что ныне принято называть постмодернистскими веяниями.

Еще раньше у меня возникли кое-какие соображения, безусловно, не слишком оригинальные, о создании литературы мидраша, или вымышленного комментария. Еврейская словесность, куда вносят вклад не только евреи (я упомянула Джордж Элиот и Томаса Манна), — это, полагала я, такая литература, которая отваживается вводить в сферу чистого вымысла элементы рассуждения и толкования. Литература, заявила я,

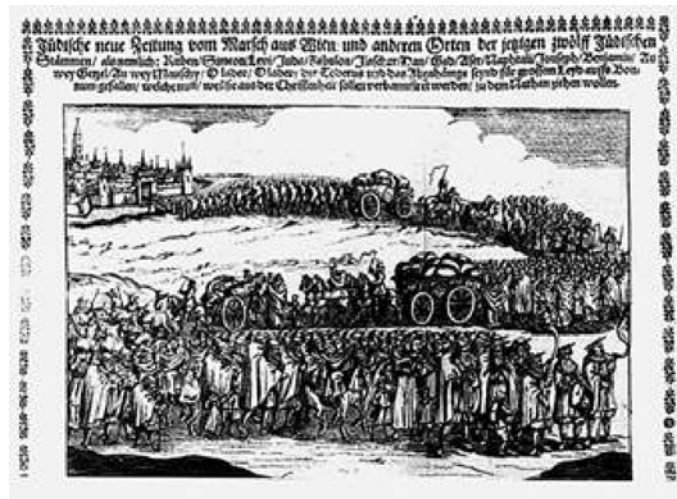
это не просто сущностный акт («Стихотворению надлежит не значить, / А быть»[2]), она должна быть наделена способностью исследовать свет и тьму. Повествованию надлежит не только быть, но и значить. В подкрепление этой мысли я процитировала Йеуду Галеви[3], сказавшего, что эллинизм — это «цветы без плодов», в отличие от еврейского духа, который рождает спелые плоды ответственности и оценки.

Кроме того, у меня имела теория по более частному и локальному поводу — относительно американско-еврейской литературы. Беллоу, Рог, Пейли[4], Маламуд, утверждала я в узком кругу, выжали из еврейского постиммиграционного опыта максимум возможного. Всякий, кто хочет двигаться по этому же пути, по пути психологических портретов и сопереживания, обречен на имитацию. Для новых авторов последствия эмиграции — исчерпанная тема, способная породить лишь художочное подражание или, что еще хуже, «чревовещательство», фальшь, ностальгическое сентиментальничанье, буафорский романтизм. Выход я видела в том, чтобы не погрязать в «этничности» (скверное, унижительное, сбивающее с толку словечко, взятое на вооружение социологами), а двигаться к материнскому лону Еврейской Идеи.

Для Еврейской Идеи, полагала я, характерны два важнейших признака. Первый из них — отказ от идолопоклонства, второй, вытекающий из первого, — проведение различий[5], понимание того, что выводы, касающиеся чего-то одного, нельзя переносить на что-то другое. Совместно эти два идеала, приняв форму жесткой необходимости, и сотворили еврейскую историю. Будущее еврейской литературы я видела в том, чтобы проникать в сущность еврейства — не в частном, не в локальном, не в социологическом, не в «этническом», а в принципиальном смысле — и извлекать из этого нечто содержательное. Быть евреем — значит опираться на нашу долгую историю, но не только; быть евреем — значит принадлежать к определенной цивилизации, выразившей себя через посредство необъятной культуры, которая, помимо ряда основополагающих понятий, обладает множеством текстов и социальных установок, разъясняющих эти понятия. По сравнению с основательностью, присущей этому состоянию — или этой возможности, — до чего же легковесны сочинения тех писателей «еврейского происхождения», чьи персонажи — бледные, вялые отзвуки того, что оказалось у автора под рукой: того или иного столкновения человеческих масс!

В последнее время я много думала о культурной судьбе этих писателей. То, что приходит мне сейчас в голову, до «теории» сильно не дотягивает; это лишь некая медитация, смутное размышление о последствиях еврейского Просвещения и на сопутствующую тему — об эмансипации евреев.

Гершом Шолом[6], проявляя удивительную интеллектуальную отвагу, показал, что Шабтай Цви[7], лжемессия XVII столетия, был предтечей и пылкого еврейского Просвещения, и реформистского иудаизма. Электризирующим стержнем, который сближает эти несхожие, казалось бы, нити мышления (иррациональное массовое заблуждение породило рациональный скептицизм!), послужило целенаправленное облегчение «ярма Закона», сознательное стремление Шабтая Цви разорвать цепь людской приверженности центральной корневой исторической системе еврейского самовыражения. Человек маниакально-депрессивного склада, лжемессия «вел себя странно», совершал, вдохновленный каббалой, небывалые религиозные обряды; и после того, говорит Шолом, как была выпестована свобода от еврейского мейнстрима, еврейское мышление получило возможность двигаться — и двинулось — по многим путям, до той поры немислимым. Многообразные течения XIX века, в которых евреи активно участвовали, в том числе социализм и секуляризм, были в определенной мере следствиями вулканических псевдотеологических событий XVII столетия. Шабтай Цви, надеявшийся с триумфом привести освобожденный еврейский народ обратно в Иерусалим, не ждавший ничего хорошего от Европы с ее стесненностью, с ее ненавистничеством, провозгласил свою собственную, готовую к употреблению мессианскую эмансипацию; правила, показал он, можно нарушать, общество и политика не всегда преграждают путь, ничто, что можно вообразить, нельзя считать нелепым. Уже само то, что он окончил дни в лоне ислама, который его вынудили принять, казалось вопиющей нелепостью; но к тому времени он уже успел показать жестко структурированному и скованному ограничениями сообществу: произойти может все, что угодно.



«Евреи отправляются в поход из Вены в Святую землю».

«Новый бюллетень» – сатирическое издание, комментирующее мессианское движение Шабтая Цви. Нюрнберг. 1666 год

Если Шабтай Цви, суливший евреям невероятные новые возможности, открыл им внутренний путь к освобождению (или сбил их с пути), то во внешнем мире дороги по-прежнему были преграждены. Лишь настоящая эмансипация предоставила евреям, склонным к поиску, более тонкий и гибкий выбор, чем переход в иную веру, и последствия выбора, появившегося в эпоху Просвещения, сотрясали с тех пор еврейскую жизнь постоянно. Правда, в XX веке Европа на дюжину катастрофических лет отменила как Просвещение, так и эмансипацию, дальнейшие последствия чего, возможно, не будут преодолены еще целое столетие. Или, взглянув на события по-другому, можно сказать, что Гитлер довел Просвещение до логического конца, поднял *liberté* на предельную романтическую высоту — туда, где никакая традиция, никакая преемственность не налагает пуг, не мешает вообразить что угодно и, следовательно, поступать как угодно. Заметим, что, согласно одной из интерпретаций, и сионизм как таковой — один из результатов еврейской эмансипации, ее поздний плод.

Но предмет моих размышлений — сам факт выбора. Эмансипация распахнула перед евреями дверь в сложный, изобильный и манящий мир иноверческой культуры. На поверхностный взгляд старинные ограничения были сняты и стало можно, согласно крылатой строке, быть «евреем в шатре своем и человеком, выходя наружу»^[8]. Однако сама эта формулировка разграничивает «еврея» и «человека», и еврей, таким образом, вопреки раввинской традиции рассматривается уже не как представитель рода человеческого, а как нечто находящееся вне его и даже ему противоположное. Получается ровно то же самое, что всегда заявляли провозвестники победоносного христианства. С еврейской же стороны принять эту формулировку уже означало отвергнуть еврейский путь, настаивающий на целостности личности. Отсюда — расхожее выражение: «Еврейские дела». «Это не просто еврейские дела, — можно сейчас услышать от наследников еврейского Просвещения. — Это всех должно интересовать». Как будто по умолчанию евреи исключаются из числа «всех». Как исключались в Средние века.

Так или иначе, все мы — постольку, поскольку живем в окружающем мире, — дети Просвещения. Это готовилось еще поколения назад, готовилось даже в замкнутых каморках восточноевропейских местечек, когда в них начали проникать веяния Хаскалы — еврейского Просвещения с его представлениями о литературе как источнике святости и об искусстве как источнике правды, замещающими идею Торы, дарованной на Синае. Для сефардов тремя столетиями раньше своего рода предвестьем Просвещения была двулика культура испанской эпохи с ее свободными переплетениями; в Италии евреи пережили нечто подобное в эпоху Возрождения. Однако «золотой век» в Испании и итальянский Ренессанс — периоды исключительные; это были, можно сказать, метеорные вспышки, яркие пятна, своенравные и непредсказуемые, в отличие от эпохи Просвещения с ее единственным и неизменным Великим принципом свободы. Все мы — наследники Великого принципа, и кому в первую очередь не пристало отвергать дары Просвещения — это нам, писателям, потому что свобода воображения, сладостная свобода изобретать иные, альтернативные жизни, которая служит подлинной пищей для поэтов, именно им, Просвещением, нам предложена, в противоположность традиционному шаблону неизменности.

Сейчас, через два столетия после эпохи Просвещения, наш выбор не в том, принимать или нет культурное освобождение и многообразие, — ведь Великий принцип, так или иначе, дан нам от рождения; наш выбор в том, соединять или нет эту свободу с синайским требованием особого самообуздания и ответственности, на котором настаивают раввины. Демократический и эгалитаристский Великий принцип, соблазнительный для приверженцев свободы и братства, провозглашал не единственность, а множественность, не соединение, а распространение вширь. Совершенно естественно, что Великий принцип XVIII столетия породил романтизм XIX века с его своеволием. Однако, зовя к иным ценностям, раввины никоим образом не выступали против воображения; бесконечно спорившие между собой мыслители, в которых воплотился раввинский путь, были скорее творцами, чем консерваторами, хоть и опасались прихотливых, чарующих альтернатив и ветвистых дорог, не обещавших достижения цели. Апеллируя к воображению, раввины призывали к тому, чтобы вообразить достижение цели. Возвращение домой, избавление от тягот, достижение цели, твердость намерений, идеализм, верное поведение, праведная решимость, благо сообщества. Короче говоря — мессианский порыв.

Очевидно, и Просвещение, хоть оно и отвернулось от христианства, сформировалось в инкубаторе иудеохристианского мессианизма. Но Свобода, Равенство и Братство имеют свойство уничтожать различия (отчасти непреднамеренно) — а в основе верного поведения может, напротив, лежать лишь настоятельная воля к тому, чтобы проводить различия. Раввинский путь — это отвергать размытость, отличать одно явление от другого, понимать, что дорога не означает достижения цели, желание — не деяние, проект — не проектировщик, человек — не Б-г. Кораблестроитель — вот подлинный корабль, сказал Эмерсон[9], уместив в одну фразу весь романтизм; но раввины не соглашались считать, что корабль есть, пока он не построен, — не из педантичного буквализма, а в силу духовной необходимости проводить основополагающие различия; иначе пропадает разграничение между творением и Творцом, что ведет к многочисленным разновидностям антиномианизма[10], от которого еврейский монотеизм, блюдя чистоту, характерным и единственным в своем роде образом отворачивает лицо.



Deo deum ue eero Naoad a Aaaa, aiiouai iie O.-I. Ayeeei mai aii i iie ma o aai E.-O. Baate eeei. I aaaa

1903 aa

Хаим-Нахман Бялик[11], великий деятель еврейского модернизма, сравнивая в работе на звание магистра Агаду с Алахой[12] — бесформенное со структурированным, мысленные странствия с мыслью о достижении цели, — замечает, что единственным оправданием литературного и иного творчества может служить чувство долга. Поразительный вывод. «Современной литературе на иврите, — писал Бялик в 1916 году, — в интеллектуальном плане <...> нечего сказать; она сообщается с жизнью лишь через узкую калитку сомнительного эстетизма». «Ценность Агады, — заявляет он, — в том, что она влечет за собой

Алаху. Агада, из которой не вытекает как следствие Алаха, бесполезна». Если мы остановимся тут и скажем, что Агада — это легенды и предания, а Алаха — это единомыслие и закон, или что Агада — это царство воображения, а Алаха — это суд долга, то следующее утверждение Бялика прозвучит ошеломляюще. И наоборот, пишет он: Алаха может иметь следствием Агаду. Сдерживающее начало порождает поэзию? «Не она ли, — теперь Бялик говорит о Субботе, — источник жизни и благочестия для всего народа, не она ли вдохновляет его певцов и поэтов?» Однако трактаты, где идет речь о Субботе, на сотнях страниц повествуют «о спорах и решениях по поводу мелких подробностей тридцати девяти запрещенных видов труда и их подвидов, по поводу границ, которых не следует нарушать, соблюдая Субботу. Из чего надлежит изготовлять субботние свечи, какой поклажей можно нагружать животное; как совместно установить пределы допустимого — вот обсуждаемые вопросы. Какое измождение плоти! Какая растрата проницательного ума на каждый крохотный пункт!» Измождение плоти — источник вдохновения? Растрата острого ума порождает восторг? Этих казуистов, рассуждающих о мелких подразделениях тридцати девяти видов работы, Бялик называет «подлинными художниками жизни, творящими в муках», и великий плод их труда, «муравьиного и исполинского одновременно», — «священная и возвышенная <...> Царственная Суббота <...> сияющая чудной красотой».

Все это показывает, что Бялик подходит к теме в постпросвещенческом духе. Его взгляд на алахических мыслителей окрашен секуляризмом, антропологизмом, двойственностью: эти раввины, то ли вопреки, то ли благодаря своей сосредоточенности на «крохотных пунктах», — «подлинные художники», их труд есть «творчество». Ни слова нет у Бялика о том, что Суббота явлена на Синае, что это дар Б-жий. Короче говоря, Бялик размышляет здесь как литератор-модернист и, кроме того, как человек, который, делая выбор, предоставленный Просвещением, стремится соединить светскую эстетическую культуру с еврейской чуткостью. Доевропейская, дохристианская Агада с ее молниеносной, подвижной отзывчивостью предвосхищает европейское христианское Просвещение, воплощая в себе идеал творческой свободы, но такой идеал, где больше человеческого сочувствия, нежели в любой чисто эллинистической традиции. Идеал Братства, к примеру, неизбежно несет в себе скорее гуманный, нежели эстетический заряд; греческая же демократия, надо помнить, хоть ей, возможно, и было присуще братство среди патрициев, не была гуманной, ибо держалась на хребтах рабов и варваров.

Таким образом, Просвещение, уравнивая евреев в правах с христианами и предоставив им гражданство, можно сказать, «иудеизировало» Европу. Во-первых, оно было пронизано взлелеянными в еврейской среде идеалами мессианизма. Во-вторых, эмансипация была гостеприимным, человеческим, сочувственным проявлением братства по отношению к реальным, живым евреям. Вместе с тем евреи, приняв эмансипацию (или, лучше сказать, пылко бросившись в ее объятия), согласились в известной мере деиудеизировать сами себя. Чтобы прочувствованно слушать Баха, необходимо в какой-то степени приглушить в себе неверие в Христа или, по крайней мере, недоверие к христианству — иначе сердце не откроется христианским воспарениям Баха. Соборы и все великолепие европейского искусства требовали от евреев некоторого самоотрицания. Но это самоотрицание перед лицом культуры большинства, ставшее платой за участие в ней, не так значительно по сравнению с ценой, которую подразумевала формула «будь евреем в шатре своем и человеком, выходя наружу». Из нее вытекала приватизация еврейского сознания, сужение его горизонта. В политических терминах платой за гражданство стала потеря корпоративного самоуправления, отказ от суверенных прав и привилегий внутренней автономии. Все это было конкретно и измеримо, все это было результатом сделки, увенчавшейся поразительным призывом Наполеона возродить Синедрин. Будучи создан, этот орган всецело отдал себя под контроль Наполеона и покончил с существованием евреев как самодостаточной, пусть и стесненной в иных отношениях, силы. С тех пор культурная сфера, в которой существовали евреи, начала уменьшаться: права гражданства ценились чрезвычайно высоко и были желанны, но в мыслительном и гуманистическом плане физическая и социальная стесненность гетто давала евреям больший простор, чем национальное гражданство, критически сузившее область их самоопределения. Еврейская интеллектуальная территория, где в прошлом умещалась изобильная, всеобъемлющая теория цивилизации, охватывающей весь спектр человеческой культуры, после эпохи Просвещения свелась к узким понятиям «религии», «вероисповедания». Просвещение и эмансипация, предложив евреям выход в широкий мир, сократили их творческое пространство.

Для некоторых это пространство уменьшилось и затмилось до такой степени, что просто перестало существовать. Эти евреи избрали для себя жизнь исключительно в границах Просвещения. Иные сделали такой выбор сразу после эмансипации, и их потомство уже два столетия не принадлежит к еврейству. Другие отпали от него позднее, кое-кто только сейчас начинает двигаться к радикальному отказу от еврейского наследия[13]. Но для всех евреев, где бы они ни обитали, представление о том, что значит быть евреем, изменилось коренным образом. Еврейская идея, первоначально означавшая цивилизацию в самом широком понимании, усохла до «изма». Иудаизм — всего-навсего вероисповедание (от которого в атмосфере почти всеобщего западного секуляризма не только легко, но и логично отпасть). Результат этой «кизмизации» и еще более примитивной, одномерной «этничности», в которую она вылилась в Америке, —

Что же это за «либо»? Какова альтернатива? Не забудем, что мы говорим о еврейских писателях и интеллектуалах. Лишь для крохотного меньшинства из них альтернативой стало не выходить из пределов того, что мы сейчас называем «еврейским миром». И давайте вновь напомним себе, что именно Просвещение было в ответе за сужение этого еврейского мира в сознании современных евреев. Да, до эмансипации евреи жили политически обособленно в условиях общественной сегрегации — но еврейский ум содержательно, благодаря всеобъемлющему охвату и памяти Талмуда, не чувствовал себя отделенным от всего спектра человеческого опыта и каждодневно держал руку на пульсе всех людских забот и помышлений, от этики до гигиены и юриспруденции. Если я слишком на это напеваю, если я чересчур назойливо это подчеркиваю, причина в том, что об этом надо напоминать как можно чаще, ибо представление о Талмуде как о цивилизующей и дающей простор силе не просто малопопулярно среди еврейских интеллектуалов постпросвещенческих времен — оно часть из них отталкивает и почти никому из них не близко. Современные евреи в подавляющем большинстве своем перестали видеть уникальное содержание еврейского гения. Не что иное, как Просвещение, лишило нас этого видения и заставило забыть содержание.

И кроме того, именно Просвещение, впусив евреев «внутри», внушило им, что ранее они находились «снаружи». Да, конечно, снаружи они и были — с точки зрения народов, среди которых существовали. В сельскохозяйственной Европе только евреи не могли обрабатывать землю; им было запрещено ею владеть. Только евреи были жестко ограничены в своих повседневных занятиях: в иных местах им разрешалось лишь торговать старой одеждой. Выискивая лазейку во все еще феодальной экономике, куда им не было нормального доступа, самые предприимчивые, не желавшие быть старьевщиками, изобрели капитализм и сделались процентщиками, но за эти начатки банковского дела, которые церковь осуждала как ростовщичество (впрочем, лишь до возвышения банкиров-христиан), их преследовали и поносили. Множество удушающих ограничений, массовый энтузиазм погромов, постоянные преследования, вечные оскорбления — все это яснее ясного говорило о том, что евреи пребывают снаружи. Но что проглядели — или, возможно, о чем не знают — европейские историки, от чего сознательно отгородились слепые фанатики Просвещения (каковым был, в частности, ослепительный Вольтер, глубоко презиравший евреев и смотревший на них с обскурантистским предубеждением) — это внутренняя жизнь еврейского сообщества. В неграмотной Европе рядовые евреи были не просто грамотны, они были одержимы текстом. В Европе, поклонявшейся идолам, рядовые евреи были решительно привержены единобожию. История евреев как повесть об угнетении — это лишь четверть их истории. «Предмет истории — не отрицательное, а положительное, — пишет Бенедетто Кроче^[14]. — Действуя, человек борется с мешающими ему представлениями и тенденциями, побеждает их, преодолевает, превращает всего-навсего в материал для обработки; и на этом человек возвышается». И далее: «Творческое начало, и только оно, есть подлинная и единственная тема истории».

Еврейская история в подавляющей своей части служит иллюстрацией тезиса Кроче. В подавляющей своей части она — интеллектуальная история, и герои Просвещения, с которых, можно сказать, началась современная интеллектуальная история, были отрезаны от блестящей, полной энергии культуры, жившей с ними бок о бок, в тех же городах, на презираемых еврейских улочках. Высвободив евреев из удушающих тисков церковных воззрений на них как на «иудино племя», как на убийц и изменников, как на ветхий и никому не нужный пережиток, Просвещение, однако, не отказалось от представления о евреях как о народе, не имеющем ценной культуры. Мыслители Просвещения полагали, что, позволяя евреям войти в европейскую культуру, они предлагают им ослепительный дар, — и так оно и было. Но им было невдомек, что в тени еврейских улочек живет альтернативная культура, скрытно излучающая свой собственный свет, источниками которого служат тысячи умов; и никто тогда, будь то еврей или нееврей, не понимал, что Просвещение дает еврейской интеллектуальной жизни новую альтернативу, ранее немислимую.



χρὸ ἀεὶ καὶ τὰ ἀθάνατά ἐστὶν ἀθάνατον ἐὶ ἀδεῖα ἐε.

1905 ἄᾶ

И какова же, спросим опять, эта новая альтернатива? Первая ее предпосылка — признание того, что ни один современный писатель, еврейский или нет, выросший в Израиле или в диаспоре, не может не быть затронут Просвещением — иначе говоря, модернистскими тенденциями. Более того, для еврея продолжать двигаться исключительно к ценностям Просвещения — а в политическом плане они включают в себя такие позднейшие образования, как социализм и марксизм, — это в наши дни не инакомыслие, а конформизм. В наши дни чувствовать себя неотъемлемым элементом великой матрицы, которую представляют собой литература и искусство Европы и Америки, несомненно означает скользить вниз по наклонной плоскости. В литературе после Просвещения главной ценностью считается «оригинальность»; но нет в наши дни ничего менее оригинального, чем, скажем, парижский или нью-йоркский романист «еврейского происхождения», который пишет так, будто в жизни не слышал о какой-либо еврейской идее, особенно если, что весьма вероятно, он и правда о ней не слышал. «Будь евреем в шатре своем и человеком, выходя наружу» оказалось в итоге усечено до «Будь человеком, выходя наружу» — и таких имеется сто тысяч и больше, все на одно лицо, все лишены какого бы то ни было еврейского понимания. Поэтому все скучней и скучней становится читать так называемую еврейскую художественную литературу с ее безнадежно ограниченными персонажами, чей кругозор очень узок, чья связь с еврейством проявляется лишь в происхождении из той или иной еврейской окружи, или в избитом и подражательном строении фраз, или в устарелых, выдохшихся большевистских симпатиях. В наши дни безоговорочно броситься в объятия постпросвещенческой культуры — это для писателя никакая не альтернатива. Это просто лень. Это последняя судорога отжившей мысли, судорога, от которой никакая литература, ни еврейская, ни иная, родиться не может.

А раз так — к новой альтернативе. Бялик нащупывает в размышлении о ней первую нить: преобразование в прочную, плотную еврейскую субстанцию некоторых культурных элементов Просвещения — например, художественной литературы, которая была для иврита необычайным, модернизирующим новшеством. Именно это Бялик имел в виду, утверждая, что «ценность Агады [художественной литературы] в том, что она влечет за собой Алаху [еврейскую когнитивную субстанцию]».

Новая альтернатива — назовем ее подсказкой Бялика — возвращает нас в другую эпоху, когда элементы мощной, влиятельной чужой цивилизации были трансформированы в еврейскую субстанцию: огромный и блистательный прецедент, внушающий благоговейный трепет и представляющийся в конечном итоге чем-то столь же имманентным, как явление природы, прецедент, достойный пристального внимания, но наводящий на мысль, что нам — увы! — необходим гений.

Посмотрите: героям великих преданий Священного Писания в важнейших отношениях были присущи узнаваемо еврейские черты. Но в одном отношении — а оно неотделимо от нашего представления о еврейском темпераменте, еврейском характере, еврейской восприимчивости — это не так: их не волнует Текст. Они не подвержены возвышенной страсти к его изучению[15]. Они могут составлять предмет священного текста — Мухаммед вдохновенно назвал их Людьми Книги, — но совершенно ясно, что люди в

Книге — отнюдь не книжники. Они — нет, но евреи более близких к нам времен — да; два тысячелетия евреи сознавали себя людьми, сосредоточенными прежде всего на тексте. Но чем был вызван этот разрыв в национальном характере? Мы читаем, что Эсав отправился на охоту, — но что делал в своем шатре Яков? Прелестный анахронизм: вообразить, что он, возможно, изучал там Тору.

Идея святости учебы — идея составная. Святость принадлежит к еврейству; учеба — величественный подъем по ступеням ученичества — принадлежит к миру греческой, платонической мысли. Формального ученичества и наставничества в Священном Писании нет. Его герои, даже такие поэты из их числа, как Моше, Двора, Давид и Шломо, не укоренены в интеллектуальной почве, сколь бы одарены или искусны они ни были. Один из грандиознейших умов Писания — это, безусловно, блестящий и оригинальный Йосеф, лукавый сновидец и вдохновенный истолкователь снов, спаситель-экономист и, без сомнения, ученый и архитектор. Разумеется, Йосеф всецело подходит под наше определение гения. Но, когда мы пытаемся представить себе, что такое героизм великого интеллекта, мы думаем не о Йосефе. Мы думаем о Сократе.

Навсегда преобразило евреев и еврейский характер, конечно, разрушение Храма, падение Иерусалима, долгое горькое изгнание; но вместе с тем — обращение к учебе как к чему-то, заменяющему Храм, Иерусалим, цветущую родину. Призывая в своих пророчествах к духовному укреплению, Зхарья предрекал обращение к еврейскому тексту. Но сосредоточенность на учебе, на изучении, мысль о том, что путь к правильному поведению — это путь в первую очередь интеллектуальный, имеет сократические, а не библейские истоки. Постепенное наложение сократического верховенства интеллекта на еврейское верховенство святости — вот что породило всем нам знакомый и ныне абсолютно типичный еврейский характер. Поскольку еврейское сознание целиком и полностью усвоило платоническую идею о величии педагогики, об учении как способе обрести мудрость, сегодня нет на свете ни одного еврея, который не был бы безусловно еще и греком; и чем ближе он к еврейскому идеалу в своей преданности Торе, тем больше в нем греческого.

Подсказка Бялика (это и правда всего лишь подсказка, предчувствие, образная конструкция, вымысел, художественная догадка) такова: как тогда с Грецией — так теперь с Просвещением.

Новая альтернатива, лежащая перед нами сейчас, требующая от нас немислимой дерзости, поразительная в своей видимой неосуществимости, состоит в том, чтобы соединить дары Просвещения — а мы в любом случае не можем ни отказаться от них, ни пренебречь ими — с верховенством еврейского начала. Если не использовать эту возможность — а она двести лет по большому счету оставалась неиспользованной, по крайней мере из нее не извлекали всей энергии, всего огня, — то результатом будет либо полный проигрыш, либо банальность. Полный проигрыш мы уже видели: занудство — вот удел тех, кто дает себя проглотить последствиям Просвещения. Да, многие еврейские писатели и интеллектуалы (на каком бы языке они ни писали, включая иврит) предпочитают быть проглоченными — таков их выбор. Возможно, таковы их предпочтения, возможно, они выбрали этот удел совершенно свободно; но чего им не стоило бы делать — это лгать себе, будто они предпочли широту узости, инакомыслие конформизму, оригинальность скуке. На деле они выбирают прямо противоположное: истоптанную тропу и скользкую наклонную плоскость. Во имя просвещенческого «универсализма» они ведут себя как стадо, выбирающее стадность. И банальность: смесь всего и вся почти не дает шансов выделиться, и по наклонной плоскости очень трудно перемещаться вверх гению. Гейне и Дизраэли обнаружили это и постарались сделать плоскость более шероховатой с помощью еврейской романтической иронии.

Другой же путь — новая альтернатива, вдохновенный порыв соединения, подсказка Бялика, мечта, смутно явленная в сочинениях позднего периода Хаскалы и в лихорадочном потоке утраченного нами идиша, — ведет к богатству: он сулит оригинальность, изумление перед неожиданным, взрывную надежду на новые формы. Лишь гению под силу проложить этот путь — и даже может понадобиться череда гениев или, скажу иначе, коллективный гений, которому, чтобы развиваться, нужны многие поколения. Сменилось немало поколений — минули века, — прежде чем сократическое внимание к педагогике сплывилось с еврейским представлением о внушенной народу свыше общей ответственности. Несомненно, опять понадобятся века — двух столетий, что уже прошли, явно недостаточно, — чтобы просвещенческие идеи скептицизма, оригинальности, индивидуальности и права на свободную игру воображения влились в то, что можно назвать еврейским языком самоограничения, трезвости, незыблемости нравственных устоев [16], коллективной совести. Столь грандиозное соединение — задача не только для поколений, но и для великанов. Понадобится, может быть, пятьдесят Бяликов во всем их блеске и во всей силе их алахического благоговения перед мелкими проявлениями добросовестности. «Но в чем же долг?» — крикнул Бялик в обольстительное лицо любви и поэзии.

Такую задачу не решить одним лишь предложением «сочинять мидраши», под которыми обычно имеют в виду литературу притчи. Несомненно, такая литература достойна уважения, в числе ее представителей — Кафка и Борхес. Но зависеть от одной формы, сколь бы величественной или гибкой она ни была, нельзя, на этом невозможно построить целую литературу; а столкнулись мы в эпоху пустоты и замешательства именно с этим — с потребностью в литературе.



Направление: «Иврит».
Плакат образовательной службы Цахала.

1950 год

Не решает этой задачи и какая бы то ни было теория необходимого языка в духе моей старой фантазии о новом идише, то есть проект иудеизации одного языка, которым пользуются большие массы евреев. Обогащение любого существующего языка, разумеется, достойно уважения, и если английский расширится благодаря привнесению еврейских понятий, нравов, чуткости и терминологии (последнее — самое тривиальное, хоть и преобладает), это идет ему только на пользу. Английскому языку и так уже исторически повезло: историческое невезение — обилие вторжений — обернулось тем, что он стал богаче других языков. С точки зрения «богатства» это, похоже, самый счастливый язык на свете, и нам, пишущим на английском, вероятно, повезло больше других — просто потому, что фактически это не один язык, а два, германский и романский, и, значит, есть как минимум два регистра, два способа нюансировки для каждого существительного, факта, чувства и мысли, и каждое понятие двулико.

Иврит — счастливый язык в другом смысле: он был первичным вместилищем революции в человеческом сознании, он научил другие языки тому, что рано и мучительно постиг: имманентности текста, которую я называю незыблемостью нравственных устоев. Мощь идей Писания такова, что вряд ли на нашей планете остался хоть один язык, который, используя свои звуки и свой словарь, не говорит вместе с тем «по-еврейски». Все языки мира — в какой-то степени «ивритоговорящие», и это продемонстрировали многие литературы — пробно, начерно, но зачастую достойно и с успехом. А раз так, это доказывает, что иврит нельзя назвать единственным в своем роде языком, которому свыше даровано право выражать определенные идеи, — хотя гений Авраама, Моше и пророков питает его, как материнское молоко. Язык — мехи для вина, которое есть мысль. Чтобы выразить свежую или революционную идею (а решительный еврейский отказ от поклонения идолам, если взглянуть на историю человечества, поистине вечно свеж и революционен), от любого языка требуется одно: сопротивляться ограниченности.

Так что, если надежды на спасительную мидрашистскую форму недостаточно, если мечты о «новом идише» на поверку оказываются химерами, уводящими от сути, что может быть ответом на подсказку Бялика? Чем обернется новая альтернатива, этот невообразимый сплав того, что мы есть как дети Просвещения, того, что мы есть как дети Израиля, и того, чем мы станем, когда одно и другое сольются воедино? А они неизбежно сольются, в этом у меня нет никаких сомнений — точно так же, как, оглядываясь на прошедшие два тысячелетия, мы видим всю неизбежность возрождения греческих философских школ в

виде еврейских академий, всю неизбежность того, что сократический пыльпуль^[17] послужил еврейской незыблемости нравственных устоев.

Ἰδιότητα καὶ ἀλλοτρίτητα Ἰσραήλ καὶ τὸ ἔθνος

- [1]. *Жизненного пространства (нем.). Это термин нацистской пропаганды, отражавший планы территориальной экспансии. — Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. перев.*
- [2]. *Заключительные строки стихотворения американского поэта Арчибальда Маклиша (1892–1982) «Ars Poetica».*
- [3]. *Йеуда Галеви (1075–1141) — еврейский поэт, философ и врач.*
- [4]. *Грейс Пейли (1922–2007) — американская писательница.*
- [5]. *Эта сжатая формулировка принадлежит профессору Ави Эрлиху. — Прим. автора.*
- [6]. *Гершом Шолем (1897–1982) — еврейский философ, исследователь иудейской религии и мистики.*
- [7]. *Шабтай Цви (1626–1676) — еврейский мистик. В 1665 году объявил себя Мессией, в 1666 году принял ислам.*
- [8]. *Цитата из стихотворения «Пробудись, народ мой» еврейского поэта и поборника Просвещения Йеуды-Лейба Гордона (1830–1892).*
- [9]. *Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882) — американский философ, эссеист и поэт.*
- [10]. *Антиномизм — религиозная доктрина, приверженцы которой считают себя «избранниками Божьими», свободными в силу этого от каких-либо норм и моральных обязательств.*
- [11]. *Хаим-Нахман Бялик (1873–1934) — еврейский поэт, писавший на иврите и на идише.*
- [12]. *Агада — область талмудической литературы, содержащая афоризмы, религиозно-этические поучения, исторические предания и легенды. Алаха — совокупность законов и установлений иудаизма, регламентирующих религиозную, семейную и общественную жизнь евреев.*
- [13]. *Многие, пускаясь в этот путь, поразительно мало знают о его отправной точке. «Куриный супчик и идишские шуточка могут еще протянуть какое-то время. Но история евреев мало чем будет теперь отличаться от истории всех остальных», — пишет романист Герберт Голд, ясно понимая направленность Просвещения. Аллен Гуттман в книге «Еврейский писатель в Америке», посвященной теме ассимиляции в еврейско-американской литературе, пронизательно замечает: «Как дошло до того, что куриный супчик сделался чуть ли не синонимом еврейства? Как случилось, что сутью его многие американцы стали считать обычаи обитателей Центральной Европы или российского местечка? Чтобы ответить на эти вопросы исчерпывающе, надо рассказать историю американских евреев, но вот что несомненно: меньшинство, перенявшее многие особенности своих европейских соседей, ныне характеризуется в глазах своих американских соседей скорее этими заимствованными чертами, чем теми фундаментальными отличиями, что предопределили сам этот статус меньшинства». — Прим. автора.*
- [14]. *Бенедетто Кроче (1866–1952) — итальянский философ.*
- [15]. *Вместе с тем нельзя не заметить, что предвестье этой сосредоточенности на изучении Текста — и этой «имманентности» — возникает уже в главах 29–31 Дварим, где Моше неоднократно обращается ко всем членам сообщества: «...главы колен ваших, ваши старейшины и стражи, каждый человек из [народа] Израиля, ваши дети и жены, переселенцы, [живущие] среди вас, от*

дровосека до водоноса», призывая их обратить пристальное внимание на «эту книгу», на Текст. В книге Нехемьи, 8:1-9 опять-таки собрался весь народ, и на этот раз книжник Ездра «открыл... книгу пред глазами всего народа», и «весь народ плакал, слушая слова закона». Во всех этих случаях у нас имеется людская масса, собравшаяся демократически, по собственной воле, и сосредоточенно, понимающе слушающая. Однако люди не читают сами — они внимают чтению. Тогда как «изучение» — независимый интеллектуальный акт. — Прим. автора.

[16]. Видный израильский критик Дан Мирон высказал мысль, что идея еврейской «незыблемости нравственных устоев» как таковая принадлежит к Просвещению, что традиция не придавала значения тому, серьезно ты относишься к нравственным устоям или нет, важно было только, исполняешь ли ты религиозные предписания еврейского закона. Он, я убеждена, прав в том, что категория незыблемости нравственных устоев приобрела особое влияние после Просвещения, — это было одним из следствий того, что значимость традиции уменьшилась; но это, разумеется, не означает, что незыблемость нравственных устоев вовсе не присутствовала в традиции: вспомним барана, запутавшегося в зарослях рогами. (Имеется в виду история Авраама [Берешит, глава 22], которому было предложено принести в жертву всесожжения вместо собственного сына барана. — Прим. перев.) Незыблемость нравственных устоев представляется мне порождением еврейской специфики, и как всецело просвещенческую идею ее охарактеризовали из-за ее последующего отрыва от этой специфики. — Прим. автора.

[17]. В переводе с иврита — «пристальный анализ». — Прим. автора.

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2011 ТАМУЗ 5771 – 7(231)

ВРЕМЯ, ЧТО НАСМЕЯЛОСЬ НАД НАМИ

אֲדֹנָי יְהוִה

На самой верхней ступеньке дома 1434 — не кто иной, как Эдди Тейтельбаум, заросший темной щетиной парень с командирскими замашками и дурными манерами. Он ковыряется во рту зубочисткой. Чистит ваткой ухо. Хлюпает носом, харкает и глотает мокроту — он вечно простужен. Но ему плевать. Не о телесном: он пока что только по колено в человеческой жестокости; он смирился с отцовским Яаковом в шерсти — Ициком Халбфунтом; он стерпелся со своим житьем на этой зашитой в кирпич — чистый Утрилло[1] — улочке, тянущейся с востока на запад, пара тысяч крутых ступеней под палящим солнцем. На каждой ступени, возможно, стоит некто ему знакомый. До поры до времени — никаких имен.

А теперь взгляните на детишек, которые в ту пору крутились у него под ногами. Они так и проводили время — собирались в каменном ущелье погалдеть около этой мрачной личности. Иногда он рисовал длинную извилистую черту, по которой они ходили взад-вперед по улице — до угла и назад, к дому 1434.

В пасмурные дни он делал им из ершиков для трубок слонов, собак, кроликов и длиннохвостых мышей.

— Точно так же можно сделать ершик — задницу прочищать, — шутил он, чем окончательно настроил всех матерей против себя. Ну да, он, бедняга, был тот еще грязнуля, пахал и по субботам, и по воскресеньям, и летом, и в праздники в отцовском зоомагазине — туда профсоюзам не дотянуться. Так-то он был прижимист, но на жвачку для ребятни не скупился: говорил, она укрепляет челюсти. Насчет зубов он не волновался: ему нравились вставные — как и вообще всяческие протезы.

В конце концов люди снимут кожу (говорил Эдди) и заменят ее прочным пластиком, и тогда уже всем расовым предрассудкам капут. Каждый будет того цвета, какого захочет, или даже прозрачным — если заведется мода на форму и цвет внутренностей. Эдди много чего знал о том, что нас ждет в будущем, выдавал эту информацию, ничуть не боясь: ведь чему быть, того не миновать; но все его дружки, примерные и не очень, умные да трепетные, слушали, заливаясь слезами.



Предупреждал он их и насчет шпионов, что подглядывали из окон или вышваркивались на улицу, которая по неотчуждаемому праву принадлежала детям. Миссис Горедински, главная шпионка, тетка, словно слепленная из пластилина, каждое утро усаживалась на ящике из-под апельсинов и пялилась на дверь дома 1434. Была еще миссис Грин — по нояблям она была на выборах наблюдателем от республиканцев, а остальные одиннадцать месяцев торчала у своей двери в проулке: рука дрожит, головой то в одну сторону крутанет, то в другую.

— Объяснить ей, что в теннис никто не играет? — предлагал Карл Клоп, сын управляющего.

— Пусть живет, — говорил Эдди и засекал время.

И вот однажды старик Клоп, управляющий, восстал из подвала и закидал детишек пивными крышками. Встал ступенек на пять ниже Эдди, оперся на метлу и решил побеседовать.

— Что ж такое, сынок? — спросил он. — Где ж твои приятели?

— Сидят под столом на кухне, — ответил Эдди. — Абрикосового сока обпились.

— Ты ведь, Эдди, здесь за главного. Ну какой такой гад всюду клинексы разбрасывает?

— Понятия не имею. Горедински уже который месяц с насморком ходит.

— Ага! Ты что-то имеешь против старой квашни? У тебя насчет нее всегда есть что сказать.

Из темного окошка на втором этаже послышался тоненький голосок, певший на мотив «Страна моя, о тебе»[2]:

Миссис Горедински шпионкой была,

Но ФБР ее замела,

Помрет, и все дела,

Разве это не чудо?

— Обратите внимание, Клоп, — сказал Эдди. — Здесь и уединиться негде, смекаете? Дело такое, Клоп: в предместьях у каждого ублюдка есть гараж, где можно уединиться. По этой причине все замечательные идеи и великие изобретения рождаются не в городах. Так почему бы, черт возьми, и нам не выдать что-нибудь достойное?

Эдди просто решил подыграть Клопу, пообщаться, поддержать, так сказать, отношения с властями. Так бы он эту беседу закончил в миг, поскольку как раз обмозговывал тараканий сегрегатор, прибор для уничтожения только тех тараканов, которые выползают из щелей на люди. Если все продумать и воплотить как надо, остальные тараканы могли бы спокойно сидеть под обшивкой, плодиться и в конце концов наследовать весь избирательный округ. Почему бы и нет?

— Да не тупой я, — сказал мистер Клоп. — Уединиться негде. — На что Эдди ухмыльнулся в сторону, в усы, сам себе. — А чего тебе уединяться? Девоч портить?

Ответа не последовало.

Клоп возобновил беседу.

— Так вот оно как, вот как они, фермеры, нас обходят. Что тут скажешь? Как это так, неужто никто не сообразил, что вас, ребят, надо чуток подучить, особенно летом? Самые большие налоги ведь город платит. И вообще, какого хрена ты целыми днями торчишь тут, на лестнице? Почему это Карл, как я ни гляну, ошивается около Михайловичей — утро ли, день ли, ночь ли. Давай, слезай с этой поганой лестницы, Тейтельбаум, — завопил он. — Вот уроды! А клинекс в карман сунь. — Он шлепнул Эдди метлой. И отвернулся, нахмурился, задумался. — А ну брысь, засранцы, — буркнул он двум детишкам года по четыре.

И все же Клоп был человек участливый, серьезный человек. Через три дня он выдал Эдди ключи от кладовки дома 1436 — стратегически важного строения на углу.

— Давайте, изобретайте, — сказал Клоп. — Что мы, скотина какая? — И сказал, горд, мол, что может способствовать научным исследованиям. Столько мальчишек шатаются без дела, то и знай дурака валяют. Его собственный сын, Карл, аж весь зеленый стал, с утра до ночи играет под лестницей в покер со Шмуэлем, сыном раввина, янки в ермолке[3]. Так что Клоп умолял Эдди убедить Карла заняться чем-нибудь умственным, дельным. Мистер Клоп сказал, что сын науку очень уважает, его только направить надо — без матери ведь растет.

— Ну ладно, ладно. — Эдди только был рад. — Поможет мне рассчитать полет ракеты на Луну.

— На Луну? — переспросил мистер Клоп. И глянул из подвального окошка на клочок полуденного неба.

Перед настроенным на чудеса взором Эдди предстали вода, электричество, газ и куча водопроводных труб, и он был всему этому хозяин. Чего еще надо, чтобы оборудовать лабораторию? Думаете, Институт перспективных разработок или всякие секретные заведения с циклотронами начинали с большего? Все начинается с малого и убогого, но и развесистые дубы — согласно мифам, легендам и народным преданиям — вырастают из крохотных желудей.



Перво-наперво Эдди решил довести до ума тараканий сегрегатор. За стоимость материала плюс шесть процентов он протянул под плинтусами на местных кухнях слаботочные провода, которые тут же отправляли сообразительных тараканов назад, под линолеум. Током убивало упрямых болванов, которым, по Дарвину, было и не суждено выжить.

В этой работе ничего особо оригинального не было. Эдди и не собирался скрывать, что все лето думал о коровах и пастбищах, а также о колючей проволоке, и просто применил все, что вспомнилось, к специфическим условиям своей среды обитания.

— Какое-то хреновое лето получается, — сказал Карл, снимая таракана с провода. — Я про то, что надо немного и развлечься, а, Эдди? Куда было бы веселее, имейся у нас какой клуб.

— Повеселиться все хотят, — ответил Эдди.

— Да я не про веселье, — сказал Карл. — Можно и научный клуб. А то все ты да я... Сыт я по горло этой чушней. Давай позовем еще парней. Создадим организацию, а, Эдди?

— А что, мысль, — сказал Эдди, который хотел поскорее взяться за работу.

— Ну и здорово. Я тут придумал несколько названий. Как насчет «Впередидущие»?

— Отстой.

— Я хотел что-нибудь смешное... Знаешь, как на тех маленьких карточках. А это — «Ух-умники»?

— Обхохочешься.

Карл не настаивал.

— Ну ладно. Но надо бы еще людей.

— Двоих. — Эдди хмыкнул.

— Давай двоих. А как насчет девочек, Эдди? Женщины, кстати, уже давно имеют право голосовать. Они и врачи тебе, и... Вот мадам Кюри, например... И другие есть.

— Карл, умоляю, угомонись. У нас осталось еще двадцать с гаком километров проводов. Мне надо кое-что обдумать.

Но Карл не унимался. Сказал, что любит, когда вокруг девочки. Он при них бодрее и веселее. Становится жутко остроумным в их присутствии. Особенно в присутствии Риты Нисков и Стеллы Розенцвейг.

И он продолжал — описывал, в качестве примера, близняшек Шпиц: сверху они пышные, а бедра узкие, как у мальчишек. Разве Эдди не видел, как они в бассейне на Сеймур-стрит плавают на своих сиськах как на спасательных кругах?

А очаровашечка Стелла Розенцвейг — всего-то в десятом классе, а выглядит так, будто уже в Вассаре[4] учится. Танцуешь с ней, а тебя будто покалывает — она хоть и маленькая, но грудь ого-го!

Перед самым обедом Эдди полностью накрыла волна похоти. Чтобы удержать себя в руках, он холодно сказал:

— Нет и нет! Никаких девочек. По субботам пусть приходят потанцевать, пообниматься. Обустрой все тут. А по будням — чтобы духу их не было.

Однако разрешил наладить линию связи между Карлом и близняшками Шпиц, включив в члены клуба их брата Арнольда. Это был удачный и безопасный выбор. Арнольду нужен был закуток для занятий живописью. Он утверждал, что рано или поздно дневной свет исчезнет, а с ним — все мифы о северном свете. В этом темном подвале он основал школу художников — «Прорвавшие свет», они до сих пор трудятся на чердаке дома на Восточной Двадцать девятой улице, под двумя лампочками по двадцать пять ватт.

По рекомендации Карла утвердили и кандидатуру Шмуэля Клейна — он как раз был бы четвертым, но Эдди заявил, что никаких карт не потерпит. У Шмуэля было лицо человека, ничем не обремененного. Писал ли он книгу после школы? Нет-нет, отвечал он; сплетни множатся — правда одна.

Он был репортером жизни, а Эдди — путешественником в знания. На вопросы о будущем Шмуэль отвечал, что его, по-видимому, ждет череда грантов и под тяжким грузом стипендий он доберется до теплого местечка в рекламном деле, где будет востребована жалкая толика его способностей.

Были, разумеется, и другие — они ошивались поблизости, решив, что тут организуется бордель. Эдди смеялся и сетовал на то, что рынок пересыщен личными инициативами, не говоря уж о том, что у нынешних девиц никаких препон не осталось, вплоть до моральных.

Клуб потребовал от Эдди времени. На общественные дела уходили послеобеденные часы и выходные. Парни уговорили его проводить открытые собрания — чтобы родители девочек могли оценить цели и задачи предприятия. И Эдди говорил о «Дисперсии галактик и сохранении материи». Карл аплодировал дважды — энтузиазм его бил через край. Мистер Клоп выслушал, заинтересовался, спросил, чем может им помочь, и подключил их электросеть к счетчику миссис Горедински.

Эдди читал лекции и на политические темы, поскольку времена — для человека тонкого — были беспокойные. Из своей комнатенки полтора на два с половиной метра, которую он делил с Ициком Халбфунтом, отцовской обезьяной, Эдди, прежде, чем кто другой, почуял опасность, уже видел, как на небе проступают очертания грядущих бед.

— Кто же был врагом? — спрашивал он, пытаясь хоть как-то заинтересовать одноклубников историей. — Приморские народы? Троянцы? Римляне? Сарацины? Гунны? Русские? Африканские колонии, поганый пролетариат? Обладатели капиталов?

На вопросы он, что характерно, не отвечал. Оставлял их осваивать своими жалкими извилинами эти глобальные вопросы, а сам ускользал к Михайловичу выпить тоника с сельдереем.

Деньгами, заработанными на тараканьем сегрегаторе, он делился с остальными. Это стимулировало их интерес, и они уважительнее относились к его философскому подходу, так же как и клиенты, которым он внушал, что человек должен вмешиваться в дела природы ровно настолько, насколько это необходимо для добычи пропитания (выживания), а нарушение этого принципа есть главная трагедия, и такое случается даже в дикой природе.

Чтение и размышления о проблемах, выходящих за пределы физики и химии, привели его от работы над тараканьим сегрегатором к телефонной системе оповещения — для людей на пособиях в радиусе десяти кварталов, а в конце концов и к знаменитому Глушителю войны, которым активно занимались все его новоиспеченные ассистенты, но сам Глушитель был плодом лишь его кропотливого труда.

— Эдди, Эдди, ты слишком много отвлекаешься не пойми на что, — сказал ему отец. — А мы как же?

— То есть ты? — ответил Эдди.

Разве мог он забыть про свои обязанности в зоопарке Тейтельбаума, зоомагазинчике, где в витрине спали три-четыре дворняги, присыпанные опилками? Внутри в ста галлонах воды плавали золотые рыбки, четыре канарейки распевали свое «фьюти-т्यूти-фьют», и все ждали, когда он задаст им семена, мотыля да каши. Бедный Ицик Халбфунт, обезьяна, привезенная из Франции, из Парижа, он тоже ждал, грызя свой берет. Ицик очень походил на дядю мистера Тейтельбаума, умершего от еврейства в эпидемию 1940–1941 годов. По этой причине его нельзя было продать. И зря — считали все вокруг, — поскольку некий итальянец из местных готов был заплатить за обезьяну чуть ли не 45 долларов.

В своей скорби мистер Тейтельбаум отвернулся от своего ближнего — от человека, и дальше всю жизнь щурился как кот, прыгал как птица и сидел как побитая собака. Когда Эдди приходил вечером, отец твердил как попугай:

— Эдди, не оставляй дверь открытой, а то мы с птичками улетим.

— Папа, если есть крылья, лети, — отвечал Эдди.

Так Эдди жил долгие годы, с самого детства: разгребал собачье дерьмо и птичий корм, наблюдал, как золотые рыбки плавают, едят и умирают в огромном стеклянном аквариуме вдали от Китая.

Как-то в июле, в понедельник, солнечным, жарким и ранним утром Эдди созвал всех мальчишек и дал им задание изучить и отметить на плане все помещения. Карл отлично знал подвал, но Эдди нужен был перечень всех дверей и окон с указанием их состояния. В этом блоке было три дома — 1432, 1434 и 1436. Эдди потребовал, чтобы они вели дневник: ему нужна была статистика — сколько женщин и в какие часы пользуются домовыми прачечными, насколько горяча горячая вода в разное время суток.

— Поскольку теперь мы будем работать с газами. Газы могут расширяться, сжиматься, распространяться, распыляться, и сжигаться. Если в какой-то момент возникнет опасная ситуация, я сам с ней разберусь и отвечать тоже буду я. Но вы хоть чуточку соображайте, что делаете. Обещаю, — твердо сказал он, — это будет забавно.

Он потребовал, чтобы они освоили некоторые инструменты. Карл, будучи сыном Клопа — водопроводчика, электрика и вообще мастера на все руки, с радостью ринулся всех обучать. В утренние, наполненные гулом стиральных машин часы они под руководством Карла сверлили едва заметные дырки в стенах подвала и просовывали туда прочные резиновые трубки. Для первой серии экспериментов требовался трубопровод.

— Я емь полая вена и аорта[5], — перефразировал Эдди. — Все, что исходит от меня, ко мне возвращается. Вы будете инженерами. Придумайте лучший способ подпитать все прилежащие помещения.

Под «подпитать», отметил Шмуэль, он имел в виду «удушить».

К двадцать девятому июля все было готово. В 8 часов 13 минут утра провели первое испытание — на ограниченном пространстве. В 8 часов 12 минут, перед самым «моментом пфф»[6], в подвале произошла транзакция: мусор из малых контейнеров перенесли в большие; ранние пташки — бабушки, пошатываясь после бессонной ночи, покидали белье в корыта; мальчишки в плавках выкатили детские коляски на утреннюю прохладу. Приехал грузовик с углем, развернулся, перегородил тротуар, встал, опустил кузов у закопченного окна и зафырчал.

Радио у мистера Клопа было включено на полную громкость. Работая — вытаскивая с помощью Карла по деревянной лестнице баки из подвала, ругаясь с угольщиками, перегородившими проход, он слушал новости. Он хотел знать, выкатится ли солнце, яркое как всегда, и нет ли вероятности дождя — его брат выращивал в Нью-Джерси помидоры.

В 8 часов 13 минут будильник в лаборатории прозвенел свою реплику. Эдди нажал на кнопку на обычной стеклянной кофеварке, из носика которой в стену уходили две трубочки. Раздалось легкое шипение, кофеварка наполнилась паром, который тут же рассеялся.

Через сорок секунд мистер Клоп зарычал:

— Черт, кто это перднул?

Запах был не совсем такой: Эдди — он же изготовил смесь — это знал. Он предполагался более свежим, скунсовым, ближе к запахам, которыми растения и животные отпугивают врагов, но сильнее. О том, что определенного успеха он добился, Эдди понял по воплям угольщиков и визгу старушек.



Эдди, довольный, нажал еще одну кнопку, на этот раз на усовершенствованном пылесосе миссис Шпиц. Обратный процесс занял не более двух минут. Стеклянная емкость затуманилась, носик заткнули, джин вернулся.

Эдди понимал, что мальчишкам нужно время, чтобы уйти со своих наблюдательных постов и от людей, которые за ними наблюдали. И в эти короткие мгновения сердце его заходило, как заходятся сердца после великого акта любви. С ощущением опустошенности пришла и мигрень. Когда Карл возбужденно докладывал новости, он слушал с грустью: что есть жизнь, думал он.

— Вот это да! — завопил Карл. — Историческое событие! С ума сойти! Эдди, Эдди, какая тайна! Никто не понимает как, что, откуда...

— Однако, — сказал Эдди, — ты бы поутих, Карл.

— Эдди, представляешь, никто не может ничего вычислить, — продолжал Карл. — Сколько это длилось? Все закончилось до того, как эта толстуха Горедински вышла из нашей уборной. Она с воплем

натягивала подштанники и одергивала платье. Я смотрел из двери. Кстати, она не должна пользоваться этой уборной. Она наша.

— Ну да, — сказал Эдди.

— Ты погоди, погоди, послушай. Отец все твердил: «Б-же ты мой! Неужели я забыл, где выхлопную трубу открыть? Б-же ты мой, что ж я наделал? Или дымоход повредил? Скажите мне, хоть намекните».

— Твой отец — славный старикан, — холодно сказал Эдди.

— Да я знаю, — сказал Карл.

— Золотая голова! — Это появился Арнольд.

— Вы посмотрите на моего отца. — Эдди, хоть и возбудился, был мрачен. — Только посмотрите: сидит в своем магазине, бреется разве что пару раз в неделю. Бывает, часа по два не шелохнется. С носа у него капает, так птицы понимают, что он живой. Этот ублюдок, он ведь был настоящим докой во всемирной истории, а теперь возится с этим поганым зоопарком и обезьяной, которая даже ссать прямо не умеет.

Ему до дрожи стало обидно за свой потрепанный вид, за штаны из сэконд-хэнда. Так что он, расхохотавшись, сообщил им факты:

— Мой старик, знаете ли, был до свадьбы задвинут на сексе, а к женщинам имел огромное уважение (женщин он, поверьте мне, и впрямь уважает), и знаете, что он сделал? Пробрался в зоопарк в Бронксе и завалил там шимпанзе. Удивлены, а? Так вот, детеныша отправили во Францию. Если бы отец все рассказал, мы бы были богачами. Места себе не нахожу, как об этом вспомню. Он стал бы самым известным в мире зоофилом. Был бы нарасхват в свинарниках и на конных заводах. Ему бы слали телеграммы из Иркутска — приглашали бы участвовать во всяких экспериментах по межвидовому оплодотворению. Что бы он сделал с озимой пшеницей! Этот козел всем говорит, что ездил в Париж узнать, живы ли его родственники. А на самом деле он ездил за моим братом Ициком, чтобы привезти его домой. Напакостить маме и мне.

— Ух ты... — сказал Карл.

— Так вот в чем дело, — сказал Шмуэль-репортер, решив подыграть Эдди. — Вот почему ты такой умный. Рос, постоянно соревнуясь со странным братишкой... Ага...

— Эдди, умоляю, — воскликнул Арнольд, пристраивая на коленях блокнот. — Умоляю, Эдди, вскинь опять руки — как вот сейчас вскинул, когда разозлился. Есть у меня одна задумка...

— Сволочи, — сказал Эдди и плюнул на безупречно чистый пол лаборатории. — Шайка сволочей.

Тем не менее идеи девятнадцатого века относительно имманентности прогресса совершенно верны. Поскольку тоска его пошла на убыль и начало августа было временем напряженной работы и безудержного веселья. Тайна сильного, но не токсичного газа так и осталась тайной. Мальчики ее не выдавали. Те, кто не был вхож в клуб, ломали голову. Но они-то знали. И попивали колу с видом бойцов, захвативших все пинбольные автоматы противника, не получив при этом ни единой отметины.

Субботние вечера в лаборатории проходили успешно, под звуки, извлекаемые со скоростью 45 оборотов в минуту, в окружении изумительных женщин. Все приключения фиксировались Шмуэлем. Он все записал, например, как однажды вечером мистер Клоп зашел в подвал проверить пробки и застал там Риту Нисков, позировавшую Арнольду. К груди она прижимала реторту — целеустремленный Арнольд искал композиций посложнее.

— Ничего, ничего, сынок, продолжай, — пробормотал мистер Клоп, явно истолковавший все неправильно.

А еще однажды Бланши Шпиц сняла с себя все, кроме трусов и лифчика и под воздействием чайной ложки рома, добавленной в полтора литра кока-колы, решила заняться гимнастикой под сюиту из «Щелкунчика».

— Ах, Бланши, — сказал Карл, которого аж подташнивало от любви, — станцуй-ка танец живота, детка.

— Танец живота я, Карл, не умею, — ответила она и на счете «восемь» сделала глубокое приседание.

Арнольд заарканил ее юбкой Риты, оказавшейся у него в руке. Он уволок Бланши в угол, где наподдал ей, одел и спросил, сколько она берет и дает ли за ту же цену родственникам, но она и ответить не успела, как он снова ей наподдал и повел, забросив юбку Риты через плечо, домой. От таких сцен любые соседи взбелеются, сколько добрых дел ни делай. Юбка Риты два дня провисела, зацепившись петлей за ограду у входа в подвал, но так и осталась невостребованной. Девушки, ехидно отметил в своей книжице Шмуэль, хоть и живут в стеклянных пещерах, но как в каменном веке.

Подробности этого громкого инцидента Эдди узнал в основном от Шмуэля. Дело в том, что Эдди редко участвовал в празднествах, поскольку в субботу его отец по вечерам ходил в кино. Мистер Тейтельбаум закрывал бы на это время магазин, но кассир в кино отказывался продавать Ицику билет.

— Нет, вы мне покажите, — говорил мистер Тейтельбаум, — где написано, что с обезьянами нельзя.

— Прошу вас, — отвечал кассир, — не задерживайте очередь.

Ицика никогда не оставляли одного, потому что он хоть и был для обезьяны — ума палата, в мире людей ничего не соображал.

— Вы себе не представляете, — говорил мистер Тейтельбаум, — что такое держать дома обезьяну. Это все равно что растить дебила. Ты к нему и привязан, и связан по рукам и ногам.

— А все-таки все у нас налаживается, — заявил Карл.

Через неделю после досадного инцидента с девчонками (из-за которого все семейство Нисков в конце концов переехало на шесть кварталов дальше от центра — туда, где их никто не знал) Эдди провел внеочередное собрание. Через три недели начинались занятия в школе, и он твердо намеревался завершить серию экспериментов, которые должны были доказать, что его Глушитель войны достоин выйти на мировой рынок.

— Не преувеличивай, — сказал Шмуэль. — Ничего кроме вони мы не получили.

— Нетоксичной вони, — подчеркнул Эдди. — Концентрированной, но нетоксичной. Не забывай об этом, Клейн, поскольку в этом весь смысл. Орудие войны, которое не убивает. Ты только представь!

— Ладно, — сказал он. — Согласен. И что дальше?

— Шмуэль, глаза у тебя есть? Что делали люди во время последнего эксперимента? Они задыхались? Слезы из глаз текли? Как все было?

— Эдди, я же тебе рассказывал. Ничего не произошло. Они просто побежали. Побежали сломя голову. Зажимали носы, дверь чуть с петель не сорвали, а пара ребятшек забралась на угольную кучу. Все как один завопили и побежали.

— А твой отец, Карл?

— Ой, ну ради Б-га! Я ж тебе двадцать раз говорил: он выскочил пулей. Стоял на крыльце, зажав нос, и прикидывал, на кого бы все свалить.

— Вот это я, мальчики, и имел в виду. Это то, чему учит тараканий сегрегатор. Если человек в мире с самим собой, если он прислушивается к своим ощущениям, он переживет любые невзгоды. Какого хрена передавать по наследству убожество, ДНК, напоенное ядом? Я еще не брался за политическую стратегию, но наша задача — разработать технологию. Так вот, теперь резиновые трубки нужно довести до первого и второго этажей домов 1432, 1434 и 1436. На углу, у Михайловича, ничего не буравьте: еще попадет в контейнеры с мороженым, сласти и все такое, а я еще не проверял, как это влияет на съестное. Поработаете как следует сегодня-завтра, к четвергу все будет готово. В пятницу проводим эксперимент; к полудню все отчеты будут составлены, тогда и поймем, что мы имеем. Вопросы есть? Карл, готовь инструменты, ты за главного. Мне надо наладить проклятую кофеварку, посмотреть, потянет ли мотор. Встречаемся в пятницу утром. Время то же — семь тридцать.

И Эдди отправился в магазин, чистить птичьи клетки, о которых он на несколько дней позабыл — слишком был взбудоражен. Ицик предложил ему банан. Он согласился, и Ицик очистил банан ему, а второй взял себе. Шкурку он кинул в помойное ведро, за что Эдди поцеловал его глупую морду. Ицик запрыгнул ему на плечо и стал дразнить птиц. Эдди это не нравилось, потому что птицы, если их разозлить, говорят Эдди, могут заразить пситтакозом. Гипотеза непроверенная, но вполне логичная: сами знаете, те, кто вас терпеть не может, когда у них слизистая воспалена или когда в горле роятся всякие кокки, так и норовят чихнуть вам в лицо.

— Ицикл, не надо, — ласково попросил он и спустил обезьяну на пол. Тогда Ицик зацепился своей длиннющей лапой за плечо Эдди и завис у него за спиной, поедая банан.

— Как я люблю видеть вас вместе. — Это мистер Тейтельбаум зашел в магазин. — Ну хоть изредка.

Эдди был близок к завершению своих летних трудов. И стал — на время — покоен и счастлив.

В пятницу утром Карл, Арнольд и Шмуэль ждали у дома. С закупленными на деньги Эдди жвачкой и леденцами. Они отвечали за поддержание спокойствия в рядах детишек — те могли сильно перепугаться. У них с собой были и блокноты — каждый должен был составить отчет по одному из домов.

В подвале Эдди нажал на кнопку кофеварки. Дальше все было просто. Из всех трех зданий высыпал народ. Жители верхних этажей, которых эксперимент не коснулся, высовывались из окон, посмотреть, что там за шум. Система была так налажена, что до них донесся только легкий запах, который они приняли за обычное утреннее амбре, исходившее от рыбного рынка за три квартала от их улицы.

Было решено, что Эдди будет ждать отчетов в лаборатории. Но прошло полчаса, ни один из ассистентов не появился, что его озадачило. У него даже книги с собой не было. Поэтому он стал разъединять им же собранные детали, ссыпал остатки порошка в конверт, который засунул в задний карман брюк. И вдруг он забеспокоился. Как там Малютка Михайлович, который целыми днями сидел перед отцовской лавкой, крутил йо-йо и пел свои песни без слов? Он же беспомощный идиот. А что с миссис Шпиц, она же наверняка решит сначала надеть корсет: может, рухнула без сознания, да еще раскроила череп о какой-нибудь столик рококо? А если у тех, кому за сорок, сердце прихватило? А детишки Зюскинды? Они такие сорванцы, такие безбашенные, запросто могли свалиться в шахту грузового подъемника.

Пытаясь побороть дурные предчувствия, он принялся оттирать раковину, и тут дверь распахнулась. Вошли двое полицейских и скрутили его. Эдди поднял голову и увидел отца. Их взгляды скрестились — и боль была такая, что расцепиться не могли. В этот самый миг (сказал Шмуэль, описывая этот и другие факты) Эдди и окунулся в бездонную пучину депрессии. И на долгие годы отчаяние поглотило его целиком.

Никто уже не мог вступить с ним в контакт, рассказать о случившемся. Знал ли он, что его эксперимент погубил всю отцовскую живность? Погибли даже три черепахи, все до единой рыбки, чтоб им, даже мотыль, заготовленный им на воскресный обед. Птицы валялись в вычищенных клетках лапками вверх.

Ицик Халбфунт впал в кому, из которой не вышел. Он лежал в кровати Эдди, на новом матрасе Эдди, на белье Эдди.

— Пусть умрет дома, — сказал мистер Тейтельбаум, — а не со сворой пуделей в собачьем приюте.

Он гладил его по тощему, зудящему, лохматому плечу и причитал:

— Халбфунт, Халбфунт, мой дружок...

И приятели, и врачи бережно и ласково стучались в разум Эдди, но Эдди никому не говорил: «Войдите». Карл Клоп звал громко — несколько раз приезжал издалека, на загородной электричке, все хотел сказать Эдди, что это была его идея — посмотреть, как старый Тейтельбаум выскочит с воплями и обезумевшим Ициком. И, желая насладиться этим зрелищем, Карл просунул резиновые трубки в вентиляционное отверстие между подвалом дома 1436 и зоомагазином. Он ждал на углу и, само собой, дождался, когда выбежали мистер Тейтельбаум с задыхающимся Ициком. Клоп говорил, что главная его, Клопа, беда, что сыну его все нипочем.

Эдди оставили под присмотром доктора Скотта Талли, директора Приюта для мальчиков, на две с лишним недели. Полицейские забрали тетради Шмуэля, но в них были только описания внешности и сексуальных привычек мальчишек-подростков. Нашли также набросок статьи, которую Эдди планировал опубликовать в каком-нибудь издании, выступающем против вивисекции, — там он описывал свои приключения и предлагал себя в качестве испытуемого для экспериментов по переносимости газов. Статья называлась «Я не хуже морской свинки». Идея, любому понятно, бредовая.

В Приюте для мальчиков за Эдди присматривал служащий в белом халате, косоглазый, мускулистый, с наезжавшими на нижнюю губу клыками, аккуратно переломанным и небрежно вправленным носом. Его звали Джимми Сунн, и к Эдди он относился по-доброму.

— Потому что он, мистер Тейтельбаум, никаких беспокойств не доставляет — он хороший мальчик. Когда широко глаза открывает, я понимаю, что ему надо в туалет. Мистер Тейтельбаум, он не псих, ему просто пока что нечего сказать. Я таких много повидал, вы уж не переживайте.

Мистеру Тейтельбауму и самому сказать было особо нечего — это у них с Эдди было общее. Он приходил каждое воскресенье, молча сидел с ним на скамье в садике позади приюта; в плохую погоду они встречались в гостиной, красивой прямоугольной комнате с разбросанными там и сям половичками. Они сидели битый час друг напротив друга, в удобных креслах, сидели мирно, потом Эдди распахивал глаза, и Джим Сунн говорил:

— Ну все, приятель, идем. Царь зверей и тот спит. И медведи в спячку впадают.

Мистер Тейтельбаум вставал на цыпочки и заключал Эдди в объятия.

— Сынок, ты уж так не убивайся, — говорил он и уходил домой.

Так продолжалось два года. Как-то зимой, в холода, мистер Тейтельбаум заболел гриппом и не пришел.

— Куда, черт возьми, подевался мой отец? — рявкнул Эдди.

Это был переломный момент. После этого Эдди стал иногда говорить.

Под конец недели Эдди сказал:

— Джим, мне надоел перец. У меня от него газы.

А еще через неделю спросил:

— Ну, какие новости? Лонг-Айленд еще не затонул?

Доктор Талли никак не ожидал, что Эдди вернется. («Те, кто встал на этот путь, уходят навсегда», — сообщил он журналистам.) Он пригласил консультанта из конкурирующего, но дружественного заведения. И наконец смог проверить Эдди по тесту Роршаха^[7], результаты которого подтвердили его мнение насчет имманентного пессимизма Эдди.

— Пусть он хоть за что-то отвечает, — посоветовал консультант, что и было немедленно исполнено: ему, учитывая его опыт, было позволено посещать зоопарк при Приюте для мальчиков. Ему разрешили возиться с кроликом и дразнить двух коробчатых черепах. Был там и больной олень в клетке. А еще обезьяна — но Эдди и бровью не повел. В ту ночь его вырвало.

— Что там с перцем, Джимми? Этот кретин совсем готовить не умеет? Всюду перец пихает?

Доктор Талли объяснил, что теперь Эдди может помогать в зоопарке. Как только освободится место, ему поручат ухаживать за каким-нибудь животным.

— Слава Б-гу! — сказал мистер Тейтельбаум. — Немое животное — лучший друг.

Наконец один мальчик выздоровел, был отправлен домой к маме, и вакансия освободилась. Доктор Талли считал, что все сложилось на редкость удачно, поскольку выздоровевший мальчик отвечал за самую популярную в зоопарке змею. И из-за популярности этой змеи и сам мальчик стал популярен. Популярность укрепила его уверенность в себе, и он стал вице-президентом Ассамблеи мальчиков; у него появились друзья и подпевалы, он стал счастлив, выздоровел и вернулся в общество.

В первый же день Эдди доказал, что достоин этой должности. Он вычистил клетку правой рукой, держа змею на вытянутой левой. И тут же обзавелся восхищенными поклонниками.

— Когда ты уедешь домой, можно мне эту работу? — спросил очень симпатичный малыш — он был только слегка отсталым, но его отец был готов платить безумные деньги, лишь бы ребенок его не позорил.

— Я никуда не уеду, сынок, — ответил Эдди. — Мне здесь нравится.

По определенным дням, после полдника с молоком и печеньем, Эдди должен был приносить змее белую мышку. Он запускал мышку в клетку, но змея не съедала мышку сразу — вот почему она пользовалась такой популярностью. В четыре часа собирались мальчишки. Наблюдали за забившейся в угол мышью. Наблюдали за ленивой змеей, которая дожидалась, когда голод проберет все ее извивистые внутренности. Время от времени она выгибалась, вскидывала голову, и у мальчиков перехватывало дыхание. Где-то между половиной пятого и шестью змея начинала ползать по клетке. Мальчишки делали ставки на время, проигрывали и выигрывали куски шоколадного кекса и горсти изюма. Вдруг, внезапно, но без поспешности (тут надо было следить внимательно), змея вытягивалась во всю длину, раскрывала огромную пасть, заглатывала мышку живьем — несчастная всякий раз пищала.



Эдди змею не осуждал: такова ее природа. Но всегда надвигал на глаза кепку и отворачивался.

Однажды за ужином Джимми Сунн сказал:

— Угадай, чего я слышал? Говорят, ты приходишь в себя. Это очень неплохо.

— В себя? — спросил Эдди.

Через неделю Эдди подал заявление с просьбой отстранить его от должности. Копию он послал отцу.

В письме говорилось: «Благодарю вас, доктор Талли. Я знаю, кто я такой. Я не мышеубийца. Я — Эдди Тейтельбаум, отец Вонючей бомбы, и я известен тем, что предан делу и не испытываю страха перед последствиями. Не беспокойте меня более. Мне нечего сказать. Искренне».

Доктор Талли написал докладную, в которой с гордостью отмечал, что всегда пессимистически оценивал перспективы Эдди Тейтельбаума. Что, учитывая, какие благоприятные прогнозы делали другие, начальство поставило ему в плюс и запомнило.

В то время когда Эдди принимал решение как можно быстрее выжить из ума, принимались и другие решения. Мистер Тейтельбаум, например, решил умереть от горя и старости — они часто приходят одновременно, — и это было окончательное решение всех Тейтельбаумов. Шмуэль взялся все обдумывать, вследствие чего от него отказался отец.

Арнольд сбежал на Восточную Двадцать девятую улицу, где, потратив немало сил и денег, устроил прелесть что за бордель с обнаженкой маслом.

А вот Карл, сын Клопа, подхватил эстафету Эдди. Он пошел учиться и учился много лет — на физика-атомщика в морском флоте. Теперь Карл пускается вплавь по наркотическим волнам, и его сонар попискивает, предупреждая о надвигающемся берегу. Он по-прежнему жизнерадостен и за все, что сделал миру, получил в награду жену, которую выставили из «Рокетс»^[8]: она для них оказалась чересчур красива.

Глушитель войны закачали под слабым давлением во флаконы. Его иногда называют «смесью Тейтельбаума», и его состав по-испански напечатан на этикетке. Это одно из самых сильных средств борьбы с насекомыми. К сожалению, его плохо переносят рододендроны и старые комнатные фикусы.

Миссис Горедински по-прежнему предпочитает сегрегатор. Будучи женщиной старомодной, пол она моет на четвереньках. Поэтому порой видит, как тараканы, попавшие на провода, жарятся в собственном соку. Она щелчком сбивает тараканов со стен. Улыбается и мысленно благодарит Эдди.

[1]. Морис Утрилло (1883–1955) — французский художник, мастер преимущественно городского пейзажа.

[2]. «Страна моя, о тебе» («Америка») — американская патриотическая песня на слова Сэмюэля Фрэнсиса Смита. Долгое время была неофициальным гимном США.

[3]. Шмуэль Клейн. Янки в ермолке. Мои дни и ночи в Восточном Бронксе. Мицва-пресс. — Прим. автора. (Здесь и далее автор имитирует ссылку для создания эффекта достоверности. — Прим. перев.)

[4]. Вассар — один из лучших частных университетов. До 1969 года был исключительно женским.

[5]. Перифраз «Я есть воскресение и жизнь». Евангелие от Иоанна, 11:25.

[6]. Шмуэль Клейн. Момент пфф. Городское детство. Мицва-пресс. — Прим. автора.

[7]. Тест Роршаха — психодиагностический тест для исследования личности, созданный в 1921 году швейцарским психиатром и психологом Германом Роршахом.

[8]. «Рокетс» — танцевальная труппа мюзик-холла «Радио-Сити» в Нью-Йорке.

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2011 ТАМУЗ 5771 – 7(231)

ДИБУК С МАЗЛТОВ-IV

דִּיבּוּק לְמַזְלוֹתִי

Следующей весной будет бар мицва моего внука Давида. Никто в нашей семье не проходил этот обряд за последние триста лет, с тех пор как мы, Левины, поселились в Старом Израиле, Израиле на Земле, вскоре после европейской Катастрофы. Некоторое время назад мой друг Элияу спросил, что я думаю насчет бар мицвы Давида: не злит ли меня эта идея, не раздражает ли меня обряд. Я ответил отрицательно. Все-таки мальчик — еврей, и если ему хочется бар мицву, то пусть так и будет. Наступает время перемен — да и когда оно было другим? Давид никак не связан традициями предков.

— С каких это пор еврей не связан традициями предков? — спросил Элияу.

— Ты понял, что я имел в виду, — ответил я. Разумеется, он понял. Мы связаны, и при этом мы свободны. Если что-нибудь из прошлого определяет нашу жизнь, то это родовые узы, а не философия наших далеких родичей. Мы принимаем то, что выбираем сами, но, несмотря на это, остаемся евреями. Я происхожу из семьи, члены которой любили говорить, особенно неевреям, что мы — евреи, но не слишком

еврейские. Мы признаем и любим свое наследие, но не собираемся путаться в устаревших ритуалах. Так говорили мои предки, начиная с тех светских Левиных, которые триста лет назад сражались, чтобы создать и сохранить Израиль (я имею в виду Старый Израиль). Я бы тоже так говорил, если бы в этом мире нашлись неевреи, которым нужно было бы объяснять подобные вещи. Но в Новом Израиле, затерянном среди звезд, есть только мы, а от ближайших неевреев нас отделяет дюжина световых лет. Это, конечно, если не считать неевреями кунивару. (Могут ли считаться неевреями существа, которые вообще не люди? Я не уверен. Вдобавок кунивару сегодня утверждают, что они евреи. У меня голова кругом идет. Это вопрос талмудической сложности, а я, видит Б-г, не талмудист. Акива, Раши[1], Гилель, помогите мне!) В любом случае в пятый день месяца сиван будет бар мицва сына моего сына, и я буду изображать гордого еврейского дедушку, как поступали все благочестивые евреи на протяжении шести тысяч лет.



Все взаимосвязано. Бар мицва моего внука, по сути, последнее звено в цепи событий, уходящих... как далеко? Ко дню, когда кунивару объявили о переходе в иудаизм? Или ко дню, когда дибук вошел в кунивара Сеула? Или ко дню, когда мы, беженцы, нашли плодородную планету, которую иногда зовем Новый Израиль, а иногда — Мазлгов-IV? Или ко дню Последнего земного погрома? Реб Йоселе Хасид мог бы сказать, что судьба моего внука Давида была определена в тот день, когда Г-сподь создал из праха Адама. Но я считаю это преувеличением.

Пожалуй, все началось в день, когда дибук завладел телом кунивара Сеула. До тех пор жизнь протекала не слишком сложно. Хасиды жили в своем поселении, мы, израильтяне, в своем, кунивару принадлежала остальная территория планеты, и все мы не совали нос в дела друг друга. После дибука все переменилось. Это случилось сорок лет назад, в эпоху первого поколения после приземления, на девятый день месяца тишрей в 6302 году. Я работал в поле, ведь тишрей — пора сбора урожая. День выдался жаркий, я работал быстро, напевая при этом. Я двигался вдоль грядок бобов, отмечая созревшие, когда на гребне холма, у подножия которого расположен наш кибуц, появился кунивар. Судя по неуверенной, шатающейся походке, с ним что-то случилось. Кунивар переставлял свои четыре ноги так, будто забыл, как ими пользоваться. Приблизившись ко мне примерно на сто метров, он крикнул:

— Шимон! Помоги мне, Шимон! Ради Б-га помоги!

В этом призыве о помощи оказалось много странностей, и я подмечал их постепенно, начиная с наиболее очевидной. Ни один кунивар не стал бы обращаться ко мне по имени, так как они соблюдают формальности. Еще более странным было то, что кунивар говорил на чистом иврите, а ни один из них в то время не знал нашего языка. Самым же странным представлялось то, что голос кунивара, глубокий и звучный, как две капли воды походил на голос моего дорогого покойного друга Йосефа Авнери. Это я осознал в последнюю очередь.

Кунивар доковылял до возделанного поля и остановился. Его тело тряслось, красивый зеленый мех свалился от пота, а золотые глаза вращались в орбитах. Он расставил все четыре ноги, как ножки стола, и обхватил грудь руками. Я признал в куниваре Сеула, младшего вождя соседней деревни, с которым мы, жители кибуца, иногда имели дело.

— Чем я могу помочь тебе? — спросил я. — Что с тобой случилось, Сеул?

— Шимон... Шимон... — из груди куниvara вырвался жуткий стон. — О Б-же, Шимон! Это просто невероятно! Как я это вынесу? Я даже не понимаю, как это могло случиться!

Никаких сомнений больше не было, кунивар говорил голосом Йосефа Авнери.

— Сеул? — спросил я, заикаясь.

— Меня зовут Йосеф Авнери.

— Йосеф Авнери умер год назад, в месяце элул. Не думал, что ты так хорошо имитируешь голоса, Сеул.

— Имитирую? Ты говоришь мне о подражании, Шимон? Я ничего не имитирую. Это я, Йосеф, мертвый, но все еще живой, за все мои грехи я оказался в чудовищном теле этого чужака. Ты еврей в достаточной степени, чтобы знать о дибуках, Шимон?

— Ну да, неприкаянная душа, захватывающая чужое тело.

— Я стал дибуком.

— Дибуков не бывает. Дибук — это порождение средневекового фольклора.

— Ты разговариваешь с одним из них.

— Это невозможно, — сказал я.

— Я согласен, Шимон, я согласен, — его голос звучал спокойнее. — Да, это совершенно невозможно. Я тоже не верю в дибуков, так же как не верю в Зевса, Минотавра, оборотней, горгон и големов. Но как еще объяснить это?

— Ты — Сеул, кунивар, разыгрывающий представление.

— Ты в самом деле так думаешь? Послушай, Шимон, я знал тебя, когда мы мальчишками жили в Тверии. Я спас тебя, когда мы рыбачили в озере и лодка перевернулась. Я был с тобой в тот день, когда ты встретил Лею, будущую жену. Я был сандаком[2] твоего сына Юваля. Мы вместе учились в университете в Иерусалиме. Мы вместе бежали в жуткие дни Последнего погрома. Мы вместе несли вахту в «Ковчеге», уносившем нас прочь от Земли. Ты помнишь, Шимон? Помнишь Иерусалим? Старый город, Масличную гору, гробницу Авессалома, Стену Плача? Кунивар, по-твоему, знает, что такое Стена Плача?

— Сознание не может пережить смерть, — упрямо возразил я.

— Год назад я бы согласился с тобой. Но кто же я, если не дух Йосефа Авнери? Кем еще я могу быть, по-твоему? Г-споди, да ты что, думаешь, мне приятно в это верить? Ты же знаешь, каким безбожником я был. Но тем не менее это правда.

— Возможно, у меня очень правдоподобная галлюцинация.

— Ну так позови людей. Если десять человек видят одно и то же видение, галлюцинация ли это? Будь благоразумным, Шимон! Вот я стою перед тобой, говорю тебе о вещах, о которых могу знать только я, а ты отрицаешь, что я — это я...

— Благоразумным? — взвился я. — Что в этом может быть разумного? Йосеф, ты хочешь, чтобы я поверил в призраков, в блуждающих демонов, в дибуков? Разве я какой-нибудь темный крестьянин из польской глухомани? Мы разве в Средние века живем?

— Ты назвал меня Йосефом, — тихо ответил он.

— Мне трудно звать тебя Сеулом, когда ты говоришь таким голосом.

— Так ты веришь в меня!

— Нет.

— Послушай, Шимон, ты же не знал большего скептика, чем я. Я не интересовался Торой, Моисея считал легендой, я пахал поле в Судный день, я смеялся в лицо несуществующему Б-гу. Что такое жизнь, спрашивал я, и отвечал — это случайность, биологический феномен. Но тем не менее вот он я. Я помню, как умер. Целый год я блуждал по этому миру бесплотным духом, ощущал материальные предметы, но не мог разговаривать. А сегодня вдруг обнаружил себя в этом теле и понял, что стал дибуком. Если даже я поверил, как ты, Шимон, можешь сомневаться? Ради нашей дружбы поверь в то, что я тебе рассказал!

— Ты на самом деле стал дибуком?

— Я стал дибуком.

Я пожал плечами.

— Хорошо, Йосеф. Ты — дибук. Это безумие, но я верю тебе.

Поверил ли я на самом деле? Или я поверил, что поверил? Как мог я не верить... Кунивар заговорил голосом Йосефа Авнери, и другого объяснения этому не было. Меня прошиб холодный пот. Я столкнулся лицом к лицу с невероятным, и все мое мировоззрение пошатнулось. Теперь все возможно. Б-г может взывать ко мне из пылающего куста. Солнце может остановиться. Нет уж, сказал я себе, давай-ка принимать иррациональные вещи поэтапно, по одной за раз. Появилось свидетельство существованию дибуков, значит, дибуки существуют. Но все прочее, относящееся к невидимому миру, оставим несуществующим, пока не убедимся в обратном.

— Как ты думаешь, почему это случилось именно с тобой? — спросил я его.

— Это может быть только наказанием.

— Наказанием за что, Йосеф?

— За мои эксперименты. Ты знал, что я изучал метаболизм кунивару, не так ли?

— Да, конечно. Но...

— А ты знал, что я оперировал кунивару в нашей больнице? Никому не говоря, я использовал пациентов в запрещенных исследованиях. Это была вивисекция, Шимон.

— Что?! — Я не верил собственным ушам.

— Мне нужны были сведения, получить которые я мог только одним способом. Страсть к познанию ввергла меня в грех. Я говорил себе, что эти существа больны, что в любом случае они скоро умрут, а если я вскрыю их живыми, то от этого все получают пользу. Понимаешь? Вдобавок они не были людьми, это были всего лишь животные. Очень умные животные, но тем не менее...

— Нет, Йосеф. Я охотнее поверю в дибуков, чем в это. Чтобы ты делал такие вещи? Мой хладнокровный друг, ученый, мудрец? — Я содрогнулся и отступил на несколько шагов. — Освенцим! Бухенвальд! Дахау! Эти названия говорят тебе о чем-нибудь? Это не люди, говорили нацистские врачи, это всего лишь евреи, а наша нужда в научных сведениях... Это было всего лишь триста лет назад, Йосеф. И ты, еврей, из всех людей именно ты...

— Я знаю, Шимон, я знаю. Избавь меня от нравоучений. Я ужасно согрешил и за свои грехи попал в это неповоротливое, жирное тело на четырех ногах, движения которых с трудом могу координировать, с кривой спиной, с грязной жаркой шкурой. Я все еще не верю в Б-га, но верю в некую вселенскую силу, воздающую за дела. И мне воздалось по делам моим, Шимон, о да! Я пережил сегодня шесть часов безумного ужаса, я даже не подозревал, что можно так испугаться. Оказаться в этом теле, поджариться в этой жаре, чувствовать себя погрёбённым в массе плоти, испытывать совершенно чуждые

ощущения от органов чувств — это настоящий ад, и я не преувеличиваю! Я бы умер от шока через десять минут, если б уже не был мертвым. Только сейчас, когда я вижу тебя и говорю с тобой, я начинаю контролировать себя. Помоги мне, Шимон.

— Что ты хочешь, чтоб я сделал?

— Вытащи меня отсюда. Это пытка. Я мертвец, я должен упокоиться, как упокоились прочие мертвецы. Освободи меня, Шимон.

— Но как?..

— Как? Как? Откуда я знаю? Я что, эксперт по дибукам? Я что, должен руководить собственным экзорцизмом? Знал бы ты, как трудно удерживать это тело в стоячем положении, заставляя язык произносить ивритские слова так, чтобы ты понял меня... — Неожиданно кунивар опустился на колени. Процесс был медленным, сложным, отчасти напоминающим то, как опускались земные верблюды. Чужак начал быстро неразборчиво бормотать и стонать, размахивая руками, на мягких губах выступила пена. — Ради всего святого, Шимон! — закричал Йосеф. — Освободи меня!

Я позвал Игаля, моего сына, и он быстро прибежал с дальнего края поля, поджарый здоровый мальчик, всего одиннадцати лет от роду, но уже длинноногий и крепкий. Не вдаваясь в детали, я показал ему на страдающего кунивара и велел позвать на помощь жителей кибуца. Через некоторое время он вернулся и привел семь-восемь человек — Абрашу, Ицхака, Нахума, Ури, кого-то еще. Все вместе мы кое-как погрузили тяжелое тело кунивара в кузов уборочной машины и отвезли в нашу больницу. Там два доктора, Моше Шилоах и еще один, начали осматривать больного чужака. Тем временем я послал Игаля в деревню кунивару рассказать, что Сеул потерял сознание на нашем поле.

Доктора быстро пришли к выводу, что Сеула поразил тепловой удар. Они начали обсуждать инъекцию, которую следует сделать кунивару, когда Йосеф Авнери, все это время хранивший молчание, вновь заговорил. В операционной в тот момент оставались Ури и Нахум. Я не хотел, чтобы безумные слухи поползли по кибуцу, и поспешно вывел их оттуда, попросив забыть обо всем. Когда я вернулся, доктора занимались своим делом, а Йосеф терпеливо объяснял им, как стал дибуком.

— Жара свела бедное создание с ума, — пробормотал Моше Шилоах и воткнул огромную иглу в одну из конечностей Сеула.

— Заставь их выслушать меня, — обратился ко мне Йосеф.

— Вы же узнаете этот голос. Тут происходит что-то необычное, — сказал я. Но врачи не хотели верить в дибуков. Йосеф протестовал, а медики продолжали накачивать тело Сеула транквилизаторами, укрепляющими и прочими лекарствами. Даже когда Йосеф начал рассказывать кибуцные слухи прошлого года — кто с кем спал, кто воровал вещи с общего склада и продавал кунивару, — они не обращали на его слова никакого внимания. Складывалось впечатление, что они настолько отказывались верить в то, что кунивар говорит на иврите, что даже не вслушивались в его речь. Слова Йосефа они считали бредом Сеула. Наконец кунивар приподнялся и громким голосом сердито сказал:

— Ты, Моше Шилоах! На борту «Ковчега» я застал тебя в постели с женой Тевье Кона! Ты думаешь, кунивар может об этом знать?

Шилоах ахнул, покраснел и выронил шприц. Второй врач тоже замер на месте, пораженный услышанным.

— Что он говорит?! Как такое может?.. — пролепетал врач.

— Ну давай, продолжай утверждать, что это не я! — проревел Йосеф. Докторам было так же трудно поверить в происходящее, как и мне, да и самому Йосефу в свое время. Мы все были очень рациональны, живя в кибуце, и сверхъестественному не находилось места в нашей жизни. Но феномен отрицать было невозможно. Кунивар Сеул голосом Йосефа Авнери говорил о том, что мог знать только Йосеф, а Йосеф умер больше года назад. Зовите это дибуком, галлюцинацией, да чем угодно, но отрицать присутствие Йосефа было бессмысленно.

— Мы должны решить, что делать, — сказал Моше Шилоах, оглянувшись на двери. Обсуждение ситуации протекало бурно. Мы согласились, что положение тяжелое и очень деликатное. Несчастный Йосеф требовал, чтобы его изгнали из тела кунивара и позволили упокоиться со всеми покойниками. Пока мы его не умиротворим, он будет донимать нас. Боль и раздражение могут заставить его раскрыть множество секретов нашей личной жизни, ведь покойнику наплевать на правила поведения в обществе! Этого мы допустить не можем. Но что делать? Связать его и посадить под замок? Вряд ли. Йосеф заслужил лучшее обращение. Опять же, следовало помнить и о несчастном Сеуле, чье тело захватила чужая душа. Мы не могли держать кунивара в кибуце, под замком или на свободе, даже если его тело занял представитель нашего народа. Отправить Сеула домой, пока Йосеф остается его невольным гостем, мы тоже не могли. Так что же делать? Отделить душу от тела, каким-то образом восстановить целостность Сеула, а Йосефа отправить в мир мертвых. Но как? От заражения дибуком в стандартной фармакопее лекарств не существует. Как найти выход?

Я послал за Шмарьей Ашем и Яковом Бен-Ционом, которые в тот месяц председательствовали в совете кибуца, и за Шломо Фейгом, нашим раввином, проницательным и решительным человеком, совершенно неортодоксальным — он вел почти такой же светский образ жизни, как и все мы. Они тщательно допросили Йосефа, и он рассказал им всю свою историю, от скандальных незаконных опытов до посмертного существования в виде бродячей души и неожиданного вселения в тело Сеула. Наконец Шмарья Аш повернулся к Моше Шилоаху и сказал:

— Должно быть какое-то лекарство для таких случаев.

— Я не знаю таких медикаментов.

— Но это же шизофрения! — сказал Аш строгим, непреклонным тоном. — Шизофрению лечат. Есть всякие лекарства, электрошоковая терапия... Вы, Моше, разбираетесь в этом лучше, чем я.

— Это не шизофрения, — резко возразил Шилоах. — Это разновидность одержимости демонами. Мне неизвестно, как лечить подобное заболевание.

— Одержимость демонами? — прорычал Шмарья. — Вы что, с ума сошли?

Все принялись кричать друг на друга, и Шломо Фейг был вынужден вмешаться.

— Тише, тише все, — голос раввина перекрыл гвалт. Воцарилось молчание. Он был очень сильным человеком, физически и духовно, и весь кибуц обращался к нему за советами, хотя почти никто из нас не соблюдал еврейских обычаев. — Мне так же трудно принять это, как и вам. Но свидетельство оказалось сильнее моего скептицизма. Как мы можем отрицать, что Йосеф Авнери вернулся дибуком? Моше, ты знаешь, как заставить этого незваного гостя покинуть тело кунивара?

— Нет.

— Может, сами кунивара знают? — предположил Яков Бен-Цион.

— Именно к этому я и веду, — сказал раввин. — Кунивара — народ примитивный, они живут гораздо ближе к миру магии и колдовства, духов и демонов, чем мы. Мы воспитаны в духе рационализма. Может, у них нередки случаи одержимости демонами. Может, они разработали технологию изгнания духов. Обратимся к ним, и пусть они сами излечат себя.



Игаль вернулся, приведя с собой шестерых кунивару, в том числе Гйаймара, деревенского вождя. Компания огромных пушистых кентавров полностью заполнила собой больничное помещение. Их едкий запах раздражал меня, вдобавок я начал их побаиваться, хотя раньше они никогда не внушали мне страха. Кунивару всегда держались дружелюбно и не возражали, когда мы беженцами явились на их планету. Они забросали Сеула вопросами на своем языке, а когда Йосеф ответил на иврите, они стали переговариваться между собой, но мы ничего не понимали. Неожиданно прорвался голос Сеула, он говорил судорожно, односложными словами, что свидетельствовало о страшном шоке, которому подверглась его нервная система. Затем чужак исчез, и снова говорил Йосеф. Он просил прощения и умолял об освобождении.

Шломо Фейг спросил Гйаймара:

— Такое уже случилось в этом мире?

— О да, да, много раз, — ответил вождь. — Если один из наших умирает, а его душа была слишком грешной, чтобы заслужить покой. Тогда душа долго скитается, пока не получит прощения. В чем грех этого человека?

— Нееврею трудно будет понять, — быстро ответил раввин. — Важнее знать, можете ли вы чем-нибудь помочь бедному Сеулу, чьи страдания все мы глубоко переживаем.

— Да, у нас есть средства, — ответил вождь.

Шестеро кунивару подняли тело Сеула на плечи и понесли его из кибуца, а нас пригласили следовать за ними, если хотим. Я пошел, и пошли Моше Шилоах, Шмарья Аш, Яков Бен-Цион, раввин и, возможно, кто-нибудь еще. Кунивару отправились не в свою деревню, а на луг, лежавший в нескольких километрах к востоку, в сторону того места, где жили хасиды. Вскоре после нашей высадки на этой планете кунивару сказали, что луг — священное место, и никто из нас не заходил туда.

Это был очаровательный уголок, зеленый, влажный, небольшая впадина, изрезанная десятком холодных ручейков. Кунивару пристроили Сеула на берегу одного из ручьев и пошли в лес собирать хворост и разные травы. Мы остались возле Сеула.

— Ничего хорошего из этого не выйдет, — сказал Йосеф Авнери. — Дурацкое занятие, пустая трата сил и времени.

Три кунивару вернулись и начали складывать хворост для костра. Еще двое принялись резать собранные растения, наваливая кучи листьев, стволов и корней. Постепенно на лугу появлялись новые кунивару, и вскоре они заполнили все пространство вокруг. Их было около четырех сотен — вся деревня пришла, чтобы смотреть или участвовать в ритуале. Они принесли с собой музыкальные инструменты — барабаны и трубы, лиры и лютни, трещотки и хлопучки, маленькие арфы, деревянные флейты. Инструменты отличались изяществом и красотой форм. Мы и не подозревали, что у кунивару настолько

разнообразная и сложная музыкальная культура. Жрецы — я думаю, что это были жрецы, кунивару высокого положения, — носили церемониальные шлемы и мантии из золотистого меха морских животных. Простые кунивару принесли также ленты и флажки, кусочки ярких тканей, полированные каменные зеркала и другие украшения. Увидев, какой яркой будет церемония, Моше Шилоах, антрополог-любитель, побежал в кибуц за видеокамерой. Он вернулся, тяжело дыша, как раз к началу ритуала.

Церемония выглядела впечатляюще. Курился фимиам, ярко горел костер, разбрасывая искры, свежесобранные травы распространяли резкий аромат. Кунивару тяжело отплясывали полуоргаистический танец, хор выводил грубые, лишенные ритма мелодии. Гйаймар и старший жрец распевали антифональную песню, испуская длинные, переливчатые звуки. Они окропили Сеула розовой жидкостью с приятным запахом из резного деревянного сосуда. Никогда еще я не был свидетелем столь великолепного зрелища.

Однако мрачное предсказание Йосефа сбылось, весь ритуал оказался бессилён. Два часа интенсивного экзорцизма не возымели никакого действия. Когда старший жрец издал пять жутких звуков, ознаменовавших конец церемонии, Йосеф по-прежнему полностью владел телом Сеула.

— Вы не смогли победить меня, — сказал дибук унылым голосом.

— Похоже, нам не справиться с душой, рожденной на Земле, — констатировал Гйаймар.

— Ну и что же нам теперь делать? Наша наука и их магия потерпели неудачу, — сказал Яков Бен-Цион, ни к кому не обращаясь.

Йосеф Авнери что-то пробормотал, махнув рукой на восток, в сторону деревни хасидов.

— Нет! — воскликнул Фейг, стоявший близко к нему.

— В чем дело? — спросил я.

— Ничего, ничего. Он бредит, эта длинная церемония затуманила его сознание. Не обращайте внимания. Я подошел ближе.

— Скажи мне, Йосеф, чего ты хочешь?

— Я говорю, что нам, возможно, следует послать за Бааль-Шемом, — тихо сказал дибук.

— Глупости! — яростно сказал раввин.

— Откуда у вас эта ненависть? — спросил Шмарья Аш. — Вы же сами первым предложили использовать колдовство кунивару. Вы с радостью позвали чужих врачей-магов, но не хотите позволить еврею попытаться оказать помощь в том же деле? Будьте последовательны, Шломо!

Лицо раввина пошло пятнами гнева. Было странно видеть этого обычно спокойного, даже мягкого человека в таком раздражении.

— Я не собираюсь иметь дела с хасидами! — заявил он.

— Похоже, это профессиональные разногласия, — констатировал Моше Шилоах.

— Признать все иррациональное, средневековое, дремучее, что есть в иудаизме? Согласиться со всеми древними суевериями? Нет и еще раз нет!

— Но дибук как раз и относится к сфере иррационального, дремучего и средневекового, — возразил Йосеф Авнери.

— Кто справится с дибуком лучше, чем раввин, душа которого крепко держится за старые верования?

— Я запрещаю вам! — голос Шломо Фейга сорвался на визг. — Если придет Бааль-Шем, я... я...

— Рабби! — Йосеф тоже кричал. — На одной чаше весов моя измученная душа, а на другой ваша оскорбленная духовная гордость! Прочь с дороги! Приведите ко мне Бааль-Шема!

— Я отказываюсь!

— Смотрите! — воскликнул Яаков Бен-Цион, показывая в сторону. Как выяснилось, спор носил уже чисто теоретический характер. Наши братья-хасиды явились незваными на священный луг: длинная процессия фигур доисторического вида, закутанных в традиционные черные одеяния, с широкополыми шляпами на головах. Лица обрамляли густые бороды, из-под шляп вились пейсы. Новоприбывших возглавлял цадик, их святой, их пророк и вождь, реб Шмуэль Бааль-Шем.



Мы определенно не собирались брать хасидов с собой, когда бежали с Земли, от дымящихся руин Израиля. Мы мечтали оставить на Земле все печали и горести и создать новый еврейский мир на другой планете, без наших вечных врагов-неевреев, но и без наших собственных религиозных фанатиков, слишком долго высасывавших наши жизненные соки. Мы не нуждались в мистиках, истериках, плакальщиках, нытиках и колдунах, нам требовались фермеры, механики, инженеры и строители. Но могли ли мы отказать им в месте на «Ковчеге»? Им повезло, что они обратились к нам, когда мы заканчивали подготовку к полету. Ночной кошмар, омрачавший нашу жизнь триста лет, стал реальностью — наша родина пылала, войска были разбиты, филистимляне с длинными ножами рыскали по нашим городам. Корабль был готов отправиться к звездам. Мы были не трусами, но реалистами и понимали, что больше не выстоим. И если какой-то части нашего древнего народа суждено выжить, так только в космосе, подальше от жестокой Земли. Мы уже готовились к отбытию, когда появились реб Шмуэль и его тридцать последователей. Они просили о помощи. Мы не могли отказать и тем самым обречь их на верную гибель. Они — люди и они — евреи. Несмотря на все опасения, мы приняли их на борт.

Затем было путешествие, год за годом плыли мы по небесам, пока не наткнулись на звезду, лишенную имени, имевшую только номер. Четвертая планета оказалась плодородной и гостеприимной, здесь был более счастливый мир, чем Земля. И мы возблагодарили Б-га, в которого не верили, и закричали «Мазлтов! Мазлтов! Хорошая удача, хорошая удача, хорошая удача!» Потом кто-то заглянул в старую книгу и вычитал, что в старину слово «мазл» имело астрологический характер. В библейские времена оно значило не только удачу, но и счастливую звезду. Так что мы назвали нашу звезду Мазлтов и высадились на планете Мазлтов-IV, чтобы построить Новый Израиль. Здесь у нас не было врагов — ни египтян, ни ассирийцев, ни римлян, ни казаков, ни нацистов, ни арабов. Здесь были только кунивару, простой, добрый народ, они торжественно глядели на наши попытки объясниться при помощи пантомимы, а затем жестами ответили: добро пожаловать, у нас больше земли, чем нам нужно. И мы построили наш кибуц.

Но мы не хотели жить вместе с хасидами, этими остатками прошлого. Они тоже не питали к нам большой любви, ведь для них мы были язычниками, безбожными евреями, которые хуже гоев. Так что хасиды ушли и построили себе маленькую грязную деревню. Иногда, если ночь выдавалась особенно тихой, издали до нас доносились их песнопения, но в целом мы почти не общались с ними.

Я мог понять, почему рабби Шломо так категорически возражает против вмешательства Бааль-Шема. Хасиды представляли иную сторону иудаизма, мистическую, темную, неконтролируемую дионисийскую сторону, «скелет в шкафу» нашего народа. Шломо Фейг мог умиляться или восторгаться ритуалами пушистых кентавров, но такое же поведение евреев вызывало у него отвращение. И еще кое-что. Умный и здравомыслящий Шломо Фейг не имел учеников и последователей среди умных и здравомыслящих светских евреев кибуца, а хасиды смотрели на Шмуэля Бааль-Шема с благоговением, для них он был чудотворцем, провидцем и святым. Однако какими бы понятными ни были возражения рабби Шломо, Йосеф Авнери был прав: дибуки относились к фантастическому миру Шмуэля.

Шмуэль Бааль-Шем был очень высоким, худым, костлявым человеком со скуластым лицом, обрамленным мягкой, густой и кудрявой бородой. Его глаза смотрели спокойно и мечтательно. Он выглядел пятидесятилетним, но с тем же успехом мог оказаться и тридцати-, и семидесяти-, и даже девяностолетним. Умение создать драматический эффект не подвело его и в тот раз. Полдень давно миновал, и он встал спиной к солнцу, так что его длинная тень накрыла нас, протянул вперед руки и сказал:

— Мы слышали, что среди вас завелся дибук.

— Нет никакого дибука! — сердито ответил рабби Шломо.

Бааль-Шем улыбнулся:

— Но здесь есть кунивар, говорящий голосом израильтянина.

— Да, случилось нечто непонятное, — признал рабби Шломо. — Но в наше время и на этой планете никто не относится серьезно к дибукам.

— То есть вы лично не относитесь серьезно к дибукам, — уточнил Бааль-Шем.

— А я отношусь! — закричал Йосеф Авнери. — Это я! Я! Я и есть дибук! Я, Йосеф Авнери, умерший год назад в элуле, за свои грехи осужден на пребывание в теле этого кунивара! Еврей, реб Шмуэль, еврей, жалкий, грешный, несчастный аид. Кто выпустит меня? Кто меня освободит?

— Нет дибука, говорите? — добродушно спросил Бааль-Шем.

— Этот кунивар обезумел, — буркнул Шломо Фейг.

Мы чувствовали себя неловко, смущенно покашливали и переминались с ноги на ногу. Если кто и сошел с ума, так это наш раввин, взявшийся с таким жаром отрицать феномен, который сам же и признал, пусть неохотно, несколькими часами ранее. Узвленная гордость и отчаянное упрямство мешали ему рассуждать здраво. Взбешенный Йосеф Авнери начал громко называть буквы ивритского алфавита, затем прочитал «Шма Израэль» — и говорил другие вещи, чтобы доказать свое существование. Бааль-Шем молча терпеливо ждал, воздев руки. Крепкий, коренастый Шломо, казавшийся карликом рядом с высоким хасидом, продолжал настаивать на рациональном объяснении происшествия с куниваром Сеулом.

Дождавшись, когда Фейг замолчит, Бааль-Шем сказал:

— В этого кунивара вселился дибук. Вы думаете, рабби Шломо, что дибуки перестали скитаться после разрушения местечек в Польше? Перед взором Б-жым ничто не исчезает навсегда. Евреи ушли к звездам, Тора, Талмуд и Зоар тоже ушли к звездам, стало быть, и дибуку может найтись место в этих чужих мирах. Рабби Шломо, могу ли я принести мир этой уставшей душе и этому несчастному кунивару?

— Делайте что хотите, — хмуро пробормотал в ответ Шломо Фейг и отошел в сторону. Реб Шмуэль приступил к изгнанию духа. Сперва он созвал миньян^[3]. Восемь его хасидов вышли вперед, мы со Шмарьей Ашем переглянулись и хотели присоединиться к ним, но Бааль-Шем с улыбкой отстранил нас и подозвал еще двух хасидов. Они встали в круг и запели. К моему глубокому стыду, я ни слова не понимал из их песни, так как они пели на галицийском диалекте идиша, языка, столь же чуждого для меня, что и язык кунивару. Пропев десять—пятнадцать минут, хасиды пришли в движение. Они начали хлопать в ладоши и закружились в танце вокруг Бааль-Шема. Вдруг он опустил руки по швам, и, повинувшись ему, хасиды замолчали. Бааль-Шем заговорил на иврите, и через мгновение я узнал девяносто первый псалом:

«Прибежище мое и защита моя, Б-г мой, на Которого я уповаю». Мелодичным голосом он допел псалом до конца, обещающего избавление и спасение. Несколько мгновений стояла тишина, а потом реб Шмуэль заговорил. Пугающим голосом, негромким, но очень строгим, он приказал душе Йосефа Авнери оставить тело куниvara Сеула.

— Вон! Вон! Именем Б-жым приказываю тебе: уйди и упокойся с миром навечно!

Один из хасидов протянул Бааль-Шему шофар. Тот поднес его к губам и издал один оглушительный звук. Йосеф Авнери завыл. Кунивар, чьим телом он завладел, сделал три неверных шага.

— Ой, мама, мама! — простонал Йосеф.

Кунивар запрокинул голову, руки вытянулись вдоль тела. Неожиданно он упал на колени и замер. Казалось, прошла целая вечность. Наконец Сеул поднялся, на сей раз уверенно, с естественной грацией куниvara, подошел к Бааль-Шему, снова опустился на колени и прикоснулся к краю его черного одеяния. Так мы поняли, что обряд свершился.

Напряжение тут же исчезло. К Бааль-Шему ринулись два куниварских жреца и Гйаймар, затем музыканты, потом нам показалось, что все племя рванулось к нему. Каждый хотел прикоснуться к святому. Хасиды беспокойно зашевелились, но Бааль-Шем, возвышавшийся над бурлившей толпой, спокойно благословлял кунивару, легко касаясь спин, покрытых густым мехом. Затем кунивару заговорили все разом, и некоторое время мы не могли понять смысла сказанного. Мне, Моше Шилоаху и Якову Бен-Циону удалось разобрать слова, и мы было засмеялись, но тут же замолчали.

— О чем они говорят? — спросил Бааль-Шем.

— Они говорят, что уверовали в могущество вашего Б-га, — ответил я. — Они хотят стать евреями.

Спокойствие и безмятежность Бааль-Шема исчезли без следа. Растворив кунивару, он бросился к нам:

— Это же абсурд!

— Да посмотрите на них, реб Шмуэль! Они поклоняются вам.

— Я отвергаю их поклонение!

— Вы совершили чудо у них на глазах. Можно ли осуждать их за преклонение перед вами и жажду вашей веры?

— Пусть себе преклоняются, но как они могут стать евреями? Это какое-то издевательство!

Я покачал головой:

— А что вы сами говорили рабби Шломо? Ничто не исчезает навсегда перед взором Б-жым. Всегда были люди, переходившие в иудаизм. Мы не звали их, но и не выгоняли, когда они шли к нам с открытой душой, а, реб Шмуэль? Мы далеко среди звезд, но и здесь традиция сохраняется, и традиция велит нам не ожесточать сердца перед теми, кто ищет Б-жественную истину. Это честный, добрый народ, так примите его в лоно Израиля!

— Нет! — ответил Бааль-Шем. — Еврей прежде всего должен быть человеком.

— Покажите мне, где именно это написано в Торе.

— Тора! Вы что, шутите? Еврей должен быть человеком! Может ли кошка или лошадь принять иудаизм?

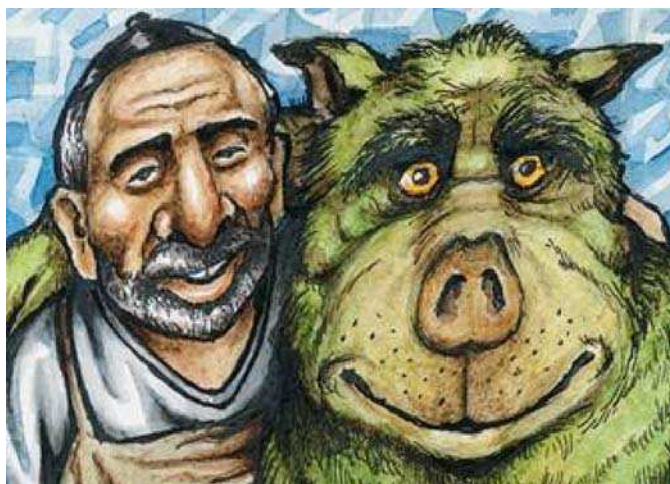
— Этот народ — не кошки и не лошади. Они такие же люди, как и мы.

— Нет! Нет!

— Если на Мазлтов-IV есть дибук, то почему бы еврею не иметь шесть конечностей и зеленый мех?

— Нет! Нет! Нет! Нет!

Бааль-Шему надоел разговор. Грубо отталкивая протянутые руки кунивару, он созвал последователей и ушел, не попрощавшись с нами.



Но разве можно развеять искреннюю веру? Хасиды не пошли навстречу кунивару, тогда туземцы пришли к нам. Они изучили иврит, мы дали им книги, рабби Шломо рассказал о религии, и настало время, когда они перешли в иудаизм. Все это произошло во времена первого поколения после высадки. Многие из очевидцев уже умерли — рабби Шломо, реб Шмуэль, Моше Шилоах, Шмарья Аш. Я тогда был еще молод. Я видел много хорошего с тех пор и если сам не приблизился к Б-гу, то, возможно, Он стал ближе ко мне. Я ем мясное с молочным и обрабатываю землю в субботу, но эти старые обычаи не имеют ничего общего с верой или неверием.

Мы с кунивару стали гораздо ближе, чем раньше. Мы считаем их не чужаками, а соседями, чьи тела несколько отличаются от наших. Особенно дружна с ними молодежь. В прошлом году рабби Лхаоир предложил мальчикам учиться в его талмуд торе, религиозной школе в деревне кунивару, так как в кибуце после смерти рабби Шломо некому вести занятия. Услышав об этом, реб Йоселе, сын и наследник Шмуэля Бааль-Шема, пришел к нам в кибуц с резкими возражениями. Если вы хотите, чтобы мальчики учились, то посылайте их к нам, а не к зеленому чудищам, сказал он. Игаль, мой сын, вышвырнул его прочь.

Словом, сын моего сына изучал Тору под руководством рабби Лхаоира, а следующей весной мы будем отмечать его бар мицву. Может, в другой раз меня бы ошарашило такое развитие событий, но сегодня я скажу: как интересно! Как захватывающе! Как неожиданно! У Б-га, если Он существует, отличное чувство юмора. Думаю, Б-г, способный улыбнуться и подмигнуть, не воспринимает Себя чересчур серьезно. Кунивару — еврей? Да! Они готовят Давида к бар мицве? Да! Сегодня Йом Кипур, и из их деревни доносятся звуки шофара? Да! Да будет так. Да будет так и да славится имя Его.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

В ближайшее время в издательстве «Текст / Книжники» выйдет в свет сборник американской еврейской фантастики под названием «Дибук с Мазлтов-IV»

[1]. Раши — акроним словосочетания «рабейну Шломо Ицхаки» (1040–1105), крупнейший средневековый комментатор Талмуда.

[2]. *Сандак (ивр.) — почетный гость на обрезании, который во время обряда держит младенца на руках.*

[3]. *Миньян (ивр.) — букв. «счет», десять взрослых мужчин, требуемых для религиозной службы.*

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2011 ТАМУЗ 5771 – 7(231)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ШИЗОФРЕНИИ

Лев Усыскин

Перед нами настоящий «кирпич» — кирпич во всех смыслах: книга 14x5x22, ровно в тысячу страниц толщиной и весом 1 кг[1]. Очень строгая научная монография, весьма нелегкая для любительского разгрызания — ибо скрупулезность автора порой граничит с форменной занудностью. При этом, однако, исследователь не слишком пытается вытравить из своего нарратива нешуточный, по-видимому, личный темперамент. Сочетание занудства с темпераментом — вещь достаточно

редкая и по-своему симпатичная... но оставим пустопорожнюю лирику и приступим к содержательной части.



Οὐραία ἡ Λεχαιμία. Οἱ ὀρθόδοξοὶ ἐν τῶν XIX - ἰ ἀ-αἰῶν XIX αἰῶν

Каковая, в полном соответствии с заглавием, охватывает несколько сюжетов этноконфессиональной политики, проводившейся в 1858–1880 годах властями Российской империи в Северо-Западном крае, то есть на белорусской и литовской территории, отошедшей к России в ходе разделов Речи Посполитой в 1772–1795 годах. Значительную часть жителей этих земель составляли католики, униаты и евреи — в отношении этих групп населения, собственно, и проводилась названная политика.

Читателям «Лехаима», разумеется, интересна та часть книги, которая касается евреев непосредственно — это две главы из одиннадцати плюс несколько разбросанных по всей книге замечаний. (Сразу отметим, что автор оставляет в стороне все вопросы, связанные с чертой оседлости, еврейским землевладением, службой евреев в армии, еврейским самоуправлением и т. д., сосредотачиваясь на проблемах религиозных и культурно-образовательных.) Все прочее — католико-униатская тема, вроде бы к евреям отношения не имеющая. Кажется, эту часть можно и не читать.

Ан не вполне так. Дело в том, что мы, если только не являемся профессиональными исследователями эпохи Александра Освободителя, выносим из книги не столько совокупность эмпирических фактов, сколько некоторую общую картину. Неисторик вообще читает любую монографию

по истории как своего рода исторический роман из жизни идей и уже в таком качестве ее оценивает: хороша ли она или плоха.

Что же мы имеем в данном случае? «Еврейская» часть труда Долбилова хороша уже тем, что не скатывается ни на одну из двух проторенных дорожек: характерный для провинциального популярного этнографизма взгляд, гласящий, что страшное, жестокое и иррационально евреененавистническое правительство России ночей не спало, размышляя, как бы поокончательнее извести евреев (и только одних евреев!), или же, напротив, подход антисемитского двухтомника Солженицына, декларирующий, что российские власти постоянно несли евреям добро и свет, а те по своей косности подобных усилий не принимали и не ценили. Так вот, совсем иное восприятие тех же самых драматических событий возникает, если расширить контекст, дополнив отношения евреев с русской властью их отношениями с властями иных государств, а также отношением русской власти с неевреями.

Именно в этом ключе «католические» главы книги Долбилова оказываются полезны для читателя, интересующегося историей евреев России: они дают возможность понять, например, что острее репрессивных мер конфессиональной политики было тогда направлено отнюдь не на евреев. Евреев, во всяком случае, никто в массовом порядке полицейскими мерами не загонял в православие — а именно так обошлись в Северо-Западном крае со всеми униатами разом, а затем по меньшей мере с сотней тысяч «чистых» католиков римского обряда. И никто не ссылал и не сажал под арест раввинов пачками без внятного обвинения и суда — как сплошь и рядом поступали с не понравившимися властям ксендзами. В общем, расчесывая в себе сладко ноющую ранку виктимности, следует все-таки понимать, что отнюдь не твои предки по этой части были чемпионами...

Но какова же была политика государства российского в отношении евреев? К концу правления Николая I понимание российскими властями жизни еврейского населения ушло заметно вперед в сравнении с временами приснопамятных инспекций Г.Р.Державина и его невежественных отчетов. Никто уже всерьез (то бишь как магистральное направление политики) не пытается отучить массы евреев от занятий торговлей в пользу земледелия и других «созидательных» видов деятельности. Никто уже не борется с Талмудом как с источником искажения чистого иудаизма Ветхого Завета. (Начальство вроде бы понимает, что без Талмуда евреям никак, однако следы подозрительности к этой книге нет-нет да и прорываются.) Да и о том, что внутри еврейской общины существует своя довольно действенная система образования, николаевские и постниколаевские администраторы уже знали.

Иудаизм официально был признан терпимым в империи вероучением, а значит, его следовало инкорпорировать в существующую систему. Еще в 1826 году на раввинов возложили обязанность ведения метрических записей, а в 1844-м стараниями министра народного просвещения С.С.Уварова (того самого, который «православие-самодержавие-народность») начали создавать сеть специальных учебных заведений для евреев, состоящую из начальных школ (чуть ли не обязательных для еврейских мальчиков) и двух раввинских училищ. В совокупности эти заведения должны были хоть как-то познакомить евреев с русским языком и культурой, а училища за десятилетний курс еще и подготовить тех самых «казенных раввинов», которые как раз и были уполномочены совершать значимые в гражданском отношении обряды.

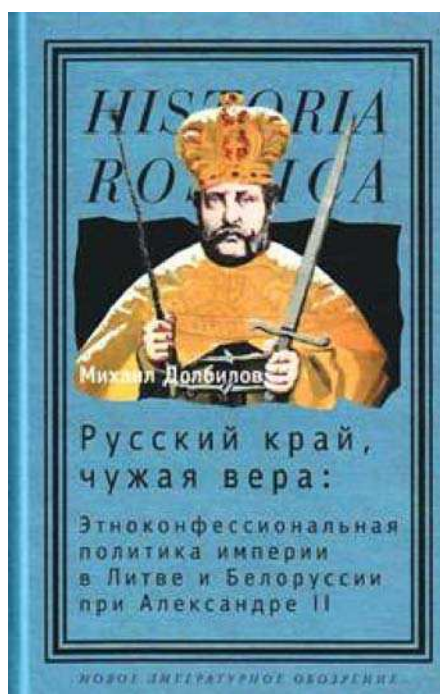
Такова была ситуация к началу эпохи великих реформ, когда к власти в Северо-Западном крае пришли администраторы с мандатом на ревизию существующих взглядов и подходов. По сути, Долбилов разбирает два аспекта такой ревизии: попытку увеличить присутствие русского языка в уваровских учебных заведениях и, шире, в еврейском религиозном обиходе, а также дискуссию о необходимости расформировать специальные еврейские учебные заведения, обеспечив взамен евреям доступ в общие учебные заведения Российской империи — гимназии, прогимназии, реальные училища, университеты. Не станем здесь пересказывать все перипетии этих сюжетов, ибо это значило бы пересказывать книгу: описываемый в ней процесс куда важнее результата, получившегося, по российскому либерально-бюрократическому обыкновению, весьма смазанным, противоречивым и не впечатляющим. Вместо этого попробуем вычленив своего рода психологическую карту российской власти, открывшуюся в ходе этих ее тело- и мыслдвижений. А заодно попробуем поставить себя на ее место.

Итак, первым желанием имперских администраторов было банальное стремление понять происходящее внутри еврейской общины. Артикулировалось это как «преодоление еврейской замкнутости». Едва ли можно их в этом упрекнуть: управлять черным ящиком гораздо сподручнее, если имеешь представление о процессах внутри него. Сложность и разнообразие этих внутрееврейских процессов, наличие различных партий в общине были для генерал-губернаторских чиновников очевидны. Глубокого понимания всех этих материй, однако, не хватало — и, как водится в подобных ситуациях, незнание порождало страхи. Тем более что всегда найдутся те, кому эти страхи выгодны и кто станет не покладая рук

их культивировать. В итоге возник и до известной степени укоренился в сознании чиновника классический конспирологический страх перед неведомым и невидимым «кагалом» — тайным органом внутриобщинного управления евреев, враждебным к имперской власти. (К реальным кагалам — органам еврейского самоуправления времен Речи Посполитой, к моменту воцарения Александра II исчезнувшим напрочь, — все это отношения не имело.)

Помимо этого, власти предрасположенные были убеждены, что религиозная жизнь евреев должна протекать в некоторых рамках, исключающих, с одной стороны, атеизм как благоприятную среду для формирования антиобщественного мировоззрения (здесь возразить трудно), а с другой — то, что в терминологии чиновников называлось «фанатизмом», то есть спонтанные проявления религиозности, идущие существенно дальше общепринятых. Власть боялась такого «фанатизма», полагая, что его приверженцы также способны на деструктивную антигосударственную деятельность. Надо сказать, что это была общая политика, проводимая в отношении и католиков, и, в не меньшей степени, православных. (У последних в фанатики зачисляли не только старообрядцев скопом, но и сторонников канонизации новых святых, а также поклоняющихся всяческим чудотворцам и чудотворным предметам, не вошедшим в официальный реестр, участников неучтенных крестных ходов и проч., — вообще, едва ли для какой конфессии российская власть в XVII–XIX веках сделала столько дурного, сколько для официальной «царской веры».) Что же касается евреев, то здесь власти просто не понимали, где проходит граница между благочестием и этим самым «фанатизмом», в силу чего совершали всевозможные хаотические и плохо скоординированные движения.

Следующей тревогой администраторов стало «засилье немецкого языка в еврейской жизни». Под немецким здесь понимался не только собственно немецкий — действительно игравший значительную роль как язык обихода образованной части общины и язык преподавания (в том числе и в уваровских заведениях), — но и идиш, за самостоятельный язык не считавшийся и презрительно именовавшийся «жаргоном». Власть боялись, что использование немецкого языка порождает немецкую лояльность — подобно тому как польская католическая проповедь порождает лояльность польскую и чуть ли не подстрекает прихожан к борьбе за польскую независимость. И опять же: вытеснение немецкого русским было бы вполне разумной целью государственной политики (вопроса о судьбе идишской культуры мы, понятно, сейчас не касаемся) — если бы проводилось разумными методами, а не спешной чередой полицейских директив. В итоге сама идея была полностью дискредитирована, поскольку в одночасье с луны не достать ни подготовленных специалистов, ни учебников, ни переводов нужных текстов.



А кроме того, перспективы «русификации» еврейской жизни вызвали во властных сферах целый букет противоречивых чувств. С одной стороны, знакомство евреев с русской светской культурой, русским языком и даже переход на него в тех местах религиозной практики, где не требуется иврит, безусловно способствовал бы преодолению пресловутой «еврейской замкнутости». С другой же — власти всерьез опасались, что доступность жизни и, в частности, религиозной практики евреев для понимания

сторонним русскоговорящим человеком приведет к «сворачиванию православных в иудаизм». Надо сказать, что это тоже был общий, а не исключительно еврейский сюжет. Глубинная убежденность, что государственная религия, столетиями опирающаяся на полицейско-административные привилегии, а не на духовную проповедь, сама по себе не конкурентоспособна в борьбе за убеждения людей и начнет в отсутствие этих привилегий стремительно терять приверженцев, — общее место для русских администраторов еще с допетровских времен. (И, добавим, небезосновательное — достаточно вспомнить движение субботников.) С третьей стороны, власти боялись того, что вооруженные русским языком и вообще в полной мере ориентирующиеся в русском мире евреи могут организовать движение за воссоздание национального очага. Надо и тут отдать должное прозорливости имперских администраторов: возникший впоследствии австро-германский сионизм никак не был бы возможен без одетых по последней немецкой моде немецких журналистов еврейского происхождения. Кроме того, допуская благоприятное для страны появление «русских Моисеева закона», эти же администраторы без особого восторга воображали себе «промежуточные стадии» такого перехода: евреев, поверхностно ознакомившихся с русской культурой, однако включившихся в русский культурный процесс. Что греха таить, и подобные, не слишком симпатичные, картинки впоследствии материализовались.

В общем, при такой шизофренической мультиплицированности мотиваций нелегко было кому-нибудь виленскому генерал-губернатору решить, что же все-таки делать с евреями.

Не хотел бы я оказаться на его месте.

[1]. *Михаил Долбилов. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010.*

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2011 ТАМУЗ 5771 – 7(231)

МАРК ДАЛЕТ: «Я ДОЛГО ДУМАЮ, НО БЫСТРО ПИШУ» ИНТЕРВЬЮ С МАРКОМ ДАЛЕТОМ

Михаил Майков

Роман Марка Далета «*Орбинатъ*» если не самая громкая, то уж точно самая неожиданная новинка книжного сезона. Главный сюрприз — в самом факте его выхода в «Новом литературном обозрении» и в том энтузиазме, с каким это «высокопобое» издательство принялось за его раскрутку. Корреспондент «Лехаима» поделился своими впечатлениями от романа с его автором.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Ты гражданин Израиля, переводчик на иврит и с иврита. По умолчанию ожидается, что если человек с твоим бэкграундом пишет роман про Испанию конца XV века, то основное событие там — это изгнание евреев. Как оказалось, что в твоём романе эта проблематика на периферии, а в центре совсем другие люди и темы?

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ:

: Ну, переводами я уже с 2004 года не занимаюсь. Но главное не в этом. Мой бэкграунд не предполагает неременной фокусировки исключительно на еврейских темах. Да, я переводил на иврит Достоевского, Трифонова, Пастернака — но это же не были тексты о евреях. Иврит на сегодняшний день — это язык развитой литературы, на нем можно писать о чем угодно.

Позднее на русский я переводил литературу по трансперсональной психологии, по буддизму. В частности, я перевел с английского огромную книгу «Ум Будды», наполовину написанную одним современным

тибетским ламой, а на вторую половину состоящую из текстов великого подвижника XIV века Лонгченпы. И когда я работал над ней, то думал: «А вот если человек с такими идеями оказался бы в обществе, где людей жгут на кострах за их взгляды, то что бы он делал?» Видимо, спустя несколько лет эти размышления вернулись ко мне в виде сюжета «Орбинавтов».

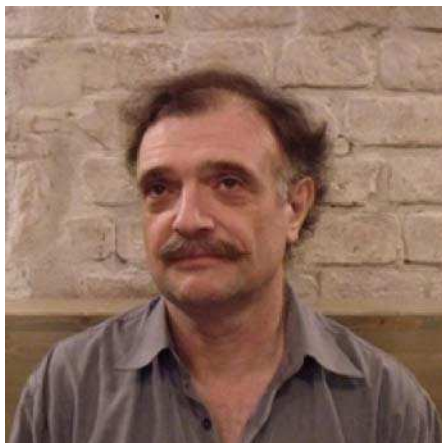
Ключевая мысль романа — необходимость возвращать в себе сострадание ко всем живым существам, не только к себе подобным. За этим стоит идея глубинного единства всего живого. То есть речь идет не о простой жалости, а именно о постоянном памятовании о таком единстве. И я решил, что имею право придумать нескольких героев, которые на фоне европейского Средневековья испытывают такие чувства.

ИИ:

А почему ты вообще выбрал Испанию?

ИА:

: Мне кажется, что испанские события той эпохи сыграли очень важную роль в дальнейшей истории человечества и уж точно в истории Западного полушария. Особенно 1492 год. Во-первых, это окончание Реконквисты, окончание присутствия мусульман в Западной Европе, которое продолжалось почти 800 лет.



Фактически мусульмане и христиане негласно поделили между собой весь тогдашний мир. Заметь: сильные державы ислама не поддержали гибнущий эмират Гранады, а христиане больше не затевали Крестовых походов, если не считать неудачной попытки Карла V. Во-вторых, открытие сначала Антильских островов, а потом и целого огромного материка. То есть крохотная Кастилия в этом году превратилась в великую морскую державу и вскоре стала самой сильной страной Европы. И в-третьих, это беспрецедентные изгнания этнических и религиозных меньшинств — в 1492 году евреев, а спустя несколько лет и всех мавров, отказавшихся принять христианство.

Плюс начало проникновения в Испанию идей Возрождения и одновременно — предоставление испанской инквизиции чрезвычайных полномочий.

«Орбинавты» — не роман на еврейскую тему. Но поскольку я выбрал именно этот момент истории, то не мог уклониться от того факта, что рассказываю о стране, где жили три крупных народа, определявших ее облик и характер. Ведь кастильские короли до Изабеллы Католической гордо называли себя королями трех религий, имея в виду христианство, ислам и иудаизм, это был официальный титул. И я не могу не упоминать обо всем этом.

Но я не историк, а литератор и стараюсь, чтобы все факты помогали решению каких-то литературных задач. Изгнание евреев из Испании позволяет моему герою Алонсо показать свои лучшие качества. Он оказывается щедрым, помощливым, преданным другом, несмотря на то, что это может быть опасно: человек, помогавший евреям, тем более бывший мусульманин, в той ситуации сам подвергал себя опасности.

ММ: Ты, как ты сам говоришь, не историк, тем более не специалист по средневековой Испании. Не страшно ли тебе было браться за этот роман, и как ты решал эту проблему?

ИА:

Профессиональный историк не рождается со своими знаниями, он получает их в результате изучения источников. Что мешает мне читать те же источники? Тем более у меня не было задачи изучить всю историю Испании. Мне нужно было в общих чертах представлять более ранний период и подробно — описываемую эпоху. Среди авторов исторических романов есть немало писателей без диплома историка. Вспомним хотя бы Пушкина и Толстого.

ИИ:

Вечный вопрос: насколько вообще исторический романист должен стремиться к точности в деталях?

IA:

Должен, конечно. И что касается материальной культуры, то я старался изучить ее как можно полнее. Во-первых, это невероятно интересно. А во-вторых, не хочется, чтобы меня ловили на ошибках. Я владею испанским, английским и ивритом, читаю по-французски, по-немецки и по-итальянски, немного по-арабски. Например, имена гранадских эмиров я брал из арабских источников, испанские их сильно искажают. А письмо королеве Изабелле хирурга, который был с Колумбом во второй экспедиции, я нашел на старокастильском. Он довольно сложный, но, зная современный испанский, со словарем разобраться можно.

II:

То есть ты знаешь, ели ли современники твоих героев вилками и ножами, вытирались ли салфетками?

IA:

Вилками они не ели, это порицала церковь. Хотя изобретены вилки уже были, правда, с двумя зубцами. В XVII веке вилки уже полностью вошли в обиход, но не в XV-м. Ножами пользовались для разделки, а брали пищу обычно руками или ложками. Вытирались эти люди, как правило, скатертями.

II:

Для тебя этот текст в первую очередь роман или нечто большее, какой-то религиозный, мистический жест?

IA:

Мне хотелось, чтобы в романе было несколько пластов, интересных для разных людей. Кого-то может привлечь занимательный сюжет, других заинтересуют опыты героя с осознанными сновидениями и разговоры о сходстве яви и сна.

II:

Сколько ты работал над «Орбинавтами»?

IA:

Задумали мы роман вместе с моей хорошей знакомой и совсем в другом формате. Идея была написать книгу о женщине, нашей современнице, россиянке, способной путешествовать между мирами — само слово «орбинавты» я придумал несколько позже. А второй герой, мужчина, должен был быть исследователем старинных текстов и знать про это явление, но не обладать такими способностями. Мы набросали некий очень смутный сюжет, и в нем в какой-то момент возникла вставная новелла — как нечто похожее произошло в другую эпоху, в эпоху Колумба. И я стал работать над этой новеллой, а знакомая должна была писать современные главы. Но у нее свой бизнес, начался кризис, ей стало не до этого. Между тем задуманная мною новелла разрасталась, и вскоре я понял, что это будет отдельный роман. С этого момента до окончания книги прошло меньше полугода.

Сейчас я пишу второй роман, начал его четыре месяца назад, половина уже написана. Я долго думаю и разрабатываю структуру книги, а затем быстро пишу.

II:

О чем второй роман?

IA:

Это продолжение «Орбинавтов». Но там есть совершенно новые сюжетные линии и другие эпохи.

P.S

Интервью с Марком Далетом дало ответы на все вопросы, кроме одного: почему «НЛО» заинтересовалось его романом, каким образом историческая фантастика «Орбинавтов» вписывается в «инновационную» стратегию издательства? Этот вопрос мы задали главному редактору «НЛО» Ирине Прохоровой. По ее словам, «при отборе фикшн издательство не ориентируется исключительно на модернистское письмо в его современном изводе, речь должна идти скорее о спектре поисков в актуальной словесности, нежели о какой-то одной линии». В романе Далета Прохорова отметила попытку сочетания фантастики, исторического романа и интеллектуальной прозы, а также злободневные аллюзии, очевидные в описании конца эпохи хрупкого сосуществования разных культур: «Главная драма этой книги — ситуация



Творчество зачинателей классической прозы на идише было тематически обращено к миру «простого человека». Для многих прозаиков второго и третьего поколения важно было доказать (прежде всего самим себе) возможность существования на этом языке литературы, раскрывающей опыт и сознание интеллигента-одиночки, а не коллективное бытие демоса. Разумеется, это предусматривало довольно существенное изменение художественного языка.

Ранняя проза Давида Бергельсона — пример удачного ответа на этот вызов. Утонченные духовные искания одиноких героев, трепетные чувства почти тургеневских девушек, и при этом — новомодный для того времени импрессионистический стиль: не Тургенев все же, а, положим, Борис Зайцев. Так написан роман «После всего» («Миреле» в русском переводе), так же (и еще более характерно) — «Отступление» (1913). Главных героев-интеллигентов двое: Мейлах, бывший революционер, после ссылки вернувшийся в родное местечко Ракитное, открывший там аптеку и внезапно умерший (подразумевается — покончивший с собой, приняв одно из снадобий), и его друг Хаим-Мойше, приехавший в Ракитное, чтобы расследовать обстоятельства смерти Мейлаха. Барышень трое: одна красива и стройна, другая молчалива, третья прекрасно воспитана. Кроме того, есть множество эпизодических персонажей. Само собой разумеется, причина самоубийства Мейлаха — не то чтобы несчастная любовь (это было бы вульгарно!), но комплекс сложных душевных и духовных переживаний, связанных с отношениями с каждой из трех девушек.

Что придает этой истории многомерность? Как ни странно, сопротивление материала — житейского и, скорее всего, языкового. От последнего, конечно, в русском переводе (хотя он выполнен Исроэлом Некрасовым, счастливо сочетающим в себе даровитого литератора и эрудированного филолога-идишиста) остаются лишь намеки, пусть и значимые. Там и сям вылезает нечто слишком, для романа такого жанра и типа, физиологичное, материальное, даже «непристойное», связанное притом — совершенно по-еврейски — со священными предметами и сторонами жизни. И именно потому, что Бергельсон — большой писатель, он не пытается эти несоответствия сгладить, наоборот, подчеркивает и обыгрывает их. Вот каким предстает в конечном итоге Ракитное:

Матери пичкают детей яйцами и потеют. Отец-лавочник, люстриновый отец, стоит на пороге большого магазина и напоминает, сколько пар валенок для зимы заготовлено у него на чердаке, покашливаньем прочищает легкие и перекладывает клочки ваты из одного уха в другое.

Перед нами — потная, пахучая еврейская провинция, рай банально философствующих неудачников. Местечковый бунтарь, заведующий талмуд торой, пьет с агентом по продаже швейных машинок и пройдохой-портным, который выбивает для него деньги из должников. Городок переполнен экстернами и курсистками (или «вольнотружательницами»), но слово «окончивший» звучит гордо — таковых, видимо, немного. Брак с инженером — мечта красивых и стройных, хорошо воспитанных девушек и их отцов, патрициев местного масштаба.

А былая революционная деятельность двух друзей! Вот вспоминает доктор Грабай, в прошлом известный (в каком-то «большом городе») деятель «одной из партий».

Синагоги были полны, а синагогальные дворы — тем более... Его, доктора Грабая, водят из синагоги в синагогу, во дворе поднимают на руках, и он говорит. Он уже вовсе не думает о содержании, ведь он уже столько раз перед этим повторил одно и то же, и слова текут сами собой. И всюду, в каждом синагогальном дворе он встречается взглядом вот с ним (доктор Грабай снова указал пальцем на Хаима-Мойше и опять улыбнулся всеми морщинками вокруг глаз). Вот тогда-то доктор решил раз навсегда: «Должно быть, он далеко не дурак, этот рыжий парень».

Трудно подавить ассоциации с «Чужбиной» Жаботинского, хотя и без них герой, бегающий из синагоги в синагогу, чтобы снова и снова прослушать одну и ту же речь одного и того же оратора, производит фарсовое впечатление. Впрочем, иначе и быть не может. Именно таких бунтарей и должно порождать Ракитное.

Вероятно, по замыслу автора провинциальная суета должна была восприниматься как фон для внутренней жизни героев. Но получилось иначе: основное действие оказалось от этого фона неотделимо. И в этой неотделимости оно и обретает подлинность. Хотел того автор или нет, книга — снова про идишланд, а не про пытающихся вырваться из него русско-еврейских интеллигентов. Точнее, они остаются частью того, от чего пробуют уйти. И потому обречены на вечное возвращение.

Ààèàèé Óóàèííèèé

Ï ÐÃÎÄÎËÃÎ ÈÃ ÐÃÑÒÃÐÐÎ Î ÎÑÒÈ

ÃÈÑÎ ÓÒ ÐÃÑÒÃÐÐÎ Î ÛÕ

Ï.: ÒÃÈÑÒ; ÈÎ ÈÃÎ ÈÈÈ, 2011. — 317 Ñ. (Ñàðèÿ «xÃÈÑÎÃÑÈÃÐ ÈÎ ÈÈÃÈÕÈÈ».)



Не секрет, что эмиграция — дело очень непростое. Даже когда она называется «алией», а эмигранты — «репатрианты». Как ни назови эмигранта, он все равно несет с собой унаследованные от прежней страны проживания привычки и комплексы. А поскольку Россия — страна с весьма специфическим историческим развитием, то многочисленные «русские» евреи отнюдь не всегда легко вписываются в жизнь на исторической родине, образуя довольно пестрое сообщество. Особенно это касается людей старшего и среднего возраста, которым труднее менять свои представления и идеологические пристрастия. Столкновение с новой реальностью происходит для них нередко болезненно, и прежде всего это касается учебы в школах и ульпанах, где «растерянные» ученики разного возраста осваивают не только язык, но и основы новой непривычной жизни.

Понятно, что необходимость создания «плавильного котла» вынуждает принимающую сторону разбираться, чем дышат олим — новые иммигранты. Одно из таких исследований было проведено в тель-авивской школе «Шевах-Мофет» и получило название «межкультурного семинара». Судя по предисловиям Семена Парижского и Даниэля Марома, тель-авивская школа стала чем-то вроде «культурно-философской лаборатории», где была предпринята монументальная попытка «переопределения сферы образования». Впрочем, теоретическое и практическое значение эксперимента остается «за кадром»: не считая нескольких аналитических статей, сборник представляет собой компендиум мнений, впечатлений и воспоминаний оставшихся неназванными учеников и педагогов.

Сразу скажем: что-то сверхудивительное из откровений участников семинара вынести трудно. Думается, такие результаты мог бы дать любой квалифицированный социологический опрос. Понятно, например, что у российских евреев, воспитывавшихся в очень разных по уровню культуры и религиозности средах, мнения о христианстве варьируются от полного отождествления его с «антисемитизмом и ненавистью к еврейству» до объяснения неприязненного отношения к христианству «невежеством». Интереснее то, как опыт жизни в Израиле скорректировал прежние представления: в разговоре о том же христианстве прозвучали, в частности, слова, что встречи с христианами в кибуцах и во время военной службы значительно изменили отношение к ним в лучшую сторону.

Широко обсуждались на семинаре и не совсем обычные вопросы, как, например, особая приверженность репатриантов физике и математике. Такая, казалось бы, специальная тема на самом деле вскрывает целый пласт общих культурологических, гендерных проблем, историю поисков нравственной ниши в советском море лжи.

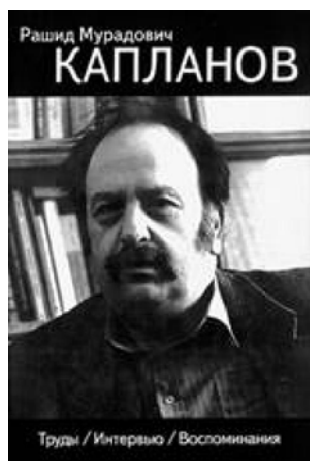
В целом же педагогическая заостренность этого социологического опыта представляется весьма важной и поучительной. И очень хотелось бы узнать, как результаты тель-авивского эксперимента воплотились в практике израильского преподавания.

ÑÊÀĬËÀĬÎÂÛÎ ÈÁÁĆĬÁĬÎ

Ðàøèä Ĭ òðáâÛ.:

ËÂĬËÂĬÎÂ. ÒÐÓÂÛ. ÈÍ ÒÂÐÂÛÐ. ÂÎÑÎÎÎ ÈÍÂĬÈÈ

Ĭ.: Ñýôáä, 2011. — 365 Ñ.



В вынесенной на заднюю обложку книги англоязычной аннотации ее герою дана характеристика «exceptional». Это слово как нельзя точно соответствует личности Рашида Мурадовича Капланова (1949–2007). Он был совершенно исключительным человеком, еще точнее — «человеком-исключением», исключением практически из всех правил.

Знавший больше тридцати языков и энциклопедически образованный в самых разных областях гуманитарных знаний, он оставил очень небольшое научное наследие. После защиты в 28-летнем возрасте диссертации он так и не сделал особо успешной академической карьеры, пребывая в скромном звании кандидата исторических наук. Гораздо важнее для него было княжеское достоинство, унаследованное от предков по отцовской линии — кумыкских князей. Он так и представлялся: «Князь Капланов».

В отличие от многих ученых-гуманитариев, замыкавшихся в своих профессиональных нишах, Капланов чрезвычайно интересовался политикой, причем во всех регионах земного шара и во все исторические периоды. Особенный его интерес вызывали национально-освободительные и сепаратистские движения, которым он неизменно сочувствовал и желал всяческого успеха.

Капланов любил жизнь во всех ее проявлениях: путешествия, книги, еду, оперетты, — оставаясь к ней абсолютно не приспособленным. Ему всегда нужен был человек рядом, который создавал бы ему простой человеческий быт.

Но оказалось, что десяткам и сотням людей необходим был рядом сам Капланов: студентам, к которым он относился с огромной любовью и заботой, коллегам, с которыми щедро делился бесконечными запасами информации, просто друзьям, успехам которых всегда радовался.

У Капланова не было особых административных талантов и фандрейзерских способностей. Тем не менее он занимал ответственные должности в российских и европейских структурах академической иудаики. И занимал не случайно — его ум, порядочность и влюбленность в знания служили тем маяком, который притягивал других ученых.

Память культуры передается через разные каналы — книги, научные школы. Но иногда самое важное — даже не масштаб достижений ученого и его учительский дар, а тот масштаб личности, который влияет на отношение к жизни и судьбы его учеников, друзей, близких. Пожалуй, составителям книги про Капланова можно было не задаваться целью «чтобы помнили» — его и так помнят все знавшие его.

Но книгу, дай Б-г, прочтут и сотни читателей, не знавших князя. А узнав о нем, они, несомненно, станут лучше, чище и умнее. И за это огромное спасибо и центру «Сэфер», и всем, кто работал над книгой.

Рәшад Мухаммадов

ÂÛÉÒÈ ÈÇ ÎÊÐÓÆÁÍ ÈΒ

Èáí ÁáÁείóαð

ПРАВО НА ВОЗВРАЩЕНИЕ

ΪΆΔ. ηΆΓΕΕ. È. ΆΔÈÍ ÈÍ Î È Ì. Ì ÎÑÛ ÈÓÈÛÓÓÐÛ; ÈΑΔÓÑÁÈÈÌ : ΆΑΘΑΔÈÌ, 2010 — 432 Ν.



В 1965 году, за два года до Шестидневной войны, американский фантаст Клиффорд Саймак опубликовал рассказ «Через речку, через лес». Сюжет прост. В доме миссис Форбс, живущей в 1896 году, невесть откуда объявляются двое маленьких детей, Элен и Пол, и сообщают, что она их родственница. Только к концу рассказа женщина понимает: дети — ее дальние потомки, отправленные из XX века в XIX для спасения от неминуемой гибели. А читателям дана подсказка — почтовые марки с диковинной для позапрошлого века надписью «Израиль», случайно найденные миссис Форбс в вещах детей. Благодаря этой скупой детали мы понимаем, из какой именно географической точки в XX веке эвакуированы малыши и кого конкретно имел в виду их дядя, написав в письме: «Враг осадил нас, нам просто не хватает времени...»

Саймак в своем печальном рассказе отнес трагедию Израиля к 1996 году. Голландский фантаст Леон Де Винтер в антиутопии «Право на возвращение» подарил еврейскому государству чуть больше времени, однако и эта задержка не стала спасительной; коллапс лишь отсрочен и перенесен в первую четверть XXI столетия. Писатель почти ничего не придумал, а просто сгустил реальные политические тенденции, экстраполировал их в недалекое будущее и позволил читателю наблюдать за дальнейшим развитием событий...

Под нажимом «прогрессивного мирового сообщества» израильские власти сдали позиции, пошли на уступки и проиграли все, что можно было проиграть. В результате выражение «право на существование» перестало быть абстрактной формулой и приобрело зловещую конкретику. «Страна, населенная евреями, сжалась до окрестностей Большого Тель-Авива», который отделен от окружающих территорий защитной стеной, начиненной электроникой. «Где Галилея? Где Негев? Где Иерусалим? — горько вздыхает, вспоминая о былом, один из персонажей. — Нас зажали со всех сторон, и мы не можем повернуть назад». Можно сбежать в Европу или Америку и позволить исторической родине умереть. Можно остаться и умереть вместе с родиной. Есть ли при таком раскладе третий путь?

Де Винтер изображает вариант будущего, в котором от регулярной армии Израиля уже мало что осталось, а потому у страны есть только два союзника — «Моссад» и «Шабак». Первая из секретных служб с помощью немногочисленной агентуры пытается следить за лидерами халифата, образовавшегося на части территории бывшего Казахстана. Второе ведомство — его возглавляет бывший «голубь», а ныне «ястреб» Ицхак Балин — старается не пропустить в страну террористов: особые устройства на всех блокпостах сканируют каждого из проходящих, отслеживая «арабские» и «еврейские» ДНК, чтобы распознать потенциальных смертников.

Однако враг коварен: с некоторых пор идеологи террора придумали похищать еврейских детей и воспитывать из них шахидов. И примерно к середине романа главный герой, работник «Скорой помощи» Брам Маннхайм, догадывается, что его четырехлетний сын Беньямин не погиб от рук педофила, но был украден и «перепрограммирован». И эта живая бомба может рвануть где угодно и когда угодно.

Поначалу повествование Де Винтера, построенное на флэшбеках, выглядит избыточным. Кажется, будто среди персонажей многовато необязательных, а эпизоды романа набросаны в свободной импрессионистической манере. Однако позднее выясняется, что на самом деле у книги предельно жесткая структура триллера: всякий герой на месте, всякий флэшбек не случаен, всякий разговор героев содержит тайную подсказку, а всякое фабульное ружье висит не для красоты интерьера и рано или поздно обязательно выстрелит. Такая механистичность может слегка разочаровать поклонников литературного мейнстрима, привыкших к расхлябанным конструкциям, но для любителей остросюжетной прозы — да еще с глобальной политподоплекой — она как нельзя кстати. Именно принадлежность романа Де Винтера к жанровой прозе и

сулит некое подобие хеппи-энда. Пусть не для всей страны, но по крайней мере для героя, нашедшего срединный путь: как не уехать и не сдохнуть. А все великое, как известно, начинается с малого...

Чтобы рецензия не получилась совсем уж благостной, укажем на один нюанс, специфику которого в полной мере оценит только российский читатель. Роман голландского автора, являющийся антиутопией для Израиля, для нашей страны, напротив, едва ли не утопия. Кое-кто из персонажей-израильтян не без зависти поминает «богатую, благополучную Россию», царство стабильности и достатка, и тех счастливых, кому удалось репатрироваться туда из «тель-авивского гетто». Оказывается, к процветанию нашу страну привел не кто-нибудь, а «великий лидер» Владимир Путин, усмиривший Азербайджан и присоединивший Северный Казахстан.

Нет, все же Голландии не следовало легализовать легкие наркотики...

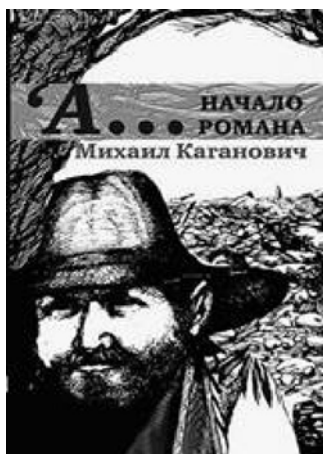
Ḍī àí Àḍàèòì àí

ВИНЕГРЕТ АФ-ИДИШ

Ì èḍàèë Èàñí íàè:

'À... Í à:àèí ḍī àí à

Ì.: Àḍò Õàñí ì ààè, 2009. — 270 Ñ



Ì ÈÕÀÈË ÈÀÁÁÌ ÍÁÈ×

'À... ÍÀ ÈÍÍÍÊ ÒÓÁÁ

Ì.: ÀÐÒ ÕÀÕÑ Ì ÁÁÈÀ, 2002 — 622 Ñ.



Решил как-то поэт Михаил Каганович поиграть в прятки. Выдумал себе литературного двойника и друга — Михаила Каана и пошел, как водится, к нему в душеприказчики. Не из простого почтения перед классиками и уж тем более не из робости, а скорее из доброго лукавства. Игра удалась: появился сначала стихотворный сборник, после же отыскался в бумагах покойного черновик романа, да еще и в трех частях. Пока на суд читателя представлены первые две и...

...Вообще-то говоря, такие книги не читают. В них ныряют очертя голову, забыв о берегу. Чтобы лететь вниз, вниз, до — ууух — детского замирания в животе и подхватывать, как Алиса, на лету с уплывающих в никуда полочек то стопарик отборного армейского мата, то филигранной работы фиал с самым сокрове... Промелькнуло, исчезло. Не вернуть.

Как детство Миши Каана. Прости-прощай, идеальный вневременной Казимеж, ведьма Ривка, что так ласково уманивала рассказчика от истории рода — все дальше, дальше в душистую чашу, — пока не выплеснулась до слова, не рассыпалась разноголосыми хрустальными ручейками. От уютного, населенного семейными преданиями мирка первой части во второй не осталось и следа — у взрослых свои правила. Сумасшедшая Москва. Такси, запросто сколоченные миллионы, стройбат с его трехэтажной забористой лексикой, дедовщиной и свободно бутыллируемой валютой — на нее можно даже поспорить, кто кого убьет. Армейский народный жанр. Се ля ви. Или болезнь роста? Даже чудеса уже не детские: будто обещали «птичку», а явился ангел с огненным мечом.

Медовая, почти раннегоголевская неспешность повествования, с щедрыми отступлениями и вкусными деталями, уступила место... совсем другим деликатесам. Значит, так. Автобиографию порезать

прозрачными до ломкости кусочками и томить на медленном огне в художественно-спиртовом соусе до неузнаваемости, постоянно помешивая. Хронотоп вывернуть наизнанку и, хорошенько поперчив, пропустить через мясорубку. Рефлексию выдержать часок-другой в лимонном соке с уксусом, пока не станет окончательно стыдно. «Шма Израэль» и «ангелы поют на небесах» энергично взбить до появления густой пены, всыпать по полстакана идиша, украинской мовы и белорусского говора. Да, не поленитесь и добавьте васаби — японско-самурайские истории придадут пикантности. Щепотка Маркеса, две — Булгакова, никого не забыли? Все ингредиенты смешать и с опаской подавать на стол.

Винегрет? Да еще какой! Уж в чем, в чем, а в кушаньях Каан-Каганович толк знает, это для него идеальный пример слияния бытового и бытийного. Рецепты гефилте фиш и черемуховой настойки, кулацкого борща и подового хлеба, эпическое упоение сырами и селедкой — все весомо, грубо, зримо. Вернее, смачно. Но нет-нет да и скользнет зябко под зубом этакое сало в шоколадной шкурке: сквернословие вне армейского контекста; фривольность через край; растекание мыслию по древу — и даже далеко за древо. От щедрости все, от широты души. Не со зла.

Но Каганович не был бы собой, если бы сосредоточился лишь на сюжете или языковых играх. Разбирайся, не поймешь прошлое — потеряешь настоящее, настаивает он. Только вот остается ощущение, будто украли что-то доброе, родное. В первой книге — было. В третьей — будет? Наверное, так и должно — быть. Все работает на неведомую силу, которая создает бытие как сюжет хорошего романа, где у каждой мельчайшей детали свое предназначение, а сама жизнь просто выдохнута, как буква-невидимка «А»...

Àëëà Ñîëï'áí èí

ΓΑΘΕΪ ΓΑΕΪ ΞΕ ΟΑΑΘΔ Α ΣΑΔΕΑΕΑ Ι ΙΓΑΪ ΓΑΘΕΪ ΓΑΕΪ Ϊ Ε ΕΘΕΪΘΟΔΥ:
ΘΑΝΘΥΑ Ι ΑΕΑΘΙ ΑΔΙΑΪ ΥΑ Ι ΕΘΪΥΕΝΪΑΝΕΕΑ ΧΘΑΪ ΕΒ

Ì.: ðĪ ÑÑÈÑÈÀß ĀĪ ÑÓÄĀĐÑÓÄĀĪ Ī Æß ÁÈÁÈÈĪ ÓÓÁÈÁ ÈÑÈÓÑÓÁ:

ÒÐÈ ÈÁÁÁÐÀÒÀ, 2010 — 320 Ñ

«История создания, развития и уничтожения еврейского театра в СССР пока не имеет значительной историографической базы», — замечает минчанка Инна Герасимова в статье «Московский ГОСЕТ и Михоэлс в Белоруссии». Тем ценнее продолжающиеся издания, подобные этому. Та же Герасимова

пишет здесь не только о гастролях, но и о таких специфических сюжетах, как попытка «выслать» ГОСЕТ из Москвы в 1925 году, сделав его секцией Белорусского академического театра. Решением Совнаркома все гостеатры тогда переводили на самоокупаемость, и ГОСЕТ решили приблизить к еврейскому зрителю. Сперва театр собиралась принять у себя Украина, затем отказалась. Захотела Белоруссия, но директору Алексею Грановскому удалось сохранить театру московскую прописку. Это не помешало белорусским властям в 1927 году оплатить дорогостоящее лечение Михоэлса в Германии. Разумеется, многие материалы сборника посвящены Михоэлсу — например, анализу понимания им образа короля Лира (статья Ирины Мотроненко) или Тевье-молочника («Два Тевье: из опыта театральных прочтений» Ады Колгановой; второй Тевье — Евгений Леонов). Но есть и другие герои. Так, Галина Элиасберг пишет об И.-Л. Переце как драматурге и театральном критике.

È.È. БÑÈÍÑÈÈÈ. ДЪÌÀÍÌÎÁÈÆÈÇÍÈ: ÈÍÈÃÀÂÎÑÏÎÌÈÍÀÍÈÈ

Ì.: ÍÎÁÎÁÈÈÒÁÐÀÒÓÐÍÎÁÎÁÎÇÐÁÍÈÁ, 2010. Ò 1 — 720 Ñ.; ò. 2 — 488 Ñ.

Известный литератор и журналист Иероним Ясинский (1850–1931) был знаком со всеми. Его мемуары, изданные в 1926 году с сокращениями и впервые публикуемые полностью, содержат портреты Щедрина и Лескова, Гончарова и Чехова, Полонского и Гаршина. Ясинский общался и с Надсоном и посвятил его памяти очерк, который отличается от надсоновской главы в книге. Так, оценивая отношения Надсона и Буренина, мемуарист заявляет в очерке, что нападки Буренина ускорили кончину поэта, а в книге — что они не отразились на и без того плохом самочувствии Надсона. Ясинский вспоминает также о писателе Шоломе Аше, который «спасался» в доме автора воспоминаний после того, как истек разрешенный

ему как еврею трехдневный срок пребывания в Петербурге; о проблемах с «правожительством» Исаака Левитана; о деталях парижской жизни поэтической четы Николая Минского и Людмилы (Бэлы) Вилькиной; о посещении в Париже скульптора Наума Аронсона, в чьей судьбе Ясинский принял в свое время участие (любопытен рассказ о Григории Распутине, чей бюст Аронсон лепил в Петербурге в годы войны). «Роман моей жизни», а также публикуемые в приложении мемуарные очерки и автобиографические материалы писателя тщательно прокомментированы Татьяной Мисникевич и Леей Пильд. Правда, все примечания (общим числом почти полторы тысячи) вынесены во второй том, что сказывается на процессе чтения.

יָאָה אִיִּתּוֹאָבְעִי עַד אֵילָוָה אֶעֱתִיעַ יְרֵבִימָא

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2011 ТАМУЗ 5771 – 7(231)

В ПРЕКРАСНОМ И В ЯРОСТНОМ МИРЕ

МАРК ДАЛЕТ. ОРБИНАВТЫ

Новое литературное обозрение, 2011

Денис Ларионов

«Орбинавты» — первый роман переводчика Марка Далета, эмигрировавшего в Израиль еще до перестройки. В краткой биографии, опубликованной на посвященном «Орбинавтам» специальном сайте (www.orbinauts.ru), говорится о его переводах Достоевского, Цветаевой, Пастернака, Трифонова, братьев Стругацких. В «Орбинавтах» не обошлось без влияния последних — с той лишь разницей, что для русского читателя тема «выживания личности в нечеловеческих условиях» и вообще «антитоталитарный пафос»

романов Стругацких ослаблен или отправлен в ретро, тогда как для читателя израильского, живущего в ситуации непрекращающегося военного конфликта, эти аспекты по-прежнему актуальны. Кажется, ни один значительный русскоязычный израильский автор не прошел мимо этой темы: «Одна война зимы две месяца рыбной кости / Я покажу себя тебе еще / Три сладкое клейменое плечо / Космодемьянской на допросе» (Анна Горенко).



В центре романа Далета — взросление главного героя, мавра Алонсо, спасающегося из исламской Гранады в христианскую Кордову (действие неумолимо движется к христианизации первой и сопровождается коварством и жестокостью инквизиции во второй). Задача Алонсо — сберечь семейную реликвию, манускрипт «Свет в оазисе», содержащий информацию о тайном обществе орбинавтов, к которым принадлежат воин Мануэль и его наделенная множеством сверхъестественных способностей мать Росарио (кстати, у Алонсо также обнаруживается дар «сновидца»). Манускрипт этот написан на латыни еврейскими буквами — еврейский алфавит, как и иудаизм, находится в Кордове и других испанских провинциях под запретом.

Безусловно, Далет не принадлежит к авторам-экспериментаторам. Его задачей является максимально точная передача инициационного сценария — от ювенильной растерянности перед миром до его приятия (в «Орбинавтах» — через обретение сверхъестественной силы). При этом используется стиль, который трудно назвать нейтральным: нередко он напоминает переводы зарубежных фэнтезийных романов, а заодно и сказки-легенды-мифы, лежащие в основе этих текстов. Материал, используемый Далетом, также вполне демократичен: автор словно занимается переложением Юнга, Грофа, Кастанеды на язык исторической фантастики:

— Самое главное — дать ему понять, что он действительно способен менять реальность. Ведь этот дар может защитить его даже от тех угроз, от которых не мог бы уберечься обычный человек! Очень важно, чтобы Мануэль перестал опасаться собственных способностей. — То есть, — подытожил Алонсо, — я войду в состояние доступа ко второй памяти и сформирую намерение послать Мануэлю сообщение через какие-то еще более глубокие сферы сознания, которые ты назвала третьей памятью.

Назначение Далета очередным «русским Эко» (а сколько их уже было!) кажется только рекламной уловкой: героями романов Эко становятся идеи, тогда как Далета интересуют скорее персонажи, эти идеи «проживающие». То есть речь о достаточно традиционном подходе, заставляющем вспомнить тех же Стругацких, Шекли, Олдиса, Балларда (особенно «Империю солнца») — в общем, авторов, писавших в 1960–1980-х годах, время юности Далета, родившегося в 1958-м. Именно их книги вызывает в памяти та атмосфера таинственности, напряженности и дезориентированности — при сохранении линейности повествования, — которая присуща миру «Орбинавтов».

В завершение о том, что выделяет роман Далета среди тьмы выходящих книг подобного плана (помимо имени издательства, конечно). Думается, это прежде всего тема «двойной морали», ставшая незаживающей раной разбросанных по всему миру жителей бывшего СССР, а также мотив пересечения границ с целью выживания (изгоняемые из Испании евреи охарактеризованы в романе как люди, чьи «документы не представляют никакой ценности», — эффектная метафора эмигрантов и беженцев любых времен). Что происходит с сознанием, атакованным враждебным миром? Как противодействовать практически языческим представлениям о мире и человеке, вновь возвращающимся в социальные отношения? Наблюдая, с какой

легкостью герои Далета отказываются от ислама в пользу христианства (мотивируя это сохранением ценностей истинной веры, хотя на самом деле речь идет о банальном выживании), впору задаться вопросом об условности границы, разделяющей «свое» и «чужое» — будь то язык, страна или идентичность...

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2011 ТАМУЗ 5771 – 7(231)

В БЫТУ, В ПРАЗДНИКАХ, В РОЖДЕНИИ И СМЕРТИ...

Ирина Мак

В Москве открылся Музей истории евреев в России — первый за 80 лет. И единственный, посвященный жизни одного народа. По крайней мере, в нашей стране.



Аרונ קודש (עֲבֹד אֱלֹהִים בְּעֵלְיָוֹדוֹ). ארון הכתובים, דאָקוואַ. יִיִּבְנֶה. 1866 א"א

Если старые еврейские собрания содержали, главным образом, обрядовые предметы, украшения синагог и детали культуры и быта, то музеи, возникавшие после второй мировой войны, помимо этнографической экспозиции, хранят воспоминания о Катастрофе. Иначе и быть не могло. И первые в этом ряду даже не польские музеи, в том числе открытые в старинных синагогах, а пражский, притом что он в Чехии не один. Немцы, оккупировав Прагу, перенесли туда небольшой еврейский музейчик из Никольсбурга (теперь это Микулов) и устроили «Музей исчезнувшего народа». Они мечтали оставить после себя сокровищницы истребленных рас. Не вышло. Зато в Германии теперь музеи чудом выжившей расы на каждом шагу. Начиная с первых общедоступных коллекций иудаики во Франкфурте-на-Майне и Гамбурге и кончая музеями Холокоста и знаменитым Judisches Museum в Берлине, с его окнами-щелями, со зданием, построенным по проекту Даниэля Либескинда в 2001 году. В этом безусловном памятнике современной архитектуры, изогнутом как ломаная линия, как судьба народа, есть Сады Изгнания и Башня Холокоста с черными стенами и едва видимым просветом наверху. Там под стеклом лежат древние свитки Торы и очки Моисея Мендельсона, великого учителя и реформатора, сторонника культурной ассимиляции евреев, успевшего перевести Библию на немецкий, но, к счастью, не дожившего до печальных перемен...

Еврейская община в России была до революции несопоставимо больше немецкой. И музеи на территории бывшего СССР были будь здоров, начиная с питерского и кончая музеями на Украине, в Самарканде, Караимским музеем в Вильнюсе, переведенным в Тракай, и Историко-этнографическим музеем евреев Грузии в Тбилиси. Часть экспонатов разгромленного нацистами Киевского музея была обнаружена в Баварии в 1950-х, когда в нашей стране речь о еврейских музеях уже не шла.

В России, где еврейская община насчитывала более 5 млн человек, последний еврейский музей закрылся в 1930-х годах. Под Россией подразумевается территория страны в момент самого большого ее расширения, то есть Российской империя с конца XVIII до начала XX века, когда были присоединены земли, на которых жили евреи. До этого они никогда не пересекали границ империи: им было сюда запрещено приезжать. Елизавета Петровна умудрилась выгнать из России, как «врагов Христовых», даже тех из них, кто сюда попал при объединении России с Украиной, запретив пересекать границу, кроме как «случайно или проездом». Но в результате разделов Польши 1772, 1793 и 1795 годов Россия все равно обрела новых евреев, и много. Были присоединены Литва, Белоруссия и Украина, Эстляндия и Лифляндия, позднее Бухара, горские евреи, пришедшие вместе с Грузией и завоеванными горными районами Кавказа, Крым с караимами и крымчаками... Российские государи ввели для них запреты на жизнь в больших городах и

процентные нормы. Даже учиться в Москве и Санкт-Петербурге могло не больше 3% евреев (от общего числа учащихся), в прочих крупных городах — максимум 5%, в рамках черты оседлости — 10%. Обо всех них и рассказывает музей.



Οὐδὲν ἄλλο πᾶρθεῖν Ὀρθό. Ἀδελφοί, εἴτε αὐτὸ ἐστὶν ἡμῶν τὰ ἱερὰ ἢ τὰ ἱερὰ ἢ τὰ ἱερὰ ἢ τὰ ἱερὰ ἢ τὰ ἱερὰ. Ἐὰν αὐτὸ XIX αἰῶν / Νᾶρθεῖν Ὀρθό. Ἰαδελφοί αἰὲ. Ἐὐὐὐὐ XIX αἰῶν

От пребывания здесь евреев осталось не так много — революции и войны, не считая погромов и того беспредела, который случился потом, даже если позволили выжить людям, почти не оставили вещей. Тем ценнее эти материальные свидетельства и документы, собранные в новом музее, занимающем офис за стадионом «Динамо». Он принадлежит Сергею Устинову, писателю, ныне бизнесмену, вице-президенту Российского еврейского конгресса. Год назад часть этих экспонатов можно было увидеть в Библиотеке иностранной литературы на выставке «Проект еврейского музея», которую спонсировал Сергей. Интерес к ней был так велик, что директор библиотеки Екатерина Гениева — небывалый случай! — предложила оставить ее насовсем. Теперь экспонатов раз в сто больше, но представлено около тысячи. И каждый из них, будь то кувшин для пасхального свекольника, найденный на Волыни, или кресло для обрезания с вышивкой, изображающей жертвоприношение Ицхака, — абсолютный раритет. Эти вещи, в основном XVIII–XIX веков, вполне дают представление о том, как евреи в России жили, как молились, как роскошно выглядели иные синагоги, — об этом можно судить по великолепному резному шкафу для хранения свитков Торы, по расшитым золотом и серебром парохетам, которыми завешивались свитки. Свиток Торы надевался на два стержня, которые венчали нарядные набалдашники — римоним, в переводе с иврита «гранат», потому что гранат для евреев — священный фрукт. Как-то в нем обнаружили 613 косточек — именно 613 заповедями руководствуются евреи в повседневной жизни. После римоним надевалась корона Торы, дальше — тора шилд (щит Торы) и сверху вешался яд — указка для чтения, с изображением руки на конце. Сама Тора была одета в тора мантл — мантию для Торы. В синагогальном ритуале может использоваться графин для ритуального омовения рук левитами — коенами. Он и присутствует — в музейной витрине. И точно так же, как религиозный ритуал, в музее соблюдены ритуалы обычной жизни — в быту, в праздниках, в рождении и смерти, в политике, искусстве и образовании... Жизнь эта связана в еврейском сознании с благотворительностью: выучился сам — выучи других.



Ἐὐαοεὶ ἀεὺ ἰαῖαεὺῖ ἰᾶ ἡαεῖεὺῖ εεᾶ Ἰ ἰεεᾶ ἰγᾶ εᾶδᾶ ἰεεᾶ, ἰ ἀοᾶεεε-ᾶἰεᾶ ἰ ἰεᾶοεᾶ Ἀἰεῖῖ ἡ ἡᾶᾶεῖ ἰ XIX ᾶεᾶ

В зале, посвященном циклу жизни, — хупа, под которой стоят на еврейской свадьбе жених с невестой, и ритуальные сосуды для омовения умерших, и картины Мане-Каца, ученика Добужинского и участника выставки «Мира искусства». В другом зале — атрибуты праздничного дня: бсамим — серебряные сосуды для субботних благовоний, которые правоверные евреи нюхали на исходе субботы. В третьем — документы, связанные с участием евреев в политической жизни. Есть, кстати, и фотография членов первого революционного правительства Советской России. Вопреки домыслам, евреев в нем было всего трое.

Здесь есть ящики и кружки для сбора помощи бедным, афиши еврейских театров и некаталожные плакаты Элизера Лисицкого... Нет только места — да и откуда ему быть в бывшем офисе, превращенном в музей. Тем более поражает вкус, с которым он оформлен, как обыгран коридор, имитирующий улицу местечка, с увеличенными фотографиями по стенам, как нашлось место гигантской четырехметровой карете погребального братства из Бессарабии: ее боковушку повесили на стене над лестницей, а колеса — рядом.



Ἀἰᾶ ἰῖ (ἡᾶᾶᾶ ᾶεὺ ἡᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶεᾶᾶᾶᾶᾶᾶ). ἡᾶᾶᾶᾶ. Ἀᾶεεᾶᾶᾶ. XIX ᾶεᾶ

Все эти вещи — в буквальном смысле слова музейная редкость: они стоят в разы дороже подобных атрибутов христианской жизни, слишком мало их осталось в нашей стране. В Европе с этим легче, но мы в Москве. Потому и музей пока невелик, и из четырех тысяч единиц хранения мы видим в его залах от силы четверть. И попасть в него — по соображениям безопасности — можно только по записи. Зато бесплатно. И рано или поздно организаторы музея рассчитывают найти подходящее здание, чтобы разместить в нем все.

І І Н Е А А, А А Е А Д А Б «І Д І О І», А І 28 08



*Аї ден Аї і м і. Уїєєç ääéí ääöèè è ñ äéò äéèþ «Оей асүү íá ääáí í áññéá» (ó ääí äí ò).
1926-1932 ä ä ä. Í íþ-Éí ðé*

Один из важнейших принципов эстетики художника и критика Бориса Аронсона (1898–1980) способен сегодня повергнуть иных любителей искусства в шок. Он утверждал, что этнографическое не есть единственный и тотальный выразитель национального элемента в искусстве, последний «находит воплощение посредством живописных абстрактных ощущений, которые раскрываются через специфический материал восприятия (“ойфассунг-матерйал”), благодаря чему современные еврейские художники обнаруживают свое национальное начало, даже не желая или не сознавая этого». Сам Аронсон, сын Шломо Аронсона, главного раввина Киева, а позже Тель-Авива и Яффы, сочетал в живописи абстрактное и фольклорное — как и многие его соученики по киевской художественной школе, среди которых были Александр Тышлер, Соломон Никритин и Марк Эпштейн. Активный участник украинской Культур-Лиги, в конце 1920 года Аронсон переезжает в Москву, где увлекается театром, оформляет в духе кубофутуризма спектакли для Еврейского камерного театра, ассистирует Александре Экстер в работе над легендарной постановкой Александра Таирова «Ромео и Джульетта». Но его собственная театральная слава связана с работой в Нью-Йорке. Выполненные им 70 эскизов для еврейских театров на Гудзоне и показывает «Проун», выпустившая каталог с обстоятельной статьей Гилеля Казовского.

лагерь. Многие погибли — как франкфуртские художники Херман Лисман и Хедвиг Дюльберг-Анхайм, дармштадтский историк искусства Карл Фройнд.

Манфред Шамес остался жив. После смерти дяди он в 1922 году перенял галерею, но вынужден был ее закрыть после прихода к власти нацистов. В 1939-м ему вместе с семьей удалось бежать в Палестину. Сами коллекции остались в Германии, их продали в 1942 году с торгов — разумеется, не в пользу бывшего владельца.

Удалось эмигрировать и Сварценски, благодаря которому возникла экспрессионистская коллекция Штеделя, и Бекману, потерявшему место преподавателя в Штеделе в 1933 году, и Эрнсту Фишеру, наследнику Фишеров. В 1934 году он сумел вывезти часть собрания в Америку, теперь эти работы находятся в музее Ричмонда, штат Вирджиния. А могли бы — и в Германии.

ΑΙ Ϊ È ĘΆΕΑΪΑÈÖ

ΥΔΙ ÈÒÀÆ, ΑΪ 409



Выдающийся фотограф наших дней, Анни Лейбовиц поражает размахом своих интересов. С одной стороны, более гламурного фотографа, чем она, трудно себе представить. Лейбовиц делает обложки для престижных журналов о моде, снимает пустопорожних звезд Голливуда, рекламу, стоящую явно не пять копеек... С другой стороны, она создает такие психологические портреты, вровень с которыми в современной фотографии мало что поставишь. Чего стоят черно-белые лики философа Сьюзен Зонтаг и писателя Уильяма Берроуза! Лейбовиц и в киноактерах способна отыскать глубины, в которые охотно погрузился бы и Достоевский. Тони Кёртиса и Джека Леммона, звезд главной комедии века «В джазе только девушки», в 1995 году она решила запечатлеть в женском белье. В итоге получился пронзительный снимок двух старых лицедеев с набеленными лицами, подведенными глазами, накрашенными губами. В нем можно увидеть аллегория всей актерской профессии, обнаружить уровень обобщения, который в искусстве — не только в современном — достигается так редко.

Помимо знаменитых снимков, фотограф выставила множество «черновики», того «сора», из которого рождаются ее шедевры. Лейбовиц показывает пейзажи, почти неизвестные широкой публике, фантастические кулисы Иордании, меланхоличные ландшафты Америки... Но взгляд так и тянется к хрестоматийному, вроде «Отставка Никсона», к этой классике политического репортажа (вертолет с экс-президентом взмывает с площадки у Белого дома в воздух, гвардейцы свертывают красную дорожку), к психологическим портретам вроде античных Михаила Барышникова и Роба Бессерера на берегу океана. Лейбовиц воспринимает звезд как родственников — тех, кто способен стать своим, кто таит в себе нечто большее, чем просто имидж для телевизионной картинки.

Άείητιέ Ϊ Ϊέδιστή

ЭККЛЕЗИАСТ: КНИГА И СЦЕНА

Ī ēōāēē Āīōāēēē

YĒĒĒĀCĒĀÑÒ

Òāāòđ «Ó Ī ēēēōñēēō āīōīò»
Đāēēñīāđ Ī āđē Đīċīāñēēē



«Экклезиаст» — череда размышлений и максим, разошедшихся на популярные цитаты, которые давно уже отделились от породившего их текста и живут собственной жизнью. Противоречивы. Произносящий ничего не делает для гармонизации. Текст открыт для интерпретаций, отбрасывает тени во все стороны.

Доминанта — тотальный скепсис. Вся жизнь — тшета усилий, погоня за ветром, смысла ни на грош, выкидыш счастливей живущего, сильно сказано, никаких надежд на жизнь будущего века, не вздумайте обольщаться, компенсации за неудобства в здесь-бытии не предусмотрены, претензии не принимаются, я скажу тебе с последней прямоотой, всё лишь бредни, шерри бренди, и прочие утешительные соображения того же порядка.

Однако при горестном сознании бессмысленности в тексте содержится призыв к соблюдению заповедей — несмотря ни на что. Нравственная стойкость перед лицом абсурда, вполне в духе экзистенциализма «Чумы». С той принципиальной (или непринципиальной?) разницей, что нравственная стойкость Экклезиаста ориентирована на Б-га и данные Им заповеди, в чем Камю нимало не нуждается.

Сценическая реализация представляется совершенно невозможной: ну размышляет человек, произносит свой бесконечный, горестный и противоречивый монолог — что с этим делать? Театр — это же жест, движение, драматургия.

У меня, пока я размышлял по пути в театр, возникла идея: разбиваем текст на смысловые линии, каждая внутренне непротиворечива, остро полемична по отношению к прочим, персонифицируем, устраиваем на сцене живую, напряженную дискуссию, драма идей, устраиваем хэппенинг, вытаскиваем на сцену зрителей, пусть честно скажут, завидуют они судьбе выкидыша или нет, чего они на самом деле хотят: уклоняться от объятий или разбрасывать камни, если выбирают интифаду, вручаем оружие пролетариата, пусть бросят в зрительный зал. Все-таки интересно, как у Розовского, смелый человек — взяться за Экклезиаста, надо же.

Розовский увидел все совершенно по-другому.

Вот одинокий человек, может быть один во Вселенной, все позади, у разбитого корыта, последний человек на последнем берегу, проговаривает прожитую жизнь, пытается осмыслить, уловить в слове, в едином потоке, не смущаясь противоречиями, вот сейчас он думает так, а сейчас так, что с того, драма не интеллектуальная, а экзистенциальная, сердечная боль, с неимоверной страстностью, повышает градус страдания, срывается в крик, в истерику, под знаком Достоевского, кружится в безумном танце,

человек из подполья, Иов и Гамлет вместе, какие-то обломки цивилизации, обломки жизни, тряпки, кукла с оторванной ножкой, странные, не связанные друг с другом предметы, вот он отправляет бессмысленное послание в никуда, набирая на неподключенной клавиатуре, наши письма не нужны природе, единственно, что целостно в этом разбитом мире, Книга, раскрывает, читает, да ведь в ней то же, что он выкрикивает, могила дымится, стены шатаются, всё, конец, во всех смыслах конец, призыв к соблюдению заповедей заглушен рушащимися небесами, ужас.

Зал ошеломлен. Тишина перед овацией затягивается.

Медитативная музыка Гии Канчелия. С шофарами. Сценография Станислава Морозова. Минималистская точность. Единственная роль — Валерий Шейман. Проживает на сцене жизнь. Жизнь одного как всемирная драма. Трагичен. Величествен. Античен. Капли пота на крупном лице. Полной гибели всерьез. Огромен. Я его видел потом: человек вполне себе среднего роста.

«Экклезиаст» — транслитерация греческого слова (Εκκλησιαστής), калька с древнееврейского — «Коелет» (תלחק). Естественнее всего перевести как «Говорящий в собрании». Переводят еще «Проповедующий в собрании», или попросту «Проповедник», так Лютер перевел. Какое собрание?! Какая проповедь?! Пустая сцена.

А ГЕРМАНА ВСЕ НЕТ

Ī aey Āiē:āē

ĀDAĀÈ. ÈÑÒĪ DÈB ÈP ĀĀÈ

Òāāò ð «Ñīāāī āī īēē»
Đāēēññāō Āāāī ēē Āōīā



Роман Исаака Башевиса Зингера «Враги. История любви» имеет не слишком богатую историю театральных интерпретаций: переполнен рефлексиями и философскими отступлениями.

У Евгения Арье, поставившего «Врагов» сначала в родном для него театре «Гешер», а теперь и на сцене «Современника», нашелся, кажется, изящный и стильный ответ.

Действие «Врагов» происходит в 1949 году в Америке. Герман Бродер (Сергей Юшкевич) во время второй мировой жил в Польше с женой и двумя детьми. Жену и детей расстреляли нацисты, а Герман выжил — бывшая прислуга Ядвига (Алена Бабенко) три года прятала его на сеновале, рискуя жизнью не только своей, но и своей семьи. После войны Герман переехал в Америку, из благодарности женился на Ядвиге и закрутил сумасшедший роман с роковой красавицей, бывшей узницей концлагеря Машей (Чулпан Хаматова). Кое-как он существует между двумя женщинами, каждая из которых пытается стать для него единственной, но тут в его жизни появляется первая жена — Тамара (Евгения Симонова), которой удалось чудом выжить после расстрела.

«Врагов» часто сравнивают с «Осенним марафоном», но сходство героев и ситуаций тут, конечно, чисто внешнее. Бузыкин из «Марафона» — слабый, потерянный, издерганный, но абсолютно живой. А Герман жить не может, хоть и пишет заказные статьи, жалеет Ядвигу, любит Машу и ревнует Тамару. Он ближе «живому трупу» Протасову, только еще мертвее — даже покончить с собой сил у него нет. Герман в войну выжил, но так ее и не пережил. Ему кажется, что время для него остановилось в тот момент, когда он прятался в стоге сена, а пришедший с обыском нацист тыкал ему штыком в висок. Разбитый, сломленный человек — за что же любят его такие разные женщины? Любят настолько, что, когда Маша кончает с собой, ненавидевшая соперницу Ядвига называет дочь ее именем, а Тамара помогает ей растить ребенка и твердит, что снова замуж она выйдет разве что в следующей жизни и только за Германа.

Возможно, дело в том, что Герман не просто рефлексирует — он ищет Б-га. Отвергает, проклинает — и ищет снова. Поиск не поможет ему собрать себя, разбитого, по кусочкам, но даже раздавленный, почти мертвый, он непостижимым образом не утрачивает какой-то высокой человечности. Именно из-за Германа роман Зингера невозможно представить как традиционную мелодраму. И Евгений Арье это отлично понимает. Аскетизм декораций, минимум сценических приемов — все направлено на то, чтобы дистанцироваться от сентиментальной love story. Метафизика не потерялась на фоне любовных переживаний, актуальная во все времена «еврейская тема» подается почти без нажима...

И вот на фоне такого редкого в наши дни «единства формы и содержания» актерская игра вызывает некоторое недоумение. Нет, дело не в том, что кто-то играет плохо. Просто в какой-то момент складывается впечатление, что часть артистов выступает в одном спектакле, а их партнеры в каком-то другом. В концепцию осознанно четкого, строгого действия идеально попадают Сергей Юшкевич и Евгения Симонова, играющие своих героев точно, ярко и без малейшего пережима. Остальные же словно выламываются из черного, почти без декораций, сценического пространства. Маша Чулпан Хаматовой всем

хороша, но уж такая femme, такая fatale, что хоть святых выноси. Ну почему роковая женщина должна непременно ходить либо в распахнутом negligé, либо в красном и обтягивающем? Алена Бабенко очень интересно играет Ядвигу, но так усердствует с воспроизведением польского акцента, что кажется будто на сцене Ингеборга Дапкунайте, малость подзабывшая русский. Если появляется еврей — непременно с местечковым говорком, если персонаж — артист, непременно начнет жеманиться, ну и так далее. Возможно, с помощью привычных для публики штампов постановщик пытался облегчить восприятие спектакля? Но этой постановке с ее отличным ритмом, изящным оформлением и удачной трактовкой такая «игра в поддавки» со зрителем уж точно ни к чему.

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК

Èðèíà Ì àé

Á ðèèíí àð, íàèè-àðíèèð ìòððàíè-àíðàí ñ íàðèíðàí è, ððàíòóçíà ííààèòé, àíèíòà àíàí Ì íàèò, ààèí à òíí, ÷òí ííé, à íòèè-èà íò àèèàíàòà, ààò-àí è íðí-èò íèèòèðíàííóò àí àðàí ÿ àòíðé íèðíàé àíéíó íàðíàíà àíèàà ðííí íàèèòéèíí íà èíèèàíðàòèèíèòíà çàííà ÷òí è ó àíàòííðíàí-íóò àðàèàí Òðàíòèè ðíèíòà à íòèèà Íá ÿòíí ìíÿé íàèí èç íàíèèð àèàííóò ðèèíí íà Ààèíçàò Èíòè. È íàçàèè àí «Ì ìíí Èèÿéí».



Ален Делон сыграл главную роль в фильме «Мсье Кляйн» Джозефа Лоузи (1976)

Преуспевающий арт-дилер скупает у евреев за бесценок искусство. Потому что на дворе 1942 год, и гонимым нужны деньги, чтобы бежать из оккупированного Парижа. «Сколько вы хотите за этот портрет?» — «Шестьсот луидоров». — «Триста луи». — «Вы смеетесь?» — «Нет, я ведь не обязан его покупать». Герой не знает, что не пройдет и года, как его имущество тоже будет продано за гроши. Пока же он рассыпает на столе три сотни золотых монет, и, так и быть, полотно «малого голландца» Адриана ван Остаде находит нового хозяина. Этот диалог потом всплывет еще раз в финале, за кадром, в сцене на печально знаменитом «Зимнем велодроме», куда 16 июля 1942 года согнали 13152 еврея, из них 5802 женщины и 4050 детей, чтобы отправить их в лагерь смерти. Там оказался, вопреки безупречному происхождению, и главный герой Робер Кляйн — его сыграл Ален Делон.

Фильм, снятый в 1976 году, едва ли имел шанс быть показанным на советском экране — в лучшем случае на фестивале, да и то... О коллаборационистах в СССР вспоминали так же неохотно, как о евреях. Зато в перестройку как прорвало: «Мсье Кляйна» показывали регулярно. Тогда, в середине 1980-х, его увидела и я. Еще не имея представления о судьбе режиссера, о том, сколько личного вложил он в этот сюжет.

Благополучный парижанин обнаруживает, что у него есть двойник — человек, похожий на него и абсолютный его тезка. Все начинается с того, что Кляйн по ошибке получает «Еврейский вестник» — перепутали адрес. Эту газету издавала префектура Парижа только для евреев — не для него. Он заявляет о случившемся недоразумении и, казалось бы, инцидент исчерпан, Кляйн продолжает спокойно жить и разгуливать по аукционам. Но по мере того как петля затягивается на шее этого благополучного господина, он начинает иначе воспринимать мир.

Ускользающий двойник притягивает Кляйна. Он исследует нищее жилище своего визави в районе Пигаль, где обнаруживает листок с нотным текстом «Интернационала». Узнает о его связях с аристократами, не склонными мириться с новым порядком, — обитательницу замка, в который Кляйна приводит все так же по ошибке полученное приглашение, играет еще молодая, фантастически красивая Жанна Моро. Он ищет девушку этого похожего на него господина, обнаружив ее фото. Он находит его собаку... И в конце концов мы становимся свидетелями ожидаемой метаморфозы: Кляйн понимает, что этот романтик и террорист, входящий в аристократические дома и взрывающий машину с немецкими офицерами, — тот, кем он сам мог бы быть. Его альтер эго, может быть, его лучшая часть. И повторить путь этого человека для Робера Кляйна — судьба, неотвратимый финал. Так же как неизбежным оказался подобный исход для создателя фильма — в другой стране, в иные времена.

Здесь каждый кадр имеет символическое значение — настолько, что к финалу мы пытаемся эти символы разгадать. Даже троекратный поцелуй приятеля-адвоката, явно отсылающий нас к поцелую Иуды. И конечно, первая сцена — прием у врача.

Врач-антропометрист осматривает женщину средних лет. Его руки бесстыдно шарят по ее телу. Стыдливо раздевшись, она подставляет доктору то ухо, то зубы, то челюсть, ее глаза полны страха. В них один вопрос: похожа она на еврейку или нет. Такую процедуру должен был пройти во Франции каждый, кто желал доказать, что он не еврей, — разумеется, при наличии сомнений. Врач дает неутешительное заключение: «По совокупности морфологических и поведенческих данных обследуемый объект может принадлежать к семитской группе и иметь еврейских, армянских или арабских предков».

Потом пройти подобное обследование самому Кляйну советует его адвокат. Тот отказывается, уповая на метрики предков, которые должны доказать католические истоки его рода: немецкая фамилия у него — из Эльзаса, он ведет свой род от Людовигов...

«Я не сомневаюсь в законе, — кричит герой Делона, — но он не для меня! У меня забрали машину, картины нельзя покупать и продавать, нельзя заходить в бары, рестораны и кино, даже в общественные писсуары! И все потому, что метрика моей бабушки еще не пришла».

Адвокат пытается отправить Кляйна за границу, но тот выходит из поезда, понимая, что должен найти двойника и прожить их общую жизнь.

Любит ли режиссер своего героя? Едва ли. Как и в другом своем знаменитом фильме — «Слуга». Недаром и фамилию персонажу он придумал — Кляйн, в переводе с немецкого «маленький». И образ, нарисованный Делоном, лишен свойственного Делону обаяния не просто так. Похоже, режиссер мстит Роберу Кляйну — или таким, как Кляйн. И есть за что мстить...

Джозеф Лоузи, обладатель Каннской «Золотой пальмовой ветви», обласканный славой создатель «Слуги» и «Посредника», и сам вынужден был бежать за границу, когда в эпоху американской «охоты на ведьм» сценарист Лео Таунсенд, давая показания комиссии Маккарти, напомнил о членстве в Коммунистической партии Лоузи и его жены. Режиссеру припомнили участие в постановках Бертольда Брехта, вместе с которым Лоузи, выходец из богатой американской семьи, когда-то учился в Берлине. Он моментально оказался в черном списке Голливуда и, не имея никаких шансов снимать на родине, перебрался за океан. Но даже оказавшись в Англии, Лоузи сначала снимал под псевдонимом: известные актеры отказывались работать у режиссера, запятнавшего себя сочувствием коммунистическим идеям, — это могло помешать их голливудской карьере.

К 1976 году, впрочем, перипетии были давно в прошлом, Лоузи к тому моменту давно был признанным, уже британским, классиком, в его фильмах снимались звезды. Ален Делон, прежде чем сняться в «Мсье Кляйне», сыграл у Джозефа Лоузи в фильме «Троцкий», которым режиссер распрощался с коммунистическими идеалами юности. Фильм не имел успеха — в отличие от следующей их совместной работы, «Мсье Кляйна», принесшей Лоузи главную французскую кинопремию «Сезар».

Всех, кто пережил войну во Франции, удивляла достоверность, с которой Лоузи воссоздал на экране историю. Это объяснялось просто: в 1976-м еще было живо много очевидцев тех событий. Некоторые даже были заняты в его съемочной группе.

Первый из них — Александр Траунер, художник. Он снимал «Метро» с Люком Бессоном и «Около полуночи» с Бертраном Тавернье, с Джозефом Лоузи работал на картинах «Мсье Кляйн», «Дорога на юг» с Ивом Монтаном и Миу-Миу, и над фильмом-оперой «Дон Жуан» — последним фильмом режиссера. И все тот же Алекс Траунер, венгерский еврей, оказавшийся в начале войны во Франции, был художником на съемках одного из величайших фильмов в истории кинематографа — «Детей райка» Марселя Карне. Если бы даже все французы пошли на сделку с фашистами, но Карне снял бы свои гуманистические фильмы, это в какой-то степени оправдало бы французов. Мало того что он их снимал — в своих съемочных группах он пригнул множество евреев и участников движения Сопротивления — чуть ли не две тысячи! — сочинив им новые имена и таким образом «отмазав» от репрессий. Так было с «Вечерними посетителями», которых Карне снимал во время войны, и с «Детями райка», вышедшими на экраны в 1945-м. Обе картины снимались, главным образом, на киностудии в Ницце, и немцы, что самое поразительное, платили за все...

Но «Дети райка», пронзительный фильм о любви, — победное кино. А «Мсье Кляйн» — фильм-обвинение. Местами он снят как документальное кино, разве что есть цвет. И оттого момент подготовки знаменитой облавы на евреев выглядит еще мрачнее: среди тех, кто готовит операцию, нет немцев — только полиция, в которой одни французы. Прежде чем согнать евреев на велодром, они тщательно все просчитали, даже репетицию провели — ее свидетелем стал Робер Кляйн.

Это было на исходе ночи. В сером утреннем свете полицейская башня напоминала печь крематория, и, удивительное дело, зрителей не радовал узнаваемый парижский пейзаж.

«Вокзал Сен-Лазар — Мадлен — 6 минут. Этуаль — мост Альма — 10 минут. Республика — Шатле — 15 минут, Бастилия — Монпарнас — 25 минут...» — подсчитывают полицейские хронометраж.

Когда начнется сама операция, в один из зеленых автобусов с евреями попадет и Робер Кляйн. У него будет еще шанс спастись — адвокат Пьер, старый приятель, найдет своего друга, будет кричать: «Ты спасен: пришли метрики!» И размахивать спасительными бумажками, которые Кляйну уже ни к чему. Потому что уже назвали его имя, и толпа несет мсье к поезду, идущему в концлагерь. Мы видим его спокойное лицо за решеткой вагона. И слышим за кадром уже знакомое: «Сколько вы хотите за этот портрет?» — «Шестьсот луидоров». — «Триста луи». — «Вы смеетесь?»

Что вы, какой уж тут смех...

В последние годы Крайнев играл мало, в основном преподавал. Я помню, как на конкурсе Рубинштейна в Тель-Авиве, услышав грубую ошибку в этюде Шопена, он охнул на весь зал и обхватил голову руками. Переживать чужую игру как собственную — такое сегодня дано не многим.

Ì ÈÕÀÈÈ ÈÌÇÀÈÌÁ: ÁÛÕÌÁВ ÈÇ ДÌÈÈ...

22 àìðàëü íá ñòàèÌ Ì èõàèèà Èìçàèìáà çàì á-àòàèíííá àðòèñòà, íááìíòáíáííá ðàæèñíòà, æèíáèèà, èíòèðíé òì àè àèáíòüíà æ-èòàòüíòèèè...



Для актера со стопроцентно узнаваемой физиономией Козаков поразительно мало снимался в кино. У него было слишком нездешнее лицо, отличавшее Михаила Михайловича от коллег и просто сограждан. Точеный дьявольский профиль обеспечил амплу злого гения. А его мама, Зоя Александровна Никитина, дважды сидевшая при Сталине «сестра» «Серапионовых братьев», как ее называли, очень переживала, что сын прославился в отрицательных ролях, и не могла смотреть на него в «Человеке-амфибии». А еще раньше было «Убийство на улице Данте» (он там еще студент) и «Евгения Гранде». Не считая Сильвио в «Выстреле» — одном из лучших фильмов Козакова-актера, во всех своих ранних картинах он исполнял роли отъявленных мерзавцев. Тогда как в Театре имени Маяковского, который тогда возглавлял Охлопков, в 21 год сыграл Гамлета. И в «Современнике», куда перешел, его роли были великолепны. И то, что Козаков делал на телевидении — а «Покровские ворота», «Безымянная звезда» и «Визит дамы» именно телевизионные фильмы, — не что иное, как экранные версии театральных пьес.

В 1981-м Козаков поставил на ТВ лермонтовский «Маскарад», где вместе с ним сыграли Евгения Симонова и невероятно похожий на отца сын Кирилл. А свою любимейшую роль артист сыграл в 1971-м в фильме «Вся королевская рать» — 40 лет назад! Тогда как показали в день смерти снова «Здравствуйте, я ваша тетя!»

Козаков переживал, что его имя отождествляется не с Дюрренматовым «Визитом дамы», а с «Покровскими воротами», казалось бы навязшими на зубах... Напрасно. Весь Козаков был в этой ностальгической последней сцене, когда за кадром он читает, как «ветер в аллеях Нескучного сада замечает твои следы».

Зорин писал про себя, а мы пытаемся разглядеть в юном Меньшикове козаковские черты.

Свой резкий профиль и слегка пугающий взгляд он унаследовал, вместе с национальностью, от отца, писателя Михаила Иммануиловича Козакова, на которого был сильно похож. Отец был известен в 1920–1930-х годах, но позже оказался забыт, и эта его непопулярность — в ленинградском доме, где соседями были Каверин и Зоценко, — явно обижала и сына. Неудовлетворенность Михаила Козакова сказалась на всей его жизни — ему всегда хотелось чего-то еще: нового места, новой жены, нового шанса... Пять жен, пять детей. Уехал в Израиль, где играл в только что созданном театре «Гешер», преподавал на иврите, создал русскоязычную антрепризу — сначала в Тель-Авиве, потом в Москве. Говорил: «Израиль мне понравился, но сам я себе в Израиле — нет». Охота к перемене мест... Умирать он снова сбежал в Израиль — к младшим детям, к бывшей четвертой жене. Ему было 76. В начале 2000-х он рассказал, как его завербовали в КГБ, и сразу в актера полетели камни: своих сдавал! Не сдавал своих. На интервью «Известиям», где это было опубликовано, — текст, надо сказать, был деликатнейший, не чета нынешним интонациям старейшей газеты, — обиделся страшно, хотя сам же все рассказал. А потом написал об этой вербовке в книге «Третий звонок», в главе «Мне Брамса сыграют».

Название заставляет вспомнить Пастернака, которого Михаил Козаков читал, и музыку, которую любил. В середине 1980-х, когда в Союз повалили на гастроли большие музыканты, Козаков был в первых рядах в Консерватории, в неизменном клетчатом пиджаке. Консерваторию вот-вот откроют после ремонта. А Козакова нет.

Èdèi à Áccàí tãì

Ἀδελφὲς Ἀλὲνᾶδᾶ: ἑορτὴ Ἀἰὲν ἰῆνῆ Ἀἰῆ ἰᾶ Ἀἶ ἑᾶ ἰᾶ Ἀἶ ἑᾶ ἰᾶ

8 мая в Институте имени Склифосовского на 84-м году скончался известный литератор Аркадий Иосифович Ваксберг.



В начале 1970-х годов потомственный адвокат Аркадий Ваксберг оставил юридическое поприще ради работы в «Литературной газете» — и в считанные годы достиг всесоюзной известности, став едва ли не главным журналистом страны, где журналистики, по сути, не было и быть не могло.

Сказать, что переход в «Литературку» разделил его жизнь надвое, было бы сильным преувеличением. К тому времени Ваксберг печатался уже больше десяти лет, был автором нескольких книг. Но все же именно «Литгазета» определила его репутацию и место в истории отечественной журналистики. Вместе со своими коллегами Евгением Богатом, Ольгой Чайковской, Александром Бориным он стал корифеем жанра судебного очерка. Его разоблачающие высокопоставленных коррупционеров материалы гремели в брежневском СССР. Много ли газетных статей люди спустя 30 лет помнят едва ли не наизусть? А когда пришло известие о смерти Ваксберга, читатели старшего и среднего поколений в блогах и на форумах наперебой начали вспоминать и в деталях пересказывать самые легендарные его очерки: чебоксарскую «Баню», сочинскую «Ширму», «Завтрак на траве», «Прорыв», «Сильную личность»...

Придуманые Ваксбергом словосочетания (например, «телефонное право») мгновенно входили в журналистский словарь. Его очерки инсценировались и экранизировались. По следам его выступлений пленумы Верховного суда СССР принимали решения, корректирующие правоприменительную практику. Он мог помочь освободиться невинно осужденному и посадить казавшегося неприкасаемым. Не случайно именно с ним связывали последнюю надежду на справедливость сотни и тысячи людей со всех концов страны. Ходил слух, что именно из-за Ваксберга в «Литгазете» пришлось ввести пропускную систему: бесконечные ходоки грозили полностью дезорганизовать работу редакции. Это, скорее всего, анекдот, но то, что в телефонном справочнике «Литературки» значились домашние телефоны всех сотрудников, кроме Ваксберга, — действительно факт.

Впрочем, сам Ваксберг ценил в своих очерках в первую очередь литературную составляющую. «Меня судебные сюжеты интересовали постольку, поскольку они могли быть предметом литературы, — говорил он в одном из поздних интервью. — Собственно правовые проблемы меня занимали мало. Использовал я этот свой жанр как литературную форму для того, чтобы высказаться о вечных проблемах».

Как литературные произведения он рассматривал и свои книги 1990–2000-х годов — об Александре Коллонтай, Максиме Горьком, Лиле Брик, постоянно подчеркивая, что пишет не научные исследования, а биографические романы.

Именно романизированные биографии принесли Ваксбергу международную известность. С середины 1990-х Ваксберг жил в Париже, там работал над одной из последних своих книг: «Из ада в рай и обратно. Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну» — попыткой осмысления и обобщения того, что произошло с российским еврейством в советский период (см. замечательную рецензию Дмитрия Прокофьева: Лехаим. 2004. № 8). Он был активен до последних дней, писал книги, статьи, откликался на актуальные темы. Но все же для многих людей на постсоветском пространстве Ваксберг навсегда остался

тем бесстрашным журналистом «Литературки», который в глухие 1970-е готов был противостоять сильным и защищать слабых.

Ї ёѡѡѡ Ї аѡѡѡ

АВТОРЫ НОМЕРА

РОМАН АРБИТМАН (р. 1962)

литературный критик. Автор «Истории советской фантастики» (под именем доктора филологии Р.С. Каца) и детективных романов (под маской Льва Гурского).

ЛЕВ БЕРДНИКОВ (р. 1956)

филолог, журналист (монографии «Счастливыи Феникс: Очерки о русском сонете и книжной культуре XVIII – начала XIX века» [1997], «Пантеон российских писателей XVIII века» [2002]).

МИХАИЛ ГОРЕЛИК (р. 1946)

эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ (р. 1970)

прозаик, поэт; лауреат премий им. Ю. Казакова (2006), «Русский Букер» (2007), «Большая книга» (2010).

АРКАН КАРИВ (р. 1963)

писатель, журналист, автор трех книг об израильском сленге, триллера (вместе с Антоном Носиком) и романа «Переводчик».

ДЕНИС ЛАРИОНОВ (р. 1986)

поэт, литературный критик. Публиковался в журналах «Воздух», «Новое литературное обозрение», в альманахе «Солнце без объяснений» и др. В 2009 и 2010 годах входил в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Поэзия».

ЕВГЕНИЙ ЛЕВИН (р. 1973)

журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

ВЛАДИМИР МАК (р. 1955)

музыкальный критик, продюсер, экскурсовод. С 1991 года живет в Иерусалиме.

ИРИНА МАК

журналист, обозреватель газеты «Известия».

АФАНАСИЙ МАМЕДОВ (р. 1960)

писатель, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Лауреат премий им. Ю. Казакова (2007), И.П.Белкина (2010).

АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ (р. 1965)

литературный и художественный критик, сотрудничает с журналами «Синий диван», «Теория моды», газетой «Ведомости».

СИНТИЯ ОЗИК

американская писательница, автор романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

ГРЕЙС ПЕЙЛИ (1922–2007)

американская писательница, поэт, общественный деятель. Автор сборников рассказов, стихотворений, бесед.

ДАНИИЛ РОМАНОВСКИЙ (р. 1952)

специалист по новейшей еврейской истории, сотрудник Центра по исследованию антисемитизма им. Видала Сассона в Еврейском университете в Иерусалиме.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ (р. 1959)

президент Института Ближнего Востока, экс-президент Российского еврейского конгресса.

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ (р. 1935)

американский писатель, автор научно-фантастических произведений. Лауреат премий «Хьюго» («Ночные крылья» [1969], «Стать солдатом» [1990]), «Небьюла» («Пассажиры» [1970], «Время перемен» [1971], «Добрые вести из Ватикана» [1971]) и др.

Опубликовал несколько десятков популярных и исследовательских книг по древней и современной истории.

ЮРИЙ ТАБАК (р. 1955)

историк, переводчик, религиовед («Православие и католичество», учебник «История религий», «Сумерки шовинизма» [сб. статей], «Основные догматические обрядовые расхождения»).

АЛЕКСАНДР ФЕЙГИН (р. 1959)

раввин, ректор Международного еврейского института экономики, финансов и права (Москва).

ПАВЕЛ ФЕЛЬГЕНГАУЭР (р. 1951)

журналист, независимый военный обозреватель и аналитик. Авторские материалы выходят на страницах изданий «Moscow Times» и «Новая газета», экспертные заключения — в ряде российских и зарубежных СМИ.

АННА ШКОЛЬНИК

испанист, переводчик, доцент МПГУ.

ВЛАДИМИР ШЛЯХТЕРМАН (р. 1924)

журналист («Московский комсомолец», «Советский спорт» и др.). Лауреат премии им. Артема Боровика (2010).

ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ (р. 1965)

поэт, литературный критик, переводчик с английского и идиша. Сотрудничает с журналами «Звезда», «Новый мир», «Знамя», «НЛО», газетой «Русская мысль», порталом «OpenSpace» и др.

МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН (р. 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Сотрудничает с «Русским журналом», «Новым миром», «Знаменем», «НЛО», газетами «Русская мысль», «Ведомости» и др.

ОЛЕГ ЮРЬЕВ (р. 1959)

поэт, прозаик («Франкфуртский выстрел вечерний», «Винета» и др.), драматург («Мириам», «Маленький погром в станционном буфете» и др.), переводчик. Один из основателей ленинградского неофициального объединения «Камера хранения» (1983).